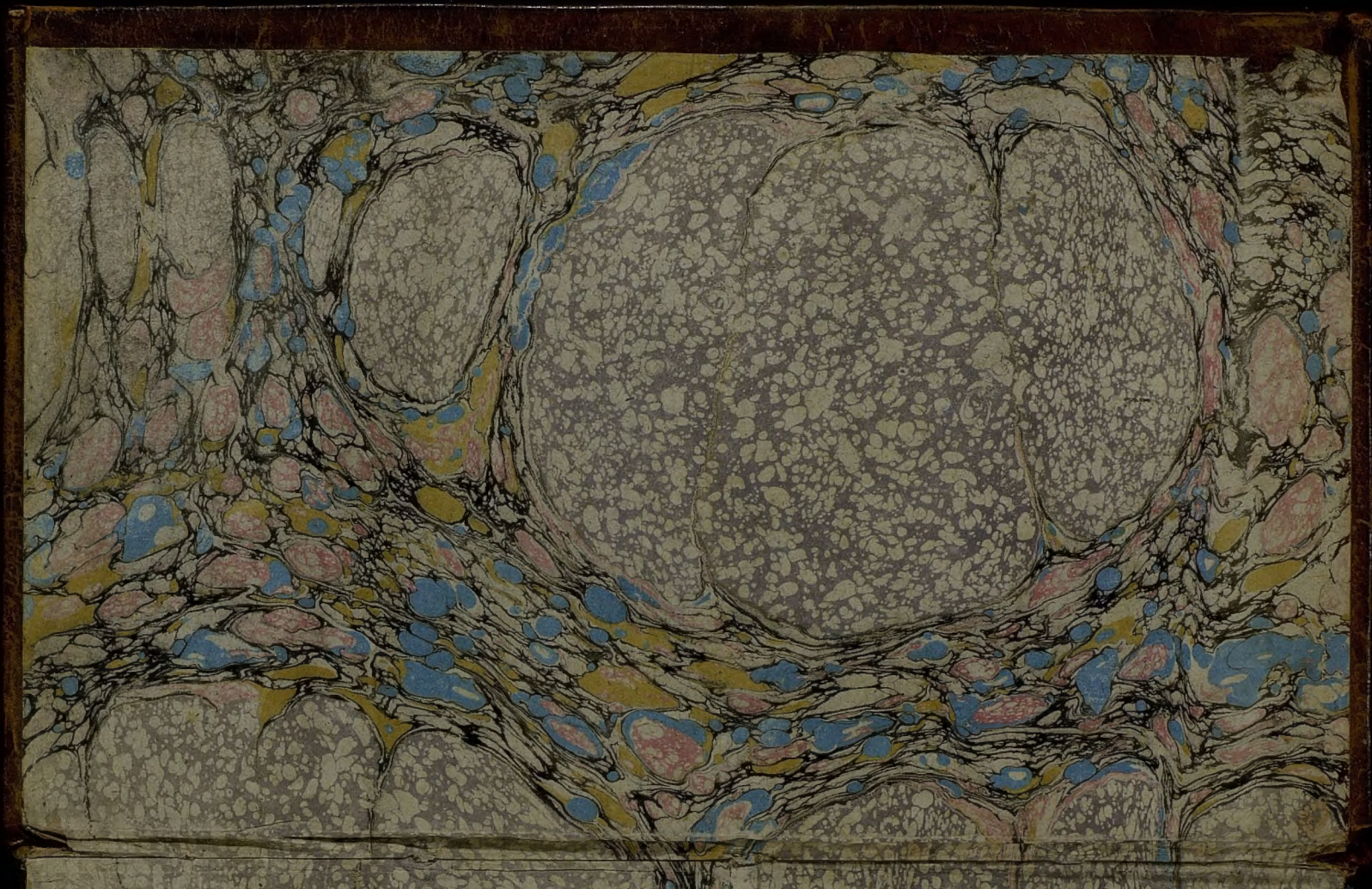
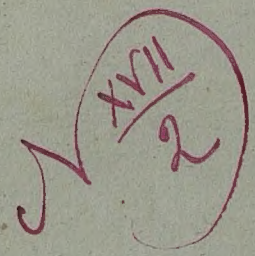



XVII
2

823

Дубовицкаго

НОЧИ,

или

БЕСѢДЫ МУДРАГО

СЪ ДРУГОМЪ.

Съ дозволенія
С. Б. бургскаго Гражданскаго
Губернатора.

Низверженныхъ духовъ сіи оковы долу:
Обуздана ихъ плоть, но ихъ свободна воля.

Поэма Владимир. Изд. VI.

НОЧИ,

ИЛИ

БЕСѢДЫ МУДРАГО СЪ ДРУГОМЪ,

ИЗЪ

СОЧИНЕНІЙ

Г.ну Эккартсгаузена.

1804.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 870

Сіи Ночи *собственно суть предъ-уготовительныя* Бесѣды Мудраго съ ищущимъ Истины, *испытуемымъ еще имъ*, другомъ, *какъ-то мы ихъ и назвали. Ежели уроки сіи тебѣ угодны, любезный читателъ! то ты можешь найти продолженіе оныхъ въ изданной нами прежде книжкѣ, подъ названіемъ:* Наставленіе Мудраго испытанному *уже* другу, *которая Авторомъ писана непосредственно послѣ сей, хотя нами выдана была и прежде. Впредь же надѣемся мы тебѣ представить и дальнѣйшее продолженіе сего Наставленія, ежели исполненіе сего намѣренія отъ насъ будетъ зависѣть; ибо мы тебѣ усердно добра желаемъ, благонамѣренный читатель!*

У. М.

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

Скоро полночь, любезный другъ, и мы съ часъ уже разговариваемъ съ вами о чудесахъ Натуры, которыя для толь многихъ человѣковъ остаются загадкою. Я примѣчаю въ васъ большую склонность къ вышнимъ наукамъ и знаніямъ сокровенныхъ вещей въ Натурѣ. Вы трудитесь, работаете, собираете, испытываете; но ежели искренно признаться захотите, то вы все еще не знаете, гдѣ вы? — Все, что вы сказать можете, есть только то, что есть *многое, что мы знаемъ; но еще болѣе, чего не знаемъ.* Любопытный духъ вашъ перебѣгаетъ отъ одной мысли къ другой; въ васъ загорается искорка, и опять потухаетъ; вы гадаете, мечтаете, грезите; видите передъ собою простран-

ное, неизмѣримое море; находите множество книгъ и людей; говорите съ ними, слушаете ихъ, читаете, и любопытство ваше отчасу болѣе возбуждается, а вы отчасу менѣе находите удовлетворенія; — усматриваете вдали *землю таинствъ*, какъ отдаленный островъ, и хотите пристать къ берегу: но — я прошу васъ, любезный другъ — не ввѣряйтесь каждому плывущему судну и каждому кормщику. Путь сей далѣе и труднѣе, нежели вы, можетъ быть, воображаете. Съ неопытнымъ кормчимъ вы можете годъ проплыть безъ надежды когда-либо достичь земли; можете также попасть на мѣль, и тамъ погрязнуть, или выброшены быть на такіе берега, гдѣ ложь и обманъ царствуютъ, и гдѣ вы найдете свою погибель.

Я увѣренъ, что у васъ сердце доброе, и что человѣчество вамъ лю-

безно; потому я и не охуждаю вашего любопытства: но только прошу васъ, чтобы вы отдали себя подъ руководство разуму. Не вѣряйтесь всякому, чьего характера вы не знаете. Кто не старается морально быть добрымъ, кто не вѣдаетъ душевной Истины — тотъ не можетъ привесть васъ къ *Истинѣ*.

Весьма бы я желалъ, любезный другъ, чтобъ вы положительно опредѣлили себѣ цѣль: для чего вы столь многое знать хотите? Буде для того, *чтобы только знать*, чтобы сказать: *я обладаю такою-то и такою рѣдкостью:* о! то выкиньте изъ головы сію мысль; вы никогда успѣха въ вышнихъ наукахъ имѣть не будете; любопытство ваше становиться будетъ отчасу жаднѣе, и отчасу менѣе будетъ удовлетворяемо; вы будете походить на Танталa, который видитъ всегда плоды передъ со-

бою; но всякой разъ, какъ только онъ думаетъ сорвать ихъ, они избѣгаютъ отъ рукъ его. Мученіе ваше будетъ подобно мученію Данаидъ; вы будете черпать изъ источника Премудрости въ бездонные сосуды. Намѣреніе ваше, любезный другъ, должно быть то, чтобы приближиться къ высокой цѣли человѣческаго предназначенія. Ежели при любопытствѣ вашемъ нѣтъ у васъ сего намѣренія: то будьте увѣрены, что вы будете мечтать, воображать, грезить, гоняться за тѣнью, и ничего истиннаго не узнаете. Но есть-ли воля ваша чиста и намѣреніе честно, то не отчаявайтесь; вы можете достичь до высочайшаго знанія вещей человѣческихъ. Все рѣдкое, чудесное, которое тамъ и сямъ въ книгахъ показывается, къ чему иногда приводитъ насъ какое-либо явленіе въ Натурѣ, есть только на-

меки, только разкиданныя приманки, дабы дать человѣку примѣтить, что еще вышшія Истины вѣ лонѣ Натуры скрываются.

Дѣйствительно есть нѣкоторые остатки отъ Творческаго мірозданія, разбросанные кое-гдѣ Премудрымъ, которымъ обыкновенный человѣкъ дивится, не зная откуда они? Но тщетно старается онъ узнать цѣлое, отъ котораго обломки сіи ему оставлены. Земная философія не научаетъ обозрѣвать въ связи цѣлое; а безъ того не льзя прямо знать частей онаго.

Однакожъ, любезный другъ, все имѣетъ свое назначеніе по премудрому уставу Создателя: равно и сіи обломки, встрѣчаемые на пути путешественникомъ, тутъ для того, чтобы дать ему примѣтить, что есть еще зданіе, которое путешествующій найти можетъ, когда

утомясь жизнію, переступитъ за юдоль смерти.

Одно токмо есть ученіе, любезный другъ, изъ котораго объясняются всѣ таинства Натуры: но обыкновенные мірскіе мудрецы не знаютъ сего ученія; оно для нихъ тотъ камень претыканія, который отвергли зиждущіе; и вы, любезный другъ, также не получите никакихъ успѣховъ въ вышнихъ наукахъ, естьли вы только это знать, а не поступать по оному хотите. Жизнь духа есть дѣятельность; пламя, которое свѣтить хочетъ, должно горѣть; мертвъ огонь, который подъ пепломъ тлится.

Когда дадутъ вамъ книгу и скажутъ, что она содержитъ въ себѣ великія Истины: то вы должны ее разкрыть, прочесть и послѣдовать ей.

Естьли хотите быть художникомъ, то должны прежде научиться,

потомъ приняться за дѣло; иначе вы будете только портить.

Когда же вы дѣйствительно намѣрены прозрѣть глубже во внутренность Натуры и открыть великія таинства, во святилищѣ творенія сокрытыя: то слѣдуйте за мною; я проведу васъ на путь, по которому вы достигнете до сокровеннѣйшихъ таинствъ Натуры: но вы должны уже непосредственно слѣдовать моему руководству.

Подумайте прежде, любезный другъ, и размыслите хорошенько: хотите ли вы избрать меня себѣ въ путеводители по толь непрохожей дорогѣ? Увѣрены ли вы, что я знаю дорогу и страну ту, по которой вы путешествовать хотите? Увѣрены ли въ моемъ образѣ мыслей, и что я не поведу васъ по путямъ ложнымъ?

Естьли же вы въ томъ удостовѣрены, естьли сердце ваше и дружба

ко мнѣ успокоиваютъ васъ въ семъ пунктѣ: то дайте мнѣ руку; я клянусь вамъ предъ Существомъ, вѣдящимъ сердца человѣческія, что я не поведу васъ на разпутія.

И такъ естьли вы рѣшились, любезный другъ: то увѣрьте и меня взаимно въ святости вашей дружбы, какъ я увѣряю васъ въ моей; обѣщайте мнѣ съ вашей стороны осторожность, дѣятельность, радѣніе, добродѣтель и постоянство. Естьли же вы не находите себя довольно сильнымъ, чтобы дать мнѣ такое обѣщаніе, то не требуйте отъ меня дальнѣйшаго руководства; я останусь навсегда вамъ вѣрнымъ другомъ и буду удѣлять вамъ столько свѣта, сколько вы принять его можете; но самъ просить васъ буду лучше не дѣлать и перваго шага, нежели сдѣлавъ оный, оставаться послѣ того во мракѣ. Вы счастливѣе будете,

не видавъ никогда свѣта, нежели когда, увидя его, возвратишесь опять ко тьмѣ. Осквернение святыни есть ужаснѣйшее зло въ Натурѣ; вы не можете того осквернить, чего вы не знаете: но узнавъ. . . . Я повторяю вамъ, что осквернение святыни есть ужаснѣйшее зло въ Натурѣ! И для того-то въ вещахъ самой высочайшей Истины и святости потребна осторожность, не для самой вещи, любезный другъ, а для людей, вещь оскверняющихъ.

И такъ я еще прошу васъ, мой любезный другъ, гораздо поразмыслить: имѣете ли вы столько твердости въ духѣ, чтобы пребыть вѣрну добродѣтели? Вѣдѣние часто вредитъ болѣе невѣдѣнія, когда оно во зло употребляется.

Путь въ началѣ труденъ: но мзда Премудрости награждаетъ труды неутомимаго путника. Наше стран-

ствованіе есть обратное въ отечество — къ Богу свѣтовъ; каждый шагъ есть приближеніе къ Нему; каждая ступень награждаетъ насъ новымъ свѣтомъ и новою силою. — Довольно сего; усните спокойно! Естьли вы найдете въ себѣ охоту къ странствію по сему пути: то завтра около полуночи мы опять можемъ свидѣться.

НОЧЬ ВТОРАЯ.

И такъ вы рѣшаетесь, любезный другъ, итти тѣмъ путемъ, который я вамъ укажу. Вы ищете Истины и Премудрости: повѣрьтежъ, что одна только дорога ведетъ къ онымъ. Всѣ мудрые въ древности, всѣ посвященные въ истинныя и вышнія таинства искали сего пути: но немногіе на немъ оставались и достигали великой цѣли человѣческаго предопредѣленія. Сей путь есть путь Избранныхъ, путь Пророковъ и Святыхъ.

Ищи Истины и Премудрости въ Богѣ — вотъ главное основаніе, любезный другъ, съ которымъ должны вы ознакомить сердце ваше; ибо отъ Него единаго, яко Творца всѣхъ существъ, происходитъ Истина и

Премудрость, и все истинное и премудрое.

Но прежде, нежели поведу я васъ далѣе, надлежитъ мнѣ указать вамъ, любезный другъ, путь, по коему вы сами итти можете, и на которомъ самъ Богъ будетъ вождемъ вашимъ, какъ скоро вы вступите на оный. Безполезно было бы говорить теперь о вышнихъ таинствахъ, скрывающихся въ лонѣ истинной Премудрости и достающихся въ удѣлъ весьма немногимъ, содѣлавшимся достойными приняпія оныхъ. Таинства сіи, любезный другъ, были бы теперь для васъ еще непонятны. Языкъ созерцательный есть языкъ особенный, который большей части людей неизвѣстенъ; и вы не знаете еще ни первоначальныхъ буквъ онаго, ни послѣдованій Единицы и ея дѣйствій; и такъ не спѣшите по сему пути — ступайте не съ любо-

пытствомъ, а съ чистымъ сердцемъ и искреннимъ желаніемъ получить наставленіе; и будьте увѣрены, что сильнымъ хотѣніемъ и постоянствомъ достигнете вы цѣли вашей.

Обратя взоръ вашъ, любезный другъ, на міръ, увидите вы, что ничто въ немъ удовлетворить насъ не можетъ. Излишне было бы говорить съ вами о томъ пространно: истину сію подтверждаютъ всѣ мудрые древности и опыты каждаго человѣка. Даже мудрѣйшій изъ Царей сказалъ: *все суета, кромѣ любви къ Богу и служенія Ему.*

Вы видите, любезный другъ, что всѣ удовольствія, міромъ и чувственностію намъ предлагаемыя, насытить насъ не могутъ. Сердце наше — ежели сей примѣръ представить смѣю — походя на тріугольникъ, не можетъ наполниться міромъ, ибо онъ кругъ; всегда останется въ немъ

пустота, которую наполнить можетъ одна Божественная Тріединица. Время и чувственность подвержены перемѣнамъ, и потому ни твердости, ни продолжительности имѣть они не могутъ. Такъ и науки и мудрость человѣческая совершенно удовлетворить насъ не могутъ; всегда останется для насъ множество вопросовъ, которыхъ мірскіе мудрецы рѣшить намъ не въ состояніи. Бываютъ случаи, которыхъ, по исторической ихъ вѣрности, отрицать не возможно; но которыхъ мы физикою нашею изъяснить не можемъ. Чудеса, дивныя приключенія, таинства вѣры останутся навсегда загадкою для нашихъ философовъ, коихъ разумъ никогда не объяснитъ сихъ вещей, для которыхъ нужно вышнее просвѣщеніе.

Мірскіе ученые весьма чувствуютъ сей свой недостатокъ; ихъ спо-

ры и разныя объ одной вещи мнѣнія суть доказательства того. Почему все то, чего они понять и объяснить не могутъ, они отвергаютъ, какъ мечту воображенія, или какъ порожденіе воспаленной головы, или какъ обманъ: но любитель Истины, безпристрастно испытующій причины, часто во всѣхъ ихъ возраженіяхъ и доводахъ не находитъ ничего доказаннаго, и потому духъ его носится между вѣрою и сомнѣніемъ.

Есть однакожъ наука, любезный другъ, разрѣшающая всѣ сомнѣнія мірскихъ философовъ; ибо всякое сомнѣніе есть недостатокъ познанія и проницанія: но наука сія обрѣтается не въ обыкновенныхъ школахъ; она есть достояніе шествующихъ по путямъ Божескимъ, и съ смиреннымъ духомъ ожидающихъ вышняго просвѣщенія отъ Раздаятеля Свѣта и Премудрости.

О достоинствѣ сей науки я не могу дать вамъ прямаго понятія, любезный другъ; ибо не нахожу достойныхъ словъ къ выраженію того. Она есть Премудрость Божія, о которой говоритъ Соломонъ, что

„Она даетъ познаніе не ложное о „всѣхъ сотворенныхъ вещахъ; нау„чаетъ знать составъ міра и дѣй„ствія стихій.

„Также начало и конецъ и сре„дину времени, съ разными измѣне„ніями и перемѣнами его, кругъ го„дичный и звѣздъ расположеніе.

„Натуру животныхъ, и гнѣвъ „звѣрей, помышленія человѣческія, „разность растѣній и силы корень„евъ.

„Всему, что тайно и явно, она „меня научила; ибо Премудрость „художница всего.

„Будучи единична, все можетъ; „пребывая въ самой себѣ, все воз-

„обновляетъ, и между народами все-
„ляется въ души святыя, и дѣлаетъ
„ихъ друзьями Божіими и Пророками.

„Разумѣетъ хитросплетенныя
„слова и можетъ разрѣшать труд-
„нѣйшія задачи; вѣдаетъ знаменія и
„чудеса прежде событія ихъ и прež-
„де наступленія тѣхъ временъ и
„лѣтъ.

„Отверзаетъ уста нѣмыхъ, и язы-
„ки младенцевъ дѣлаетъ краснорѣ-
„чивыми.“ *Премудр. гл.* VII, VIII, X.

Такое о ней свидѣтельство, лю-
безный другъ, находится въ Св. Пи-
саніи, признанномъ нами за Боже-
ственное, которое и дѣйствитель-
но есть Божественное: въ чемъ вы
со временемъ такъ увѣритесь, какъ
и въ томъ, что солнце днемъ свѣ-
титъ. Что же я могу къ сему при-
бавить? Вы видите справедливость
словъ, сказанныхъ Шекспиромъ „что
„есть вещи въ Натурѣ, о которыхъ

„философія наша и грѣзить не смѣ-
„етъ.“ Подлинно, любезный другъ, философія наша не смѣетъ грезить о всѣхъ сихъ вещахъ, хотя онѣ такъ къ намъ близки, что легко бы намъ найти ихъ; ибо то же Св. Писаніе говоритъ:

„Премудрость сама обходитъ и
„ищетъ достойныхъ ея; съ радостію
„показывается имъ на путяхъ ихъ,
„и встрѣчаетъ ихъ со всею осто-
„рожностію.

„Рано пробуждающійся для срѣ-
„тенія ея не утрудится; ибо най-
„детъ ее сидящую уже у дверей
„его.

„Любящіе ее легко увидятъ ее,
„и ищущіе обрѣтутъ ее.“ *гл.* VI.

Для чего же толь немногіе обрѣтаютъ сію Премудрость, о томъ, любезный другъ, также упомянуто въ книгѣ Премудрости. Тамъ сказано:

„Начало Премудрости есть истин-
„нѣйшее желаніе ученія; желаніе
„же ученія есть любовь, любовь
„же храненіе законовъ ея, храненіе
„же законовъ даетъ безсмертіе, а
„безсмертіе приближаетъ человѣка
„къ Богу.“ VI. 17 — 20.

Вотъ въ чемъ состоитъ вся система приближенія къ Богу и удаленія отъ Него: что вы сами, любезный другъ, со временемъ узнаете.

Высочайшее знаніе человѣческое состоитъ въ знаніи всей связи духовнаго съ тѣлеснымъ — въ познаніи всѣхъ способностей, силъ и дѣйствій.

Мірскіе философы мало имѣютъ о томъ понятія: отъ того непрочность ихъ системъ, отъ того заблужденія въ наукахъ, отъ того множество всякихъ сектъ и низпаденіе разума человѣческаго до матеріализма и атеизма.

Есть наука, любезный другъ, которая разгоняетъ облака заблужденій, прочищаетъ туманы мрака и показуетъ человѣку въ яснѣйшемъ свѣтѣ каждое звѣно цѣпи цѣлаго.

Чрезъ сію науку, любезный другъ, объяснятся вамъ Іероглифы древности; ты проникнешь во внутреннее Натуры, увидишь самыя тайныя сокровищницы ея, и съ изумленіемъ познаешь величество Божества.

Ты узришь то, что древніе мудрецы предощущали и предвѣщали. Тебѣ откроются всѣ мистеріи отъ самыхъ древнихъ временъ до нынѣшнихъ; ты получишь ясныя понятія о всѣхъ заблужденіяхъ, о всѣхъ религіяхъ и таинственныхъ ученіяхъ; ты узришь бытіе Божіе, систему творенія, Благость и Премудрость Его въ такомъ свѣтѣ, который самаго Херувима восхититъ къ поклоненію. Безсмертіе души, низверже-

ніе Ангеловъ, паденіе перваго человѣка, прелесть древняго змія, высокой санъ первозданнаго человѣка, запрещенный плодъ, древо познанія добра и зла, древо жизни, изгнаніе человѣка изъ рая, великое таинство искупленія покажутся тебѣ съ такой точки зрѣнія, которая низведетъ помазаніе на душу твою. Ты познаешь Божественность Искупителя, потребность св. крещенія, чудесныя силы таинствъ вѣры; узнаешь, для чего Христосъ 40 дней устранялся отъ сообщества человѣческаго въ пустынѣ; увидишь Истину и Премудрость Его ученія, Его чудодѣйствія, преображенія и воскресенія Его, странствія Его по воскресеніи, вознесеніе Его и низпосланіе Св. Духа въ огненныхъ языкахъ — все сіе увидишь ты съ такой стороны, которая возпламенитъ тебя къ глубочайшему благоговѣнію, и

возбудитъ душу твою къ поклоненію Отцу всяческихъ.

Ты не станешь уже сомнѣваться о чудесахъ Святыхъ, о силахъ ихъ и дѣйствіяхъ, и увидишь, какъ чистѣйшая и высочайшая философія сопрягается съ чистѣйшею и высочайшею вѣрою.

Удостовѣришься, коль чрезвычайная сила и нынѣ дѣйствительно находится еще въ человѣкѣ; коль велико его назначеніе, и на какую степень величія вознестись онъ можетъ содѣйствіемъ Божеской благодати; какъ приближается онъ ко Свѣту всѣхъ свѣтовъ и пріемлетъ чистѣйшіе лучи отъ зерцала первобытнаго Свѣта, для отраженія оныхъ на другихъ, и для дѣйствованія оными. Ты ясно усмотришь, кто были Пророки въ древности? въ чемъ состоялъ духъ Даніиловъ и чудотворная сила Иліина? словомъ: ты узнаешь

такія вещи, о которыхъ наша философія подлинно и грезить не смѣетъ.

Къ сей-то великой наукѣ, любезный другъ, намѣренъ я указать вамъ путь по слову сему:

„Что же есть Премудрость, и „откуда произошла она, я возвѣщу „вамъ и не утаю отъ васъ таинъ „Божіихъ: но изслѣдую до самаго „перваго начала ея, изведу на свѣтъ „разумѣніе ея, и истины не пре„молчу.“ *Премуд.* VI. 22 — 25.

Но ты долженъ взять терпѣніе, любезный другъ, и итти за мною шагъ за шагомъ; вдругъ не льзя приближиться ко свѣту; онъ бы ослѣпилъ тебя, и докамѣстъ не снимется кора съ глазъ твоихъ, ты не въ силахъ взглянуть на сіе солнце. Яркій свѣтъ онаго превратился бы для тебя въ пожирающій огнь. Народъ не могъ выносить взора Моисеева, когда онъ сошелъ съ горы Синайской,

и Моисей долженъ былъ закрывать лице свое ; и самому Моисею Богъ, явясь въ горящей купинѣ, не понапрасну сказалъ: *изуй сапоги отъ ногъ твоихъ; мѣсто бо, на немъ же стоиши, земля свята есть.*

Я смѣю привесть здѣсь сіи слова, любезный другъ, зная, что вы свято почитаете Библію. Но хотя бы Св. Писаніе и не было для васъ священнымъ, и вы имѣли бы одну только добрую волю обрѣсти *Истину* и *Премудрость:* то и тогда я бы повелъ васъ по такой тропинкѣ, по которой мало по малу достигли бы вы вышней Премудрости, и увидѣли бы сами, что Премудрость сія находится въ нѣдрѣ Христіанства. Чувство должно привести васъ къ вѣрѣ, а вѣра къ удостовѣренію.

Прежде всего должны вы, любезный другъ, приучиться не отвергать того, о чемъ вы яснаго поня-

тія еще не имѣете. Многое кажется намъ невозможнымъ по тому только, что мы сей возможности не знаемъ: но кто хочетъ правильно и вѣрно что-либо отвергать яко невозможное, тотъ долженъ вѣдать уже все возможное: гдѣжъ мы сыщемъ такого всевѣдца?

Съ сею осторожностію, любезный другъ, вы пойдете гораздо далѣе; не презрите размышлять и о такихъ вещахъ, которыхъ вы не понимаете, и можетъ быть случится вамъ иногда открыть что нибудь новое, и такое, до чего человѣкъ, все подобное отвергающій, никогда не достигъ бы.

Ученикъ въ училищѣ Премудрости долженъ начинать мудрость свою съ *вѣры*. Сіе положеніе, можетъ быть, покажется вамъ странно; и для того я хочу вамъ объяснить оное.

Мірскіе философы опвергаютъ почти всякую вѣру; они говорятъ, что разумный вѣдаетъ, а простакъ вѣритъ, забывъ то, что по натурѣ человѣческой никто ничего не узнаетъ, естьли прежде не повѣритъ.

Вѣра, любезный другъ, вопервыхъ ведетъ къ знанію. Вспомнимъ дѣтскія наши лѣта. Чрезъ что иное получили мы первыя наши вѣдѣнія, какъ не чрезъ вѣру? Дитя спрашиваетъ у отца: что это за травка, батюшка? — Это трава ядовитая, сынъ мой; ты умрешь, естьли съѣшь ея, отвѣчаетъ отецъ. Дитя вѣритъ и спасается отъ смерти — не вѣритъ, ѣстъ и умираетъ. Сіе простое сравненіе открываетъ ту великую истину: что разумъ нашъ начинается отъ *вѣры*, и что причина *вѣрованія* находится въ вышнемъ вѣдѣніи того, кто имѣлъ больше опытовъ. Безъ вѣры я не могъ бы

выучиться и азбукѣ.— Это *А*, это *Б*, это слово *звѣрь*, это *дерево*, говорилъ мнѣ учитель. Но естьлибъ я сказалъ ему: я этому не вѣрю, докажи: то учитель мой отвѣчалъ бы мнѣ: не льзя тебѣ сего доказать, пока ты не выучишься языку; тогда ты самъ это увидишь. Всѣ тѣ, которые уже выучились, знаютъ это, и всѣ они не знали бы того, естьли бы прежде не повѣрили тѣмъ, отъ кого они учились.— Такъ и во всѣхъ вещахъ, любезный другъ. Человѣческой разумъ способенъ къ постепенному только просвѣщенію, и знаніе его начинается съ вѣры. Почему дѣйствительно удивительно, что философы нынѣшніе спорятъ о томъ, чего не понимаютъ; и по тому, что не понимаютъ, не хотятъ и вѣрить. Это похоже на то, естьли бы дѣти, учась азбукѣ, вздумали опровергать ученіе своего учителя

потому, что они еще не знаютъ, точно ли это буква *А*, которую учитель называетъ *А;* не *Б* ли это? Полно есть ли еще въ азбукѣ буква *А?* Такіе ученики выучились ли бы и азбукѣ? — Таковы многіе изъ нашихъ господъ ученыхъ. Не зная многаго, не хотятъ они вѣрить тому, что ведетъ къ сему знанію.

Желающій знать, сначала долженъ вѣрить. Весьма часто можетъ казаться ему невѣроятнымъ то, что по томъ въ связи онъ самъ уразумѣетъ. Не странно ли и то, что мы, учась какому нибудь языку, учимъ глаголы, имена существительныя и прилагательныя, склоненія и спряженія, не понимая собственно сихъ частей языка, который намъ неизвѣстенъ? Однакожъ всѣ мы такъ учились, и при первыхъ урокахъ вѣра необходима.

Естьли же вы, любезный другъ, удостовѣрены, что для человѣка, яко твари ограниченной, восходящей къ знаніямъ и просвѣщенію постепенно, вѣра необходима: то вспомните притомъ, что вѣра есть какъ въ вещахъ физическихъ, такъ и въ нравственныхъ, или моральныхъ.

Не льзя себѣ вообразить нравственность безъ того, чтобы не усмотрѣть необходимости ея въ человѣческихъ обществахъ. Вы тотчасъ усмотрите, что исполненіе нѣкоторыхъ обязанностей другъ къ другу необходимо, и что безъ нихъ общежительство стоять не можетъ; и тотчасъ откроете причину необходимости естественныхъ и гражданскихъ добродѣтелей, которыя состоятъ въ готовности нашей дѣйствовать согласно съ обязанностями, въ самомъ существѣ общежитія заключающимися.

Когда провозвѣстница Божества Натура приведетъ васъ къ несомненному удостовѣренію о бытіи Божіемъ: то вы тотчасъ почувствуете, что между Существомъ, именуемымъ Богомъ, и разумною тварію должны быть какія нибудь отношенія. Познаніе сихъ отношеній доведетъ васъ до познанія необходимости того, чтобы внутреннія и наружныя дѣйствія разумныхъ тварей согласовались съ сими отношеніями; и такъ разсудокъ непримѣтнымъ образомъ приведетъ васъ къ необходимости богослуженія и религіи.

Естьли разсудокъ вашъ, любезный другъ, получитъ обо всемъ семъ хотя и темныя еще понятія: то сердце ваше однакожъ объяснитъ вамъ сіи темныя понятія тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе усматривать вы станете невозможность найти во

всей вселенной иный постоянный пунктъ истиннаго покоя и блаженства, кромѣ Бога и истинъ откровенія, къ коему, въ тихомъ размышленіи, самая нужда сердца вашего приведетъ васъ непремѣнно.

Важность религіи и дѣйствіе ея на частное и общее человѣческое благо тотчасъ предпишетъ испытующему духу вашему и правила, какъ принимать сомнѣнія и возраженія, которыми враги откровенія самую святѣйшую религію поразить тщатся. Вы тотчасъ увидите, что всѣ вольнодумцы и враги откровенія, отъ Юліана отступника до Волтера, не могли потрясти столповъ святилища. Не входя въ длинные споры, спросите сами у себя, къ успокоенію вашему:

1). Не имѣетъ ли религія и откровеніе наилучшихъ вліяній на человѣческое блаженство?

2). Писавшіе противъ религіи и откровенія показали ли лучшіе способы къ блаженству человѣческому?

3). Любовь ли къ Истинѣ, или чувственность и страсти водили перомъ непріятелей откровенія?

4). Доказали ли они, что провозвѣстники великихъ истинъ религіи не достойны вѣроятія?

5). Дѣйствительно ли они доказали, что откровенію, основывающемуся на происхожденіи изъ Божественнаго источника, недостаетъ Божественнаго свидѣтельства?

6). Доказали ли они, что ученіе отъ Бога происходить не можетъ?

7). Доказали ли они безполезность, или вредность откровенія?

8). Въ осмѣваемыхъ ими вещахъ дѣйствительно ли нападали они на существо религіи, или на внѣшнюю только ея оболочку и на вещи, соб-

ственно къ существу ея непринадлежащія?

На всѣ сіи вопросы никакая книга въ свѣтѣ изъ писанныхъ противъ религіи удовлетворительно отвѣчать вамъ не можетъ. Вы тотчасъ увидите ничтожность возраженій противниковъ откровенія; и естьли собственная злая воля не отведетъ васъ отъ религіи: то по истинѣ ничто отвести васъ отъ нея не въ состояніи.

Что жъ касается до ученія о таинствахъ религіи: то оно одно таково, любезный другъ, что при ономъ разумъ долженъ замолчать и смириться, пока вы ближе ко святилищу не приближитесь. Въ завтрешнее свиданіе вы узнаете, любезный другъ, какъ ищущій Истины долженъ мыслить о таинствахъ откровенія, когда Богъ не вскрылъ еще предъ нимъ завѣсы, покрывающей Его святилище.

НОЧЬ ТРЕТІЯ.

Въ ученіи о искупленіи человѣковъ, безспорно, есть такія глубины, которыхъ разумъ нашъ, при нынѣшней ограниченности его познаній, изслѣдовать не можетъ; и въ семъ отношеніи оно есть такой свѣтъ, который блескомъ своимъ можетъ ослѣпить тѣхъ, кои непріуготованными и продерзкими очами хотятъ зрѣть его. Но какъ бы глубины сіи неизслѣдимы ни были: при всемъ томъ человѣкъ не найдетъ истинъ полезнѣйшихъ и спасительнѣйшихъ, какъ истины, возвѣщаемыя въ семъ ученіи. Никто симъ не соблазнится, естьли онъ не привыкъ останавливаться въ пути своемъ къ Истинѣ, и не перебѣгаетъ тотчасъ на сторону заблужденія, какъ скоро раз-

умѣ его не находитъ въ ней всего удовлетворенія, какого бы онъ желалъ. Неблагоразумно требовать во всѣхъ нашихъ познаніяхъ одинакой ясности; и вы, любезный другъ, не должны безпокоить себя тѣмъ, что религія имѣетъ для васъ еще непонятнаго.

Я не хочу отъ васъ скрывать, что система религіи содержитъ въ себѣ и такія ученія объ искупленіи, которыя съ нѣкоторыхъ сторонъ вовсе непонятны и темны; и сею неясностію отвергающіе Христіанство стараются оправдать свое невѣріе, доказывая тѣмъ, что откровенная религія не имѣетъ того высокаго происхожденія, какое ученики и почитатели ея ей приписываютъ. Но таинства Евангелія не будутъ камнемъ преткновенія для того, кто заблаговременно научился видѣть согласіе оныхъ съ разумомъ;

для такого всѣ возраженія не опасны: ибо возраженія обыкновенно теряютъ свою опасность, естьли они не имѣютъ прелести новизны, естьли къ нимъ человѣкъ уже приготовленъ, естьли они не имѣютъ того вида, что объ этомъ въ юности нашей съ намѣреніемъ было намъ умолчено. Сіе, мнѣ кажется, тѣмъ нужнѣе, что часто люди, и видя справедливость истины, не знаютъ однакожъ, какъ отразить противниковъ оной.

Во всякомъ ученіи многое можетъ быть непонятно, не переставая чрезъ то быть необходимою и полезною истиною: вотъ правило, которое всегда надобно твердить молодымъ людямъ. Натура также имѣетъ свои тайны, какъ и религія; острыя головы тщетно силятся изтолковать оныя: но должно ли отрицать дѣйствіе магнита, или электрической

силы, по тому только, что ни одинъ естествоиспытатель не изъяснилъ еще намъ причинъ сего явленія — не говоря уже о томъ, что многое непонятно намъ по тому только, что мы не достигли еще той степени познанія, на которой дается полное прозрѣніе таковыхъ вещей?

Въ познаніяхъ нужно стараться доходить до ясности и удостовѣрительности, особливо въ случаяхъ, относящихся къ *дѣятельности*; поелику блаженство наше зависитъ болѣе отъ нашихъ *дѣйствій*, нежели отъ *знанія*. Заблужденія, имѣющія вліяніе въ дѣла наши, суть самыя опаснѣйшія; ибо слѣдствія оныхъ простираются очень далеко. Весьма похвально, да и должно стараться, въ изслѣдованіяхъ и размышленіяхъ своихъ доходить сколько можно далѣе, и не такъ скоро предаваться

вожденію каждаго блудящаго огня: однакожъ не всегда можемъ мы получать желаемую ясность и удостовѣрительность; и путь, по которому идти должно, покрытъ мракомъ, и только нѣкоторыми, не весьма ясными лучами озаряется; по чему часто весьма глупо было бы нейти за симъ мелькающимъ свѣтомъ. Въ сей жизни человѣкъ находится подъ искусомъ, или въ состояніи испытанія; и когда требуютъ отъ него, чтобы онъ полезно и надлежащимъ образомъ употреблялъ и самомалѣйшую степень познанія: то и сіе есть также искусъ. Почему человѣку должно изслѣдовать только: производятъ ли таинства религіи *нравственное добро?* И естьли онъ въ томъ удостовѣрится: то надлежитъ ему принять оныя, какъ бы ни казались они ему съ нѣкоторыхъ сторонъ непонятны.

Но прежде нежели приступлю я къ показанію *нравственнаго добра* таинствъ религіи, намѣренъ я познакомить васъ отчасти съ причиною ихъ непонятности и темноты, такъ какъ и всѣхъ происходящихъ оттуда для насъ трудностей, отчастижъ съ цѣлію обнаруженія и откровенія оныхъ.

Причина непонятности нѣкоторыхъ истинъ какъ естественной, такъ и откровенной религіи, двоякая: одна находится въ самомъ существѣ Божіемъ, другая въ натурѣ человѣческаго разума и образѣ мыслей его о Богѣ.

Богъ необходимо долженъ быть существо таинственнѣйшее, яко существо безконечное. Во всѣхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ Своихъ Онъ есть *Всевысочайшій*. Но ни одинъ человѣкъ не можетъ представить себѣ *высочайшую степень* какой-либо

вещи, или свойства съ совершенною ясностію. Естьли бы онъ могъ то себѣ представить: то онъ не былъ бы ограниченъ, и самъ сдѣлался бы безконеченъ. По чему многое надлежало Богу открывать тварямъ и такое, что имъ не совсѣмъ понятно, или можетъ быть и никогда совершенно понятно не будетъ; потому что не всякой къ изслѣдованію таинствъ размышленіемъ удобенъ. Слѣдовательно такое откровеніе есть милосердіе, достойное величія и благости Божеской, и тѣмъ болѣе достойное нашего уваженія и благодарности, что чрезъ то разширяются предѣлы нашего знанія, и сумерки всё лучше ночи.

Другая причина непонятности истинъ находится въ натурѣ человѣка и понятій его о Богѣ, о Его свойствахъ и дѣйствіяхъ. Познаніе наше о Немъ не есть непосред-

ственное, не есть созерцательное, и не можетъ быть таковымъ въ нынѣшнемъ состояніи нашемъ, пока естественная способность наша не перемѣнится и не дойдетъ до степени сверхъ-естественной, какую мы, по свидѣтельству откровенія, въ будущей жизни имѣть будемъ. Теперь же всѣ наши понятія о Богѣ не объемлютъ ничего, въ Богѣ сущаго такъ, какъ *оно есть*; а о всѣхъ совершенствахъ и дѣйствіяхъ Божескихъ судимъ мы по свѣдѣнію о самихъ себѣ и о другихъ предметахъ, намъ свѣдомыхъ. Но свойства Божескія въ Богѣ не то, что въ насъ, хотя дѣйствительно находится между ними такое сходство, по которому мы и о Богѣ судить можемъ.— Такъ на примѣръ: разсматривая мудрость въ человѣкѣ, заключаемъ мы и о Премудрости въ Богѣ. Премудрость въ Богѣ не то, что въ насъ:

но мы изображаемъ одну другою; потому что во всей Натурѣ нѣтъ ничего такого, что бы съ симъ свойствомъ Божескимъ болѣе сходствовало, какъ мудрость человѣческая. Божеская Премудрость останется навсегда для насъ *свойствомъ непостижимымъ*, естьли мы станемъ разсматривать ее *въ собственной ея натурѣ*: но чрезъ *сравненіе* мы получаемъ о ней нѣкоторое познаніе, которое и будетъ вѣрно, естьли мы отъ сего понятія будемъ отдѣлять все человѣческое и несовершенное. Другимъ же путемъ никакъ до основательнаго и полезнаго понятія о Богѣ, о существѣ Его, свойствахъ Его и дѣйствіяхъ достигнуть мы не можемъ; ибо непосредственныя понятія получаемъ мы только о тѣхъ предметахъ, кои познаемъ или чрезъ чувства, или чрезъ внутреннее ощущеніе; свойства же и дѣй-

ствія существа, которое есть *одинъ духъ*, необходимо должны быть совѣмъ особаго рода, нежели свойства и дѣйствія существа, которое состоитъ изъ духа и тѣла. Сверхъ сего превосходство Божіе надъ нами состоитъ не только въ *степени*, но и въ *существѣ*. И такъ мы можемъ познавать ихъ только чрезъ *сравненіе*, чрезъ *сходство* ихъ съ нашими. Безъ сего же познанія легко можетъ человѣкъ встрѣтить такія возраженія, изъ самой Христіанской религіи почерпнутыя, на которыя онъ отвѣтствовать будетъ не въ силахъ.

Но не должно при семъ оставаться; нужно показать еще человѣку цѣль, для которой Богъ благоволилъ открыть намъ въ откровеніи Своемъ нѣкоторыя таинства, или не вовсе постигаемыя истины. Вѣра, которой Онъ отъ насъ требуетъ,

должна быть не однимъ *дѣломъ разума*, но и *свободной нашей воли* — она должна составлять въ насъ *добродѣтель*; къ существу же добродѣтели принадлежитъ дѣйствовать свободно, то есть дѣйствовать и переставать дѣйствовать по волѣ. Но кто можетъ перестать вѣрить такимъ истинамъ, которыя онъ видитъ съ *совершенною* ясностію и удостовѣрительностію? Онъ можетъ сказать, что имъ не вѣритъ: но *дѣйствительно* не вѣрить имъ также ему не возможно, какъ не возможно намъ не вѣрить, чтобы солнце не свѣтило, когда мы своими глазами въ сіяніи его видимъ. Когда мы доведены бываемъ до *такой* вѣры, тогда перестаетъ уже наша свобода. Когда же мы принимаемъ такое ученіе, которому не достаетъ еще совершенной ясности и удостовѣрительности, тогда вѣра наша бы-

ваетъ *добродѣтелью;* ибо мы не сомнѣваемся въ семъ только по тому, что оно основывается на Божественномъ удостовѣреніи. Въ семъ состоитъ покореніе и разума и воли, которыми мы обязаны Богу.

Нѣтъ ничего справедливѣе сея покорности, тѣмъ болѣе, что таинства Евангелія въ дѣйствіяхъ и слѣдствіяхъ своихъ дѣйствуютъ на нашу нравственность, естьли мы сопротивленіемъ нашимъ тому не препятствуемъ. Но о семъ, любезный другъ, предоставляю я себѣ говорить съ вами впредь обстоятельнѣе, и постараюсь доказать вамъ, что всѣ, толь непонятныя еще для насъ, ученія вѣры содѣлываютъ насъ или лучшими, или щастливѣйшими. Въ нихъ находятся величественныя и сильныя побужденія и поощренія къ исполненію должностей нашихъ. Отречется ли кто

питать живѣйшую благодарность и любовь къ Богу, когда удостовѣрится, сколько Богъ отъ вѣка промышлялъ о нашемъ спасеніи? Или кто не будетъ стремиться поступать по прямому и первобытному натуры нашей назначенію, когда размыслитъ о той степени достоинства, на какую возвысилъ ея Сынъ Божій, соединивъ ее съ Своею несравненно вышшею натурою? Или чье сердце, при усмотреніи такового ученія, не одушевится обильною радостію?

Естьли вы, любезный другъ, удостовѣритесь въ сихъ истинахъ: то вы безъ труда увидите, что вамъ нужно только избѣжать двухъ распутій, дабы остаться твердымъ и непоколебимымъ въ вашей религіи. Одно изъ нихъ есть желаніе большей ясности и увѣрительности, нежели какую мы пріобрѣсть можемъ;

другое есть порокъ и удовлетвореніе безпорядочныхъ страстей. На одномъ изъ сихъ распутій портится сердце чрезъ разумъ, на другомъ разумъ чрезъ сердце. Опытъ всегда доказывалъ, что никто еще не учинился врагомъ откровенной религіи, кто не пожелалъ быть премудрѣе Бога и достигать блаженства по иному пути, а не по пути благочестія и добродѣтели, пути съ начала трудному, но вѣрному и надежному.

Сіе примѣчаніе, любезный другъ, должно васъ успокоить и направить сердце ваше къ почитанію непонятныхъ намъ путей Божескихъ, пока духъ освященія введетъ васъ въ вышнія таинства.

Поелику сердца наши, любезный другъ, тѣмъ охотнѣе должны покаряться всѣмъ велѣніямъ и веденіямъ Божескимъ, чѣмъ совершеннѣе и живѣе наше почитаніе къ Суще-

ству, достойному быть единственнымъ предметомъ удивленія и поклоненія всѣхъ Своихъ тварей: то мы обязаны заниматься всегда тѣми понятіями, которыя могутъ въ насъ раждать и умножать достодолжное удивленіе Божеству. Но никакія размышленія не могутъ такъ удобно препроводить къ сей важной цѣли, какъ раждающіяся изъ разсматриванія величества Божія въ разумѣ каждаго, не вовсе неспособнаго къ высокимъ понятіямъ.

Мы чувствуемъ въ себѣ естественную склонность уважать все то, что въ свойствахъ, силахъ и дѣйствіяхъ своихъ насъ и намъ извѣстные предметы превосходитъ: какимъ же глубокимъ и торжественнымъ почитаніемъ и благоговѣніемъ должны мы возпламеняться при размышленіи о Богѣ въ некончаемомъ Его Величествѣ! Ибо въ какомъ без-

мѣрномъ разстояніи останутся навсегда бытіе Его, существо Его, свойства Его, дѣятельность и намѣренія Его отъ всѣхъ безчисленныхъ рядовъ Его тварей!

Вы не можете, любезный другъ, себѣ представить, какую силу пріобрѣтаетъ человѣкъ отъ размышленія о семъ! Каждая мысль, возносящаяся отъ души къ Богу, есть приближеніе твари ко Творцу — приближеніе ко свѣту, и награждаетъ просвѣщеніемъ: о чемъ яснѣе услышите вы въ послѣдствіи.

Богъ есть существо всевысочайшее — Какая мысль! Какое богатство высокихъ понятій въ сей одной идеѣ заключается! Никакое существо вообразить и ощутить Его вполнѣ не можетъ; каждая мысль о Немъ, чтобъ не быть недостойною Всесовершеннѣйшаго, должна простираться въ безконечность: но и

тогда еще никакое существо вполнѣ вообразить Его не въ состояніи.

Чѣмъ чище и яснѣе идеи наши, чѣмъ удаленнѣе отъ всякой чувственности, и чѣмъ выше возносятся онѣ за сферы всякаго сравненія и ограниченія, тѣмъ болѣе изумленная душа благоговѣетъ отъ удивленія, и тѣмъ болѣе удостовѣряется, что она мыслію досязаетъ Всевысочайшаго: но тѣмъ Онъ для нея неизреченнѣе, тѣмъ болѣе усматриваетъ она, что тщетно тщится она достигнуть высоты Его, и однакожъ долгомъ ея остается отъ каждой новой степени, приближившей ее къ Нему, восходить еще на вышшую.

Богъ, даже въ бытіи Своемъ, различествуетъ отъ прочихъ тварей. Онъ не только есть источникъ всякаго бытія, но еще имѣетъ нѣкорый родъ бытія, котораго не льзя сравнить ни съ какимъ другимъ су-

ществомъ. АЗЪ ЕСМЬ СЫЙ, *Я тотъ, кто есмь* — Вотъ самое величественное имя Его, приписанное Ему въ откровеніи, которое сіяетъ еще яснѣе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *сый, и иже бѣ, и грядый.* — Какое скрывается здѣсь таинство? Первѣйшіе духи должны обрѣсть въ ономъ пучину мыслей, изъ коихъ каждая есть новая глубина.

И мы существуемъ, любезный другъ: но можемъ ли всегда сказать: *мы были?* Мы были за 10, за 30, за 60, за 80, за 100 лѣтъ: но какой это вѣкъ, и многіе ли еще достигаютъ онаго? — Жизнь изъ нѣсколькихъ столѣтій кажется уже намъ такою безмѣрностію, что нѣкоторые потеряли вѣру къ самому откровенію, по свидѣтельству котораго многіе до потопа жили до тысячи лѣтъ. Но какое безчисленное множество вѣковъ обрѣлъ бы и сей тысящелѣтній

старецъ прежде бытія своего! Сколько протекло временъ съ тѣхъ поръ, какъ солнце со всѣми планетами существуетъ! Но, можетъ быть, за долго еще до существованія сего свѣтила другіе безчисленные міры о славѣ Творца возвѣщали. Кто осмѣлится хотя мыслію измѣрить вѣкъ Ангеловъ? Ибо не всѣ духи подобны человѣкамъ, которые, какъ цвѣтъ полевой, вчера разцвѣли, сегодни увяли. Но естьли есть и такой духъ, бытіе коего не льзя измѣрить жизнію всѣхъ человѣковъ: то и онъ можетъ ли еще сказать, такъ какъ Богъ, во всѣхъ временахъ: *я былъ*.

Богъ вѣченъ, и вѣчно непремѣненъ; *Онъ есть тотъ, кто есть*: наше же бытіе заемное; горделиво мы скажемъ, естьли назовемъ оное каплею Его сущности. Пусть свѣтила померкнутъ, и міры, въ которыхъ

мы столько удивляемся порядку, согласію, красотѣ и великолѣпію, разпадутся; мы же, ползающіе муравьи, пусть обратимся въ прахъ, а духи со всѣми тварями въ ничто: но и тогда останется еще безконечное, безпредѣльное существо, неизмѣримое бытіе Того, который одинъ только сказать можетъ: *Я есмь тотъ, кто есть.*

Мы можемъ надѣяться, что Богъ сохранитъ бытіе всѣхъ своихъ тварей; безконечная благость Его запрещаетъ намъ и сомнѣваться въ томъ: но и постояннѣйшая и непремѣннѣйшая тварь существуетъ не такъ, какъ Богъ. Самыя благороднѣйшія твари носятся въ вѣчномъ вихрѣ измѣненія и перемѣнъ; онѣ никогда не тѣже, всегда или уменьшаются, или растутъ. Человѣкъ дѣлитъ жизнь свою на годы, мѣсяцы, дни, часы, минуты, и еще на

меньшіе части, кои для нѣкоторыхъ животныхъ можетъ быть составляютъ продолжительную еще жизнь: въ толь краткомъ бытіи можетъ ли онъ сказать, какъ Богъ: *Я есмь тотъ, кто есть?* Никогда не имѣетъ онъ того же вѣдѣнія, тѣхъ же ясныхъ ли, или темныхъ понятій, тѣхъ же желаній и чувствованій; теперь мысли его озаряются свѣтомъ, а ужо потемняются, дабы уступить мѣсто другимъ. Въ сію минуту избираемъ мы что нибудь, а послѣ отвергаемъ; одно чувство заглушаетъ другое; одно желаніе или намѣреніе прогоняетъ другое, какъ въ рѣкѣ одна струя гонитъ другую. Какое же еще различіе между бытіемъ человѣка въ мрачномъ чревѣ матери его и въ лѣтахъ его младенчества! Сколь мало также онъ на себя походитъ, когда растетъ еще какъ былинка и разпускается какъ цвѣтокъ, когда

обращаетъ въ первый разъ благодарную улыбку къ своей матери, когда лепетаньемъ невнятныхъ первыхъ словъ начинаетъ еще показывать только, что въ немъ есть душа, и когда попомъ становится отрокомъ, изъ отрока юношею, изъ юноши мужемъ, изъ мужа старцемъ! Такъ перемѣнно бытіе человѣка! И самый высочайшій конечный духъ долженъ въ бытіи своемъ испытать подобныя измѣненія. *Никто не есть таковъ, какимъ былъ, и никто не будетъ такимъ, каковъ онъ есть теперь.* Объ одномъ Богѣ сказать сіе можно; Его бытіе не терпитъ никакой перемѣны: *Онъ есть тотъ, кто былъ; и будетъ тотъ, кто есть; и есть тотъ, кто будетъ.* Онъ бытіемъ Своимъ превосходитъ всѣхъ тварей — Онъ начало и источникъ, изъ котораго всякое конечное бытіе, одно послѣ другаго, истекаетъ,

однакожъ такъ, что сіе не перемѣняетъ и не истощаетъ Его существа. Но ни объ одной твари не льзя сказать, что *она есть то, что будетъ*. Ангелъ не престанетъ быть Ангеломъ, человѣкъ не престанетъ быть человѣкомъ; различія между различными родами конечныхъ существъ постоянны; натуры ихъ не будутъ превращены одна въ другую: но при всемъ томъ ни объ одномъ изъ нихъ по свойствамъ и состояніямъ его, ниже по цѣли бытія его, не льзя сказать: *онъ есть то, что будетъ;* ибо бытіе его не есть отъ вѣчности, а будетъ только продолжаться въ вѣчности Божіей.

Но какъ не было времени, въ которое бы не было Бога: такъ не будетъ времени, въ которое бы Богъ не былъ тотъ же, что Онъ былъ. Мы щастливы тѣмъ, что не будемъ впредь то, что мы нынѣ, и были

бы весьма несчастливы, естьли бы всегда имѣли тѣже чувствованія и тѣже ясныя, или неясныя представленія, тѣже желанія и побужденія, и всегда оставались бы въ тѣхъ же предѣлахъ познанія и науки. Напротивъ того блаженство Божіе состоитъ въ томъ, что *Онъ будетъ тотъ, кто былъ и есть* — столь же блаженъ до творенія, столь же блаженъ по сотвореніи и столь же блаженъ по претвореніи безчисленныхъ міровъ. — Онъ есть существо, которое *было, есть, и пребудетъ превыше всего.*

На какую высоту паритъ мысль наша, не будучи въ состояніи достигнуть верьха оной! Какъ можемъ мы постигнуть натуру *Всевысочайшаго*, когда нѣтъ ни единой твари, о существѣ которой имѣли бы мы совершенно ясное понятіе? Мы видимъ поверхности только вещей; многое

откры́ли мы о тѣлѣ и душѣ нашей; анатомикъ и философъ съ равнымъ усе́рдіемъ стара́лись изслѣдовать внутреннѣйшее существо наше и познакомить человѣка съ человѣкомъ: но коль еще большее отъ насъ сокры́то! Сколько таинствъ, которыхъ мы изъяснить не можемъ! — Что тѣло не есть духъ, и духъ не есть тѣло, мы то чувствуемъ: но кто разрѣшилъ вопросъ: что есть внутреннѣйшее существо духа? Что есть внутреннѣйшее существо тѣла? Положимъ, что мы узнали бы самое тайнѣйшее свойство каждой вещи, узрѣли бы внутреннѣйшее твореніе, предъ нами отверстое, откры́ли бы, какъ Богъ, Существо всѣхъ существъ, сотворилъ все — отъ перваго духа, наиболѣе подобящагося Творцу своему, до червя, отъ червя до пылинки, усматриваемой при солнцѣ, которая можетъ

быть еще изъ чудесныхъ частей составлена, и такъ далѣе до самой мѣлочи, какой менѣе вообразить уже не льзя; — положимъ, что мы не только все сіе, но и различія, дѣлающія каждую вещь существомъ особеннымъ, ясно понимать могли бы — на что безъ сомнѣнія не достанетъ самой вѣчности; потому что конечное будетъ всегда приближаться только къ безконечному, но никогда его не постигнетъ: — то и тогда, при всѣхъ таковыхъ познаніяхъ, не могли бы мы пріобрѣсть полнаго понятія о существѣ Божіемъ. — Естьли соединить и всѣ сущности всѣхъ вещей: то и тогда едва ли составится тѣнь только, а тѣнь не есть солнце. Существо Божіе есть нѣчто вышшее — Существо превыше всѣхъ существъ. Погружаясь въ сіи размышленія, кто не удивится величеству

Его? Кто не ощутитъ конечности своей такъ малою, чтобъ въ глубочайшемъ сердечномъ смиреніи не преклонилъ колѣна предъ Нимъ? И когда представимъ себѣ, что сіе Всевысочайшее Существо взираетъ окомъ благости и милосердія на смиреніе наше: то кто не воззоветъ вмѣстѣ съ Давидомъ: *Господи! что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчъ, яко посѣщаеши его?*

Когда же вы, любезный другъ, получили уже такія высокія понятія о существѣ Божіемъ: то старайтесь узнать: *какъ лучше размышлять о Богѣ?*

Размышлять о Богѣ часто есть первый шагъ къ Премудрости. Духи сближаются мыслями; каждая горячая молитва, каждое возношеніе ума къ Богу есть приближеніе къ Нему.

Жизнь нашу можно раздѣлить на сонъ, дремоту и бдѣніе. Дремота

будетъ не только жизнь растительная, но и животная, когда душа живетъ только для тѣла, и чрезъ то погружается въ глубокой сонъ бездѣйственности. Дѣйствительное же бдѣніе будетъ то счастливое состояніе души, когда мы или о Богѣ, или о повелѣнномъ намъ Богомъ, мыслимъ, и что Онъ повелѣлъ, исполняемъ. Токмо о томъ, мой другъ, кто бдитъ дѣйствительно, можно сказать, что онъ живетъ дѣйствительно. И такъ сколько намъ лѣтъ, и сколько мы прожили?

Естьли Богъ когда нибудь предложитъ намъ сей вопросъ: что мы отвѣчать Ему будемъ? Ахъ! другъ мой, естьли Безконечный не шутилъ, творя насъ: то вопросъ сей по истинѣ достоинъ уваженія!

Я довольно знаю, что мы и всѣ прочія моральныя существа сотворены болѣе *исполнять*, нежели *раз-*

мышлять: но какъ *дѣло* всегда должно быть сопряжено съ *мыслію*, и какъ есть нѣкоторый родъ размышленія, который можно уже назвать половиною дѣла; и притомъ какъ Богъ на нѣкоторыя мысли наши взираетъ какъ на дѣла: то не должно почитать за малость той части *дѣятельной* нашей *жизни*, которая состоитъ въ *размышленіи*.

Какой же есть наилучшій способъ размышленія о первомъ Существѣ?

Отвѣчать на сей вопросъ во всемъ пространствѣ довольно трудно: однако я не почитаю его такъ труднымъ, чтобы отвѣтъ былъ вовсе невозможенъ.

Прежде всего долженъ я сказать нѣкоторымъ моимъ читателямъ, что какъ дѣйствительно это есть счастіе, что мы свѣдущи о бытіи своемъ, хотя бы мы и не разсматривали раз-

ныхъ образовъ существованія нашего: такъ равно дѣйствительно то счастіе, и еще гораздо вышшее, что мы способны *мыслить* о Богѣ — о Безконечномъ. Всѣ почти доказательства изъ разума о безсмертіи души въ томъ, кто не имѣетъ счастія быть Христіаниномъ, могутъ возродить только большее сомнѣніе. Но ощущеніе сей высочайшей нашей способности есть такое доказательство, которое сіяетъ какъ солнце. Сколько бы понятія мои ни были недостаточны: но я могу *мыслить о Богѣ;* и слѣдовательно я безсмертенъ. Тоже можетъ сказать и всякая тварь, которой Богъ открываетъ себя, и самый Архангелъ. Можно еще къ сему прибавить: *я могу любить Бога:* а кто хотя минуту любилъ Бога, не долженъ ли быть безсмертенъ? Но какъ сіе доказательство служитъ только къ

объясненію прежняго: то я и ненамѣренъ разпространяться объ ономъ.

Какой же есть наилучшій способъ размышлять о Богѣ? Можетъ быть на сіе скажутъ, что для сего отвѣта должно напередъ узнать *всѣ* способы, дабы — — естьли мы къ одному окажемся неспособны — — прибѣгнуть къ другому. Не спорю противъ такого отвѣта; потому что все, что приводитъ насъ къ Богу, достойно нашего уваженія: при всемъ томъ я думаю, что главный долгъ нашъ *пріучаться къ наилучшему способу размышлять о Богѣ*, такъ чтобы мы въ другихъ почти и нужды не имѣли. Способовъ сихъ, мнѣ кажется, три.

Первый есть метафизическій холодный способъ, когда разсматриваютъ Бога почти только какъ предметъ науки, и когда мудрствуютъ о Немъ такъ холодно, какъ бы раз-

суждали о времени и пространствѣ. Сей способъ имѣетъ тотъ главный недостатокъ, что въ немъ рабски слѣдуютъ принятой методѣ, и всякое свободнѣйшее открытіе души, восхищенной величествомъ Божіимъ, отметаютъ безъ всякаго почти изслѣдованія. Я согласенъ, что для того, кому нужно еще удостовѣреніе о бытіи Божіемъ, способъ сей можетъ быть полезенъ: но кто знаетъ, что Богъ существуетъ, такъ вѣрно, какъ и то, что солнце свѣтитъ, и захочетъ ограничивать себя такимъ холоднымъ размышленіемъ, тотъ подвергнется опасности рѣдко, или и никогда не мыслить и не чувствовать Бога, (ибо въ семъ случаѣ мыслить и чувствовать есть одно) яко Существо вселюбезнѣйшее и удивленія достойнѣйшее; подвергнется опасности — менѣе всего имъ подозрѣваемой —

мыслить о Немъ *недовольно справедливо*. Ибо кто недовольно возносится къ Богу и не совсѣмъ достойно о Немъ мыслитъ: тотъ и недовольно справедливо о Немъ мыслитъ. Поелику сей способъ размышленія о Богѣ можетъ сдѣлать насъ почти неспособными къ вышшему способу, о которомъ говорить я буду ниже: то и не для чего *привыкать* къ оному. Однако истинный философъ — я разумѣю того, который приспособилъ къ тому и голову свою, а не одну методу — можетъ иногда заниматься и симъ способомъ для новости.

Есть еще другой способъ, который назову я среднимъ, или короче сказать *разсужденіемъ*. Разсужденія бываютъ съ большею свободою и сопрягаются съ нѣкоторыми спокойными чувствованіями; но рѣдко возносятся они до восхищенія величіемъ Божескимъ. Они могутъ быть весь-

ма правильны, весьма благочестивы и весьма желательны; однакожъ не удовлетворяютъ душѣ, стремящейся изъ всѣхъ силъ *познать Бога*: а особливо когда вожделѣніе ея не ослаблено еще нерадѣніемъ, столь свойственнымъ слабости, или ограниченности нашей. — Сверьхъ того часто имѣютъ они тотъ недостатокъ, что научаютъ насъ *низко* мыслить о Богѣ. Я называю *низко мыслить о Богѣ* мыслить о Немъ не съ такимъ достоинствомъ, какъ бы мы могли; а сіе происходитъ отъ того, что разсужденія наши, безъ всякаго нашего намѣренія, непримѣтно заставляютъ насъ предполагать и въ Богѣ мысли одинакія съ нашими. Однимъ словомъ: самолюбіе самаго благочестиваго мужа обольщаетъ и заставляетъ его мыслить о Богѣ *по себѣ*.

Третій способъ. — *Робертъ Бойль*,

оказавшій во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ столько благородной простоты и скромности, и который не достоинъ еще порицанія за то, что въ *одномъ* случаѣ поступилъ иначе, нежели какъ обыкновенно всѣ почти поступаютъ, — доказавшій въ жизни своей, что онъ былъ не ханжа — Робертъ Бойль не произносилъ никогда имени Божія безъ глубочайшаго благоговѣнія, и по произнесеніи онаго не могъ иначе продолжать разговора, какъ по нѣкоторомъ примѣтномъ молчаніи и съ непокрытою головою. Какъ же могъ сей достопочтенный мужъ выражать чувства свои о Богѣ на единѣ, когда единое напоминаніе о Немъ погружало его въ изступленіе предъ Богомъ, существомъ Высочайшимъ — какъ могъ онъ выражать ихъ, какъ не одною любовію къ Нему, къ какой только конечный духъ удобенъ!

Въ сей жизни не возможно оставаться долго на сей высочайшей степени возвышенія къ Богу: но чаще къ ней приближаться и долѣе на ней оставаться чрезъ нѣчто большее, нежели разсужденіе, и здѣсь возможно, и есть верьхъ блаженства. Приближаться къ высочайшей степени называю я то состояніе, когда душа *вся* такъ исполнена тѣмъ, кого она мыслитъ, что всѣ прочія ея силы отъ напряженія ея мыслей *совокупно* и къ *одной* цѣли дѣйствуютъ; когда всѣ сомнѣнія и безпокойства о непостижимыхъ путяхъ Божіихъ прекращаются; когда мы не можемъ воздержаться, чтобы не прервать размышленія нашего какимъ нибудь краткимъ воззваніемъ къ Нему; когда не находимъ въ языкѣ нашемъ словъ для выраженія того, что мы о Немъ мыслимъ; когда мы наконецъ съ глубочайшею пре-

данностію соединяемъ любовь, которая въ полномъ упованіи вѣритъ, что *Бога любить можно и должно.*

Естьли бы изъ множества, или я такъ назову, изъ толпы сихъ одна за другою скопляющихся и одна другую преслѣдующихъ мыслей извлечь хладнокровно нѣкоторыя и привесть ихъ въ краткія правила: то какія бы новыя открылись намъ истины и понятія о Богѣ!

Восходъ на сію вышнюю степень размышленія о Богѣ есть то состояніе души, когда въ ней столько мыслей и ощущеній дѣйствуютъ *совокупно* и съ такою *силою*, что тогдашнее состояніе ея выше всякаго описанія.

Настаетъ утро, возходящее солнце призываетъ насъ къ молитвѣ: благословеніе Божіе да покоится на васъ, любезный братъ! Въ слѣдующую ночь мы опять увидимся.

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Изо всего прежде сказаннаго вы можете, любезный другъ, ясно усмотрѣть, что въ нѣдрѣ Религіи и въ самой Натурѣ скрываются великія таинства, къ изслѣдованію которыхъ испытательный духъ человѣческой, не бывъ просвѣщенъ вышнимъ свѣтомъ, самъ по себѣ недостаточенъ.

Многія великія и непостижимыя дѣйствія, коихъ слава отъ глубокой древности дошла и до насъ; чудеса, повѣствуемыя Св. Писаніемъ, и многое подобное, чего изъяснить мы себѣ не можемъ, основываются на законахъ приближенія къ Богу, о коихъ вы въ свое время болѣе узнаете.

Посмотря просто на натуру че-

ловѣческую, вы найдете вездѣ сходство между обыкновенными человѣками. Но посмотрите на вырожденія духа: стихотворство, краснорѣчіе, силу ихъ, прелесть, привлекательность, утонченность страстей, любовь, гнѣвъ, энтузіазмъ, и даже самое сумасшествіе: сколь все сіе превышаетъ обыкновенныя силы человѣческія! Сей внутренній электрицитетъ души не намекаетъ ли о такой силѣ въ человѣкѣ, которая, достигнувъ высоты своей, дѣлается непостижимою? Размыслите о силѣ добродѣтели, размыслите, что она творитъ, и какихъ мужей производитъ! Естьли сія внутренняя сила въ человѣкѣ доведена будетъ до возможной чистоты; естьли посредствомъ ея другая сила, еще превосходнѣйшая, возобладаетъ и восторжествуетъ надъ всѣмъ чувственнымъ: то чего не льзя ожи-

дать отъ ея дѣйствій! Не совершенно ли естественно, что предметы, ближайшіе ко свѣту, лучше освѣщаются, и что чистыя и прозрачныя тѣла удобнѣе принимаютъ лучи свѣта и передаютъ оный другимъ? Все сіе показываетъ, что приближеніе къ Богу, который есть единственный свѣтъ, лучше освѣщаетъ человѣка и вышшія силы свѣта ему сообщаетъ. Найдя въ Натурѣ подобіе сей истины, найдете подобіе и того состоянія, въ какомъ бываетъ тѣло, приближающееся ко свѣту.

Когда солнце весною приближается къ землѣ: то дикія и безплодныя мѣста оживаютъ, и всѣ очаровательныя дѣйствія весны суть только плоды сего приближенія: подумайте жъ, какую весну произвесть должно вѣчное солнце въ сердцѣ человѣка, когда къ нему приближится! — Какимъ же образомъ приближеніе сіе

происходитъ, и что къ тому потребно?

Не гоняйтесь слишкомъ за знаніемъ, любезный другъ: оно мало по малу сообщаться вамъ будетъ. Не забывайте вспоминать иногда о явленіяхъ Натуры, часто указующихъ человѣку на собственное его состояніе. Утонченное состояніе тѣла есть какъ бы стекло, сквозь которое всѣ рѣдкія и чудесныя силы Натуры видимы бываютъ, которымъ мы однакожъ не удивляемся; потому что они стали уже обыкновенны, и мы объ нихъ размышлять болѣе не заботимся. Чѣмъ тѣло чище и тоньѣе, чѣмъ болѣе въ строеніи своемъ приближается къ единству, тѣмъ способнѣе оно принимать лучи свѣта и сосредоточивать ихъ въ одинъ пунктъ. Помыслите о вогнутыхъ и зажигательныхъ зеркалахъ. Въ оптикѣ, любезный другъ, скрывается

много еще намъ непоняшнаго, чего физикамъ нашимъ и на умъ не всходило; но все сіе только еще намеки о вышшихъ истинахъ.

Чистота души есть первый шагъ сего приближенія. Прежде всего должны вы, любезный другъ, пріобрѣсть навыкъ въ практическихъ правилахъ нравственности, и получить способность къ добродѣтели: безъ чего не возможно достигнуть верьха чистоты, необходимой для полученія права на вышшія вещи. Выслушайтежъ сперва со вниманіемъ, какимъ образомъ можете вы достигнуть сея способности.

Легко усмотрѣть можно, что между разными средствами, облегчающими и укрѣпляющими добрыя способности, скорое открытіе добрыхъ и счастливое усмотрѣніе и избѣжаніе опасныхъ и злыхъ случаевъ занимаетъ не послѣднее мѣсто.

У кого недостаетъ въ томъ скораго проницанія и правильнаго сужденія, тотъ и при самой искреннѣйшей рѣшимости, быть вѣрну своимъ должностямъ, будетъ медленно ишти по пути добродѣтели, пропуская множество удобныхъ къ тому случаевъ отъ того, что ихъ невидитъ; и вину сего надлежитъ искать или въ тупости, или въ лѣности, или въ разсѣянности его разума. Таковый увидитъ себя далеко назади отъ того, который замѣчаетъ каждое внутреннее и внѣшнее побужденіе къ исполненію разныхъ своихъ обязанностей; и привыкнувъ къ скорому усмотрѣнію оныхъ, не пропускаетъ ни одного такого побужденія, и каждымъ достохвальнымъ дѣйствіемъ сообщаетъ любви своей къ добродѣтели новую силу, и дѣлаетъ ее, такъ сказать, *живущее*. Никакая сила въ человѣкѣ не мо

жетъ достигнуть той степени крѣпости, къ коей она способна, есть-ли не будетъ часто употребляема и изощряема. Но какое великое различіе и въ самомъ ростѣ нашихъ способностей, столь различныхъ между собою по ихъ опредѣленіямъ! Тѣлесныя наши способности, доведены будучи до крайней степени возвышенности, за которую онѣ переступить уже не могутъ, теряютъ силу свою чрезъ тоже самое упражненіе, которое изощряло и усиливало ихъ; тогда чѣмъ чаще напрягать сію силу, тѣмъ скорѣе она притупляется и скорѣе пропадаетъ: напротивъ того способности духа нашего удобны къ непрестанному возрастанію. Съ каждымъ новымъ употребленіемъ онѣ получаютъ новую жизнь и силу къ преодолѣнію всѣхъ препятствій и затрудненій; и ревностный блюститель религіи и доб-

родѣтели быстрыми своими успѣхами не упомляется, и съ каждымъ ускореннымъ шагомъ получаетъ еще большую способность и бодрость. Но безъ частаго исполненія должностей своихъ никто не можетъ далеко успѣть въ ономъ, и у кого недостаетъ способности и охоты открывать встрѣчающіеся къ тому случаи и пользоваться оными, тотъ часто не въ состояніи будетъ и исполнять своихъ должностей.

Удивляются, сколько добра сдѣлалъ *Аристидъ*, вблизи ли, или издали разсматриваютъ жизнь его. Но естьли бы Аристидъ не научился, или не хотѣлъ бы вѣдать, что самый добродѣтельнѣйшій человѣкъ, при всемъ величіи своей добродѣтели и при всемъ пламенномъ усердіи къ исполненію всѣхъ должностей своихъ, всегда имѣетъ довольно причинъ смиряться: то не могъ бы онъ

съ такимъ чистымъ удовольствіемъ взираль на свое поведеніе, и близокъ былъ бы къ опасности возгордиться своими достоинствами, которыя главную цѣну получаютъ отъ смиренія и скромной умѣренности въ позволенной даже о семъ радости. Немного надобно знать сего любезнаго человѣка, чтобы угадать, что каждый часъ его жизни ознаменованъ и украшенъ былъ не однимъ, но многими достохвальными и благородными дѣяніями. Когда отправлялъ онъ должности своего званія: то съ какимъ усердіемъ, ревностію и честностью исполнялъ оныя! Когда показывался въ обществѣ, то религія и добродѣтель и тамъ его сопровождали; вездѣ являлся онъ съ лицемъ веселымъ и пріятнымъ; бесѣды его были всегда полезны и наставительны.

Но онъ чего *Аристидъ* столько

успѣлъ въ добродѣтели предъ другими, которые, можетъ быть, также имѣли и склонность и охоту къ исполненію должностей своихъ? Для истинной необыкновенной добродѣтели нуженъ необыкновенный и способъ, безъ коего человѣкъ будетъ стремиться къ ложному и мнимому только величію. Въ чемъ же состоитъ сей толь важный способъ? Въ природныхъ ли способностяхъ и дарованіяхъ? — Но какъ часто самые рѣдкіе дары Натуры остаются безъ употребленія, и либо истребляются, либо оскверняются порокомъ! — Въ воспитаніи ли? Но многіе ли могутъ похвалиться прямо благонравнымъ воспитаніемъ, и чтобы оно точно поставило ихъ на путь добродѣтели? А буде они обязаны тѣмъ оному: то для чего идутъ по сему пути съ такою лѣностію? Для чего соблазняются лѣностію другихъ? —

Естьлижъ приписать сіе наружнымъ обстоятельствамъ: то великія и высокія добродѣтели, завися отъ породы, отъ состоянія и сана, были бы не столь рѣдки. — Гдѣ же должны мы искать источника чрезвычайной способности Аристидовой ко всякимъ добрымъ дѣламъ? Безъ сомнѣнія болѣе всего въ навыкѣ пользоваться всѣми представляющимися случаями къ добру, и употреблять ихъ согласно съ ихъ цѣлію. Сіе совершенство придаетъ, такъ сказать, каждой добродѣтели крылья! Счастливъ тотъ народъ, который можетъ хвалиться Аристидами въ разныхъ состояніяхъ, хотя бы они стояли на разныхъ степеняхъ и раторствовали на разныхъ поприщахъ!

Естьли мы хотимъ чрезъ открытіе и счастливое употребленіе представляющихся случаевъ *къ добру*

пріобрѣсть способность возвышать свою добродѣтель, и тѣмъ умножать свое блаженство: то нужно знать правила, ведущія къ сему совершенству. Поелику же человѣкъ не только чрезъ дѣйствительные пороки, но и чрезъ нерадѣніе о должностяхъ, предписываемыхъ разумомъ и вѣрою, дѣлается несчастнымъ и наказанія достойнымъ: то разсмотрѣніе сихъ правилъ, безъ сомнѣнія, должно быть пріятно для того, кто желаетъ основать и честь и счастіе свое на нелицемѣрномъ благочестіи и честности.

Я предполагаю, что желающій получить навыкъ къ скорому усмотрѣнію всѣхъ представляющихся ему случаевъ къ добру и къ употребленію оныхъ наилучшимъ образомъ, долженъ имѣть ясное, основательное и живое познаніе о своихъ обязанностяхъ. Обязанности на-

ши состоятъ въ тѣсномъ союзѣ какъ съ собственными нашими внутренними и внѣшними обстоятельствами, такъ и съ отношеніями нашими къ другимъ людямъ и существамъ; и чѣмъ чувство сихъ обязанностей въ насъ совершеннѣе и живѣе, тѣмъ легче для насъ усматривать сіи случаи и употреблять ихъ согласно съ ихъ цѣлію.

Случаи къ добру состоятъ не въ однихъ наружныхъ, но и во внутреннихъ нашихъ обстоятельствахъ, качествахъ и отношеніяхъ къ другимъ человѣкамъ и существамъ; и потому первое правило состоитъ въ строгомъ *бдѣніи за собою* и правильномъ и радѣтельномъ *самопознаніи*. Всякому дѣлу предшествуетъ сперва *внутреннее побужденіе*, откуда бы оно ни происходило, изъ чувства ли только, отъ дѣйствія ли сильныхъ желаній и страстей, или

изъ яснаго познанія. И такъ мы должны знать пружины, приводящія душу нашу въ движеніе; должны знать число пружинъ, дѣйствующихъ совокупно; должны знать разныя степени ихъ живости и силы, дабы, смотря по обстоятельствамъ, усиливать, или ослаблять оныя. Но можемъ ли мы внутреннія расположенія и измѣненія нашего разума и сердца, и силъ и движеній ихъ, привесть въ согласіе съ внѣшними обстоятельствами и перемѣнами — чего требуетъ отъ насъ религія и добродѣтель — когда мы сами себѣ чужды? Не вѣдая, что въ собственномъ нашемъ сердцѣ происходитъ, или не ясно вѣдая то, не будемъ ли мы въ дѣйствіяхъ своихъ зависѣть отъ каждой посторонней силы, дѣйствующей на чувства? И такъ *познать себя* есть правило, наблюденіе котораго. сверхъ многихъ дру-

гихъ выгодъ, доставляетъ намъ ту пользу, что оно облегчаетъ и способствуетъ намъ въ открытіи и употребленіи добрыхъ случаевъ.

Поелику же исполненію всякаго предпріемлемаго дѣла всего болѣе препятствуетъ или *разсѣянность*, коей причиною обыкновенно бываетъ усиленная чувственность, или безпорядочная *многодѣльность*, такъ называемая *хлопотливость*, которая не имѣетъ себѣ точно предопредѣленнаго предмета, или предметы свои безпрестанно перемѣняетъ, либо въ одно время гоняется за разными цѣлями, не совокупляя ихъ вмѣстѣ надлежащимъ образомъ: то для пріученія себя къ открытію и употребленію всѣхъ случаевъ къ добру, должны мы освободить и предохранять душу нашу отъ сихъ толь вредныхъ пороковъ. Присутствіе духа и собраніе силъ внутрь

суть также необходимыя и надежныя средства къ сей важной цѣли. Какъ бы человѣкъ ни рѣшался на добро, какъ бы ни былъ прозорливъ въ открытіи случаевъ къ оному: но естьли онъ привыкъ къ разсѣянности, или утонулъ въ заботахъ: то онъ упуститъ ихъ, хотябъ они ему и представлялись. Въ разсѣянности и безпорядочной многодѣльности душа наша, не имѣя никакой опредѣленной и постоянной цѣли, дѣлается неспособною продолжать непрерывную нить мыслей, или дѣйствій: отъ чего или случай, или время теряется. Почему не побѣдившій еще въ себѣ сихъ пороковъ подверженъ всегда опасности быть увлеченнымъ посторонними предметами отъ предпринятаго, и даже счастливо уже начатаго имъ дѣла, какъ скоро сіи предметы произведутъ въ немъ сильное и незапное впечатлѣніе.

Но опасность сія не касается того, кто получитъ надъ собою такую власть, что его ничто не тревожитъ. Онъ такъ свободенъ, такъ обладаетъ собою, чувствами, силами и дѣйствіями своими, что всѣ перемѣны, не отъ него самаго происходящія, видитъ онъ, не перемѣняясь самъ, и постоянно продолжаетъ путь свой до тѣхъ поръ, пока самая должность не потребуетъ отъ него расположить дѣйствія свои инако.

Человѣкъ, привыкшій собирать свои мысли и имѣть всегда присутствіе духа, легко можетъ обстоятельства свои, отношенія къ другимъ человѣкамъ, и вообще ко всѣмъ тварямъ, принаравливать къ законамъ Божескимъ, и изъ таковаго принаровленія узнавать, что благоугодно Его святой волѣ. Всякому изъ насъ встрѣчаются столь *при-*

лѣтные случаи къ добродѣтели, что нѣтъ нужды искать ихъ; они, такъ сказать, набѣгаютъ на насъ; и чтобъ ихъ не видѣть, надобно съ намѣреніемъ закрыть глаза. Но бываютъ и такіе случаи, которые при первомъ взглядѣ не покажутся таковыми: тогда нужно усиливать въ себѣ внимательность, быть въ сужденіи своемъ весьма точну и весьма скору, чтобы не пропустить ихъ безъ употребленія. Сколь же счастливъ научившійся всѣ вещи весьма скоро принаравливать къ волѣ Божеской и къ должностямъ своимъ! Способность сія приведетъ его въ состояніе тотчасъ усматривать, что ему дѣлать; и добродѣтели, исполняемыя *при случаяхъ, менѣе прилѣтныхъ и не столь очевидныхъ*, имѣютъ большую цѣну.

Но не возможно поступить съ такою вѣрностію и съ такимъ усер-

дiемъ, какъ мы обязаны, въ употребленiи всѣхъ случаевъ къ добродѣтели, естьли всеобщая рѣшимость наша къ наблюденiю всѣхъ законовъ, требующихъ повиновенiя нашего, не будетъ дѣйствующа и постоянна во всякое время. Для чего весьма нужно часто вспоминать себѣ о необходимости и истинномъ свойствѣ оныхъ: безъ того же всѣ не возобновляемыя идеи нашего духа затьмѣваются другими идеями, такъ какъ бы мы о томъ никогда не думали. И такъ не довольно принять добрую рѣшимость; нужно еще стараться, чтобы она обладала всѣми другими мыслями и всѣми дѣйствiями нашей воли. Должно сохранять и порядокъ, въ какомъ надлежитъ намъ произвесть нашу рѣшимость въ дѣйство; особливо должны мы стараться всѣ обстоятельства и всѣ случающiяся съ нами перемѣны употреблять

средствомъ къ ежедневному умноженію силы и дѣятельности таковыхъ намѣреній нашихъ. Чѣмъ сила ихъ будетъ болѣе, тѣмъ усерднѣе будемъ мы пещися о исполненіи оныхъ: ктожъ не вѣдаетъ, какую силу имѣютъ сильныя желанія наши? Тогда ничто не убѣжитъ отъ вниманія нашего, что хотя малую имѣетъ связь съ намѣреніемъ нашимъ; тогда мы все видимъ, и надежда, исполнить желаемое, какую не придастъ силу нашей дѣятельности, и какія препятствія преодолѣть она не въ силахъ? —

Слѣдствіе изо всего сего выходитъ то, что добрыя намѣренія часто возобновлять должно. А какъ сіе дѣлается единственно чрезъ упражненіе въ *яснѣйшемъ* познаваніи должностей своихъ, и наградою сего старанія рѣдко бываетъ чувственное удовольствіе: то над-

лежитъ всячески охранять себя отъ безпорядочной чувственности; ибо ничто такъ не мѣшаетъ зрѣлому и здравому сужденію, какъ чувственность. Чувствованіе наше, хотя бы мы оное обращали и на самое нравственное добро, никогда не должно быть главною причиною нашихъ дѣйствій; оно заведетъ насъ въ опасныя заблужденія, естьли не будетъ соединено съ яснымъ познаніемъ. Токмо разумомъ можемъ мы обозрѣвать связь вещей и то, что, по причинѣ сей связи, дѣлается необходимо обязанностію нашею. Сколь бы нравственное чувство въ насъ ни было живо и сильно, разумъ долженъ всегда владычествовать; ибо чѣмъ сильнѣе вѣтры, надувающіе паруса, тѣмъ необходимѣе кормщикъ. Наилучшія чувствованія могутъ легко сдѣлаться безпорядочными, когда понятіе наше о добрѣ и злѣ еще не

ясно, или когда мѣра ощущенія не соразмѣрна степени того предмета, на который оно направлено, и чувствованіе наше либо горячѣе, либо холоднѣе, нежели какъ ему быть должно. И такъ чѣмъ менѣе отдаемся мы нашимъ чувствованіямъ, чѣмъ менѣе нами правятъ чувственное вожделѣніе и отвращеніе: тѣмъ удобнѣе можемъ мы не заблуждаться въ открытіи добрыхъ случаевъ, и тѣмъ счастливѣе употреблять ихъ надлежащимъ образомъ къ истинной нашей пользѣ.

Но поелику ко всѣмъ нравственнымъ совершенствамъ можемъ мы восходить только чрезъ разныя и многія степени, и не можемъ не падать часто, какъ дѣти, которыя ходить учатся, такъ что и при ревностномъ наблюденіи сихъ правилъ мы будемъ всё еще упускать многіе случаи къ исполненію нашихъ

должностей: то, чтобы не быть виновнымъ въ нашемъ паденіи, мы должны каждой разъ вставать и рѣже падать; и буде мы сего желаемъ, то должны стараться о живомъ познаніи проступковъ нашихъ и упущенныхъ къ добру случаевъ. Сіе есть дѣло *совѣсти*, которая и о начинаемыхъ и о исполненныхъ дѣяніяхъ должна судить безпристрастно и съ совершенною свободою *за* насъ, или *противъ* насъ, по качеству дѣлъ. Чѣмъ бдительнѣе и чувствительнѣе совѣсть, чѣмъ смѣлѣе открываетъ она намъ содѣянные нами проступки и показываетъ, въ какихъ случаяхъ упустили мы исполненіе своихъ должностей: тѣмъ осторожнѣе становиться мы будемъ. Осуждаемая ею, и часто невозвратимая, потеря добрыхъ случаевъ и всѣхъ благотворныхъ ихъ слѣдствій огорчать насъ станетъ; и чѣмъ

яснѣе становиться будетъ наше познаніе, чѣмъ *постояннѣе* будетъ наше стремленіе къ добродѣтели: тѣмъ ревностнѣе содѣлаетъ насъ сіе болѣзненное чувство къ предупрежденію впредь таковой потери всевозможною внимательностію и присутствіемъ духа.

Все, предпріемлемое для споспѣшествованія нравственному благу и счастію человѣка, имѣетъ право на награду. Но сколь сами по себѣ блаженны уже тѣ часы, которые проведете вы въ такихъ размышленіяхъ, и сколь богато они наградятся, естьли убѣдятъ васъ не только замѣчать добрые случаи, но и употреблять ихъ ради толь великой награды, которую они суляТъ вамъ!

Прощайте, любезный другъ! Подумайте о сихъ великихъ истинахъ. Завтрашнею ночью мы опять увидимся.

НОЧЬ ПЯТАЯ.

Вчера говорили мы, любезный другъ, о томъ, какъ достигать способности къ добродѣтелямъ. Теперь, прежде нежели пойдемъ далѣе, долженъ я сказать вамъ, сколь важно сдѣлать нравственною силою свое *воображеніе*.

Поелику безъ *разума* нѣтъ *премудрости*, безъ премудрости нѣтъ *добродѣтели*, безъ добродѣтели нѣтъ истиннаго *блаженства*, и какъ разумъ не имѣетъ опаснѣйшей себѣ совмѣстницы, какъ безпорядочная, разстроенная и необузданная *фантазія*: то весьма нужно, какъ для нравовъ и дѣяній нашихъ, такъ и для самаго внутренняго характера нашего узнать качество сей, хотя не столь *благородной*, но весьма важной и мс-

гущественной силы души нашей. Сердце не можетъ быть добрымъ, естьли *воображеніе* не будетъ таковымъ. Изо всѣхъ почти дѣйствій и намѣреній нашихъ можно доказать, что оно возбуждаетъ и возжигаетъ въ насъ большую часть вожделѣній, и вмѣшивается почти во всѣ обстоятельства нашей жизни. Естьли оно правильно и направлено на то, что имѣетъ *дѣйствительное величіе*, истинную *нравственную* красоту: то и дѣйствія наши будутъ таковыжъ. Но естьли оно испорчено и разстроено; то и безпорядокъ страстей умножается. Какихъ порочныхъ дѣяній произвесть онѣ не въ состояніи, когда воображеніе ими правитъ? И такъ, кто, желая своего совершенства, не признаетъ исправленіе воображенія своего необходимою *обязанностію*, у того намѣреніе его еще сомнительно.

Сила сія имѣетъ многоразличныя дѣйствія. Чувства, яко каналы всякаго познанія, сообщаютъ первыя представленія разуму, а чрезъ то и первыя ощущенія сердцу. И то и другое есть еще грубая матерія, которая предлагается душѣ для выработки. И такъ они должны продолжаться въ разумѣ, и естьли нужно будетъ, снова возобновляться; ибо разумъ подобенъ зеркалу, въ коемъ изображенія тѣлесныхъ предметовъ, съ удаленіемъ оныхъ, изчезаютъ такъ скоропостижно и всесовершенно, что въ немъ и слѣдовъ оныхъ не остается. Но какъ душа наша, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ недальнозрящихъ философовъ, и въ самомъ началѣ нашихъ идей и ощущеній, болѣе *дѣйствующа*, нежели *страждуща*: то она таковою же остается и въ продолженіи оныхъ. Воображеніе схватываетъ ихъ, удер-

живаетъ и передаетъ памяти, чрезъ повтореніе подкрѣпляетъ ихъ и сохраняетъ даже тѣ самыя, которыя по причинѣ слабаго ихъ впечатлѣнія, казалось, вовсе не коснулись понятія. — Часто удивляются, что приходятъ такія мысли и воображенія, которыя кажутся совсѣмъ новы и никогда въ насъ не бывали: но сіе удивленіе престанетъ, естьли мы узнаемъ, что каждый разъ съ ясными представленіями нашими смѣшиваются и неясныя идеи и ощущенія.

Какъ скоро представится чувствамъ предметъ, имѣющій хотя отдаленную связь съ ощущенными уже чувственными идеями: то непрестанно дѣйствующее и неутомимое воображеніе вызываетъ ихъ; душа снова узнаетъ то, что нѣкогда видѣла, чувствовала, чему удивлялась, чего желала, или отъ чего отвращалась; по крайней мѣрѣ она мы-

слитъ о томъ, хотябъ и не вѣдала о прежнемъ подобномъ состояніи. Но воображеніе не можетъ представить прежнихъ идей и ощущеній вовсе безъ перемѣны; онѣ должны, такъ сказать, запечатлѣны быть его печатью, и какъ бы сія перемѣна ни была непримѣтна, при тщательномъ разсмотрѣніи можно будетъ узнать, что сіи идеи и ощущенія *возобновленныя*.

Почти всѣ внѣшніе предметы, представляющіеся намъ чрезъ чувства, при вторичномъ появленіи ихъ чрезъ воображеніе, или увеличиваются, или уменьшаются. Воображеніе почти никогда не представляетъ ихъ въ прежнемъ видѣ; но показываетъ ихъ или болѣе въ тѣни, или болѣе въ свѣту; прибавляетъ, убавляетъ, увеличиваетъ, уменьшаетъ; то украшаетъ и отнимаетъ непріятность, которую нѣкоторые предметы производили въ насъ при пер-

вомъ ихъ впечатлѣніи; то лишаетъ ихъ прелестей, возбуждавшихъ прежде въ насъ удивленіе и похвалу; открываетъ намъ неизвѣстныя ихъ стороны: но никогда о томъ не заботится, согласуются ли производимыя имъ перемѣны съ натурою вещи.

Нѣтъ у души силы безпокойнѣе и дѣятельнѣе воображенія. Оно есть неизчерпаемый источникъ идей, когда чувства отъ работы своей утомятся, или когда разборчивый разумъ медленно идетъ путемъ размышленія, или боясь заблудиться въ собственныхъ воображеніяхъ, или, когда онъ былъ уже обманутъ ложными мечтами, теряя надежду найти обратный путь къ Истинѣ, долженствующей быть единственною цѣлію всѣхъ его изысканій.

Фантазія, или *воображительная сила* хотя принадлежитъ къ нижнимъ силамъ духа человѣческаго,

есть однакожъ одна изъ самыхъ полезнѣйшихъ, естьли разумъ сколько нибудь имѣетъ власть надъ нею. Поелику чрезъ *воображеніе* мысли наши до безконечности могутъ преображаться и размножаться: то оно есть источникъ всѣхъ изобрѣтеній. Какъ тѣсны были бы предѣлы нашихъ познаній, естьли бы оно не открывало намъ новыхъ видовъ и не разширяло ихъ круга! Оно весьма много способствуетъ самымъ важнѣйшимъ наукамъ, которыя кажутся только плодами глубокаго размышленія. Ни одинъ великій умъ, или такъ называемый Геній (Genie) не былъ бы таковымъ, естьли бы не оживленъ былъ дѣйствіемъ воображенія; особливо обязаны ему всемъ такъ называемые *острые умы*. Оно можетъ хвалиться открытіемъ многихъ истинъ, хотя чрезъ обманчивость его болѣе произошло заблуж-

деній и неосновательныхъ мнѣній. Оно, безъ сомнѣнія, способствовало *Невтону* раздробить солнечные лучи; но еще болѣе участвовало въ *Картезіевомъ* вихрѣ.

Идеи, получаемыя нами отъ воображенія, всѣ *чувственныя*, ибо происходятъ отъ чувственныхъ ощущеній; и какъ онѣ раждаются чрезъ перемѣну прежнихъ: то предметы его не суть *подлинно* таковы, каковыми оно ихъ представляетъ, естьли другія силы человѣка не придадутъ имъ сей *подлинности*. Какъ же главная склонность души есть стремленіе къ удовольствію: то воображеніе и занимается особливо тѣмъ, что производило въ насъ пріятныя ощущенія. Доказательствомъ тому служатъ *художества*, кои изобрѣтены не столько по нуждѣ, сколько по пріятности ихъ и удовольствію отъ нихъ въ жизни. Потому-то

совершенства, открываемыя вышними силами души за предѣлами чувствъ чрезъ размышленіе и разумъ, не суть ближайшій и непосредственный предметъ воображенія. Истина и нравственная доброта производитъ въ немъ слабое впечатлѣніе; и естьли бы онѣ не имѣли нѣкотораго сходства съ *чувственными* предметами и не производили бы даже *чувственныхъ* дѣйствій, то онѣ его и не трогали бы. Но какъ воображеніе даетъ, такъ сказать, тѣло тому, что собственно есть духъ и душа: то разумъ и добродѣтель, сверьхъ истинныхъ и существенныхъ своихъ удовольствій, могутъ иногда запятнаться и страстьми его, хотя бы онѣ не имѣли другой существенности, кромѣ сообщенной имъ очаровательною силою разстроенной фантазіи.

Впрочемъ воображеніе занимаетъ

не одними пріятными представленіями; но, по обстоятельствамъ, возобновляетъ и непріятныя идеи всякаго рода, и чрезъ то дѣлается обильнымъ источникомъ огорченій и неудовольствій. Сколько бѣдъ, заботъ и печалей отправляютъ жизнь человѣческую единственно отъ воображенія! однако не всякая непріятность, которую оно снова намъ представляетъ, бываетъ столько же непріятною, какъ при первомъ впечатлѣніи. Иногда оно уменьшаетъ ее, иногда вовсе истребляетъ ее чрезъ перемѣну, произведенную имъ въ сей вещи, или обстоятельствѣ; иногда даже оно утѣшаетъ, представляя непріятность минувшею: а избавленіе отъ страха есть также немалое удовольствіе.

Все чувственное трогаетъ насъ или величествомъ, или новостію и необычайностью, или порядкомъ,

правильностію и красотою, дѣйствительно ли мы ихъ въ представляющихся предметахъ видимъ, или мнимъ видѣть. Въ семъ состоитъ свойство и различность воображенія и дѣйствій его въ разныхъ людяхъ. Качества предметовъ не въ каждомъ одинакое производятъ впечатлѣніе: одно дѣйствуетъ на человѣка сильнѣе и долѣе, нежели другое, по настроенію души его, ему свойственному, и, смѣю сказать, по мѣсту, занимаемому имъ въ мірѣ. Съ сими сильнѣйшими, или слабѣйшими, впечатлѣніями сообразуется фантазія въ своихъ дѣйствіяхъ. У однихъ любитъ она все великое, у другихъ все красивое; и сіе различіе обнаруживается во всѣхъ предпріятіяхъ человѣка, особливо въ избираемыхъ имъ себѣ упражненіяхъ. Естьли чувство *великаго* будетъ дѣлать слабѣе потрясеніе въ воображеніи архитек-

тора: то онъ можетъ знать теорію всего того, что служитъ къ величеству и великолѣпію зданія, но преимущественно станетъ стараться о украшеніи и пріятности онаго. Такъ и Министръ станетъ болѣе думать о украшеніи и цвѣтѣ своего государства, нежели о распространеніи его, *не только по долгу*, но и по *склонности*, ежели его трогаетъ болѣе порядокъ и правильность, нежели то, что удивляетъ и изумляетъ.

Я не буду много говорить о томъ, что и нравственный характеръ человѣка зависитъ много отъ того: *дѣйствительное* ли великое, удивительное, новое, рѣдкое и изящное приводитъ въ движеніе его воображеніе, или только *мечтательное?* Различіе сіе чрезвычайно важно по слѣдствіямъ своимъ, и тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе человѣкъ въ состояніи

дѣйствовать на благо цѣлаго. Такъ впечатлѣніе, сдѣланное въ пылкомъ воображеніи романическими подвигами Александра, а еще болѣе романическими описаніями оныхъ, можетъ родить изъ какого нибудь Государя еще новаго опустошителя вселенныя и Фаларида своего народа; равномѣрно счастливое впечатлѣніе прямаго достоинства можетъ произвесть изъ него Тита, или Генриха IV. Естьли бы всѣ гоняющіеся за славою писатели знали весь вредъ, происходящій отъ романическихъ ихъ описаній; то мы не имѣли бы Курція; или по крайней мѣрѣ онъ описалъ бы намъ кроткія, достославныя, хотя и не столь громкія, дѣянія какого нибудь миролюбиваго Государя. Тогда можетъ быть менѣе бы его читали, но менѣе бы и вреда получали.

Страсти стоятъ въ тѣсномъ со-

юзѣ съ фантазіею, и онѣ непосредственно дѣйствуютъ сильно другъ на друга: но, прямо говоря, воображеніе не раждаетъ страстей, а только питаетъ ихъ и поощряетъ гоняться за ихъ предметомъ съ большимъ, или меньшимъ жаромъ. Воображеніе производитъ почти тѣже самыя слѣдствія, какъ и дѣйствительное ощущеніе; а часто дѣйствія его бываютъ не только сильнѣе, но и продолжительнѣе. Дѣйствительныя ощущенія поставляютъ человѣка въ пріятное, или непріятное состояніе, и возбуждаютъ въ немъ желаніе остаться въ ономъ, или освободиться отъ онаго. И воображеніе дѣлаетъ тоже. Потому-то мы не охотно пробуждаемся отъ пріятнаго сна, не желая лишиться ощущенія, коимъ мы въ немъ наслаждались.

Все это суть опыты, которые

должно памятовать не только для того, что они по важности своей заслуживаютъ замѣчанія; но и для того, что на нихъ основываются *правила*, которыя непремѣнно наблюдать должно, естьли хотѣть воображеніе свое довесть до *нравственнаго совершенства*.

Когда желаешь *силу воображенія* сдѣлать *нравственнымъ совершенствомъ*: то ты долженъ стараться привесть ее и дѣйствія ея въ тѣсную и дружественную связь съ существеннымъ назначеніемъ натуры нашей и съ послѣднею великою цѣлію всѣхъ ея силъ. И такъ она должна состоять въ правильномъ соотношеніи съ ними; но впрочемъ хотя связь ея съ оными, которая до безконечности разнообразна, можетъ согласоваться съ великими намѣреніями Творца нашего и по многимъ причинамъ пособствовать къ раз-

множенію безчисленныхъ и прекрасныхъ перемѣнъ въ характерѣ честномъ и добродѣтельномъ: однакожъ она никакъ не должна перевѣшивать другихъ силъ души нашей до такой степени, чтобы онѣ чрезъ нее приведены были или въ совершенное бездѣйствіе, или въ затрудненіе содѣйствовать также къ истинному совершенству бытія нашего. И потому правила, наблюденіе коихъ можетъ фантазію нашу сдѣлать нравственною силою, должны имѣть двоякую цѣль: 1) исправить ея погрѣшности, 2) умножить и усилить добрыя ея свойства.

Желающій исправить погрѣшности своего воображенія, долженъ предпринять постоянно и строго изслѣдовать: пылко ли только, или стремительно и необузданно въ своихъ дѣйствіяхъ его воображеніе? Вѣтрено ли? летуче ли и перемѣн-

чиво? Долго ли стремится за однимъ предметомъ, или такъ нетерпѣливо, что не можетъ оставаться при одномъ, хотябъ и нужда въ томъ была? Не обманчиво ли оно, и не ошибочно ли въ своихъ идеяхъ? Увеличиваетъ ли, или уменьшаетъ предметы, или начертанные имъ образа точно сходны съ натурою вещи? — Не возможно сдѣлать воображеніе свое нравственною силою, естьли не будетъ въ насъ ни склонности, ни твердости предложить себѣ сіи вопросы, а еще менѣе охоты и смѣлости отвѣчать на оные безпристрастно.

Естьли воображеніе въ дѣйствіяхъ своихъ слишкомъ живо: то надлежитъ воздерживать оное отъ всего того, что можетъ умножить его живость и привесть въ воспаленіе; и для обузданія стремительности его, должно стараться привесть

другія силы души въ сильнѣйшее и продолжительнѣйшее движеніе. *Разсуждайте болѣе разумомъ, нежели воображеніемъ*, и — что всего важнѣе — не забывайте, что вы назначены болѣе къ *дѣятельной*, нежели къ *умозрительной* жизни: то вы рѣже будете заниматься пріятными, или непріятными грезами. Силы души, такъ какъ и нервы въ тѣлѣ, естьли ихъ не пробужать, могутъ вовсе заснуть.

Большое несчастіе имѣть бѣглое и блудящее воображеніе; оно дѣлаетъ человѣка легкомысленнымъ, неосмотрительнымъ, и во всѣхъ предпріятіяхъ вѣпренымъ. Таковый можетъ легко отважиться на что нибудь великое и похвальное, можетъ чистосердечно рѣшиться исполнить оное, можетъ счастливо начать, и ничего не исполнить; ибо непостоянное его воображеніе бу-

детъ перебѣгать отъ одного предмета дѣятельности его къ другому.

Поелику воображенію свойственно все перемѣнять и показывать въ новыхъ и необыкновенныхъ видахъ, изобрѣтать возможности и давать имъ видъ дѣйствительностей, чрезъ что страсти воспаляются и сильнѣе стремятся за мечтами своими: то стараться должно сдѣлать въ себѣ разумъ господствующею силою души, дабы отвергать всѣ замыслы фантазіи, которые имъ одобрены не будутъ. Разумъ не удовлетворяется пустымъ блескомъ, но все разсматриваетъ; и подъ его правленіемъ воображеніе можетъ особенно обращено быть на великое, чудесное, пріятное и изящное. Разумъ, ставъ правителемъ нашего воображенія, не допуститъ насъ гоняться за ложнымъ величіемъ, и дѣйствовать въ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ на-

ихъ романически; онъ поможетъ намъ открыть самыя сокровенныя нелѣпости и заградитъ слухъ нашъ отъ пѣсней обольстительныхъ Сиренъ.

Чтобы облегчить ему господство въ насъ, нужно вспоминать всегда о своемъ назначеніи, о разныхъ цѣляхъ бытія нашего, особливо о *порядкѣ*, какъ поступать, чтобы всѣ внутреннія и наружныя перемѣны въ насъ и въ нашихъ обстоятельствахъ привесть въ правильное и точное согласіе съ нашими должностями. Съ помощію сего познанія легко можно будетъ умѣрять дѣйствія нашей фантазіи, разпознавать ея замыслы, видѣть, согласны ли они, или несогласны со всѣми нашими обязанностями, способствуютъ ли, или мѣшаютъ исполненію ихъ. И для того надлежитъ напоминать себѣ о томъ чего требуютъ отъ насъ об-

щественныя и частныя наши обязанности; къ чему обязанъ въ мірѣ *человѣкъ, гражданинъ, патріотъ*, особливо *христіянинъ* и *безсмертный* духъ въ разныхъ состояніяхъ жизни.

Истинное блаженство человѣческое на земли состоитъ болѣе въ тихомъ и спокойномъ удовольствіи сердца о томъ, что оно съ намѣреніемъ не совратилось съ пути должностей своихъ, нежели въ чувственныхъ и буйныхъ радостяхъ. А потому, дабы воображеніе не слишкомъ ими занималось и не придавало бы пороку болѣе прелестей, нежели сколько въ отравѣ его ихъ есть, должно обуздывать свою чувственность. Должно всегда представлять себѣ въ наилучшихъ краскахъ счастіе добродѣтельнаго, и такъ настроить свой разумъ, чтобы идея о семъ счастіи отчасу становилась живѣе.

Изъ сихъ общихъ предписаній, мой другъ, слѣдуютъ многія частныя правила. Кто постоянно рѣшился доставить душѣ своей то истинное достоинство и совершенство, къ каковымъ она способна, особливо съ помощію религіи: тотъ легко обрѣтетъ сіи правила. Другіе же и самыми яснѣйшими и легчайшими предписаніями не воспользуются; ибо они ищутъ только своей славы и только радостей въ жизни, и всегда возстаютъ противъ всякаго нравственнаго ученія.

Все, что я сказалъ вамъ, любезный другъ, сказано къ тому, чтобы приближить васъ къ цѣли вашей и предварительно спознакомить съ важнѣйшими истинами.

Добродѣтель, необходимая для васъ, есть кротость и смиреніе. Свѣтскіе ученые не знаютъ сей добродѣтели; оттуда гордость ихъ, ко-

торая удаляетъ ихъ отъ Премудрости. Возчувствуйте, любезный другъ, достоинство и величіе сихъ добродѣтелей; ибо онѣ-то приводятъ человѣка ко дверямъ Святилища. Обратите ко мнѣ ваше вниманіе.

Гордость у превосходнѣйшихъ дарованій Генія и у благороднѣйшихъ качествъ сердца похищаетъ истинное ихъ величіе. Гордецъ хотя и можетъ громкими своими дѣлами и дѣйствительными заслугами вынудить изъ насъ себѣ почтеніе, удивленіе, а иногда и рабскую преданность, естьли къ тому порода, санъ и богатство дѣлаютъ его страшнымъ; но никогда не дождется онъ того сладкаго удовольствія, которое доставляютъ почитаніе и любовь искреннія, добровольныя. Онѣ, такъ сказать, суть цвѣты, распускающіеся только подъ благотвор-

ною и прохладною тѣнью истинной кротости и смиренія, но увядаютъ и опадаютъ отъ непомѣрнаго зноя гордости. Дѣйствительныя преимущества гордеца, можетъ быть, въ состояніи защитить его отъ нашего презрѣнія: но никогда не защитятъ отъ ненависти къ нему человѣческаго сердца; ибо чье сердце не имѣетъ и въ самомъ себѣ тайной склонности къ гордости, которая хотя обуздывается добродѣтелію, но вовсе истребиться не можетъ? Въ комъ же она не возбудится, когда несправедливость другаго гордеца оскорбляетъ ее? — Но она уступчива предъ тѣмъ, въ комъ кротость и смиреніе умѣряютъ великій блескъ его преимуществъ, развѣ одна подлая и гнусная зависть будетъ обладать нашимъ сердцемъ. Мы добровольно бываемъ справедливы, когда не принуждаютъ насъ быть справедливыми.

Для удостовѣренія въ сей истинѣ нужно имѣть только правильныя понятія о сихъ любезныхъ добродѣтеляхъ, о которыхъ знаемъ мы болѣе по чувству, не вовсе изъятому отъ обмана, нежели по ясному понятію, свободному отъ всѣхъ обманчивыхъ ослѣпленій. — Гордость слишкомъ будетъ дерзновенна, естьли отважится всегда и вездѣ являться въ собственномъ своемъ видѣ; она чѣмъ тоньше, тѣмъ чаще и болѣе станетъ уподобляться *кротости*. Есть смиреніе, которымъ часто гордость закрывается отъ всеобщаго замѣчанія; это умышленное, мнимое равнодушіе къ почестямъ; но есть такіе зоркіе глаза, которые на нѣкоторое только время тѣмъ ослѣпляются, но потомъ вдругъ открываютъ лицемѣра. Сіе самое стараніе гордости облечься въ одежду кротости доказываетъ, сколь оная лю-

безна и привлекательна, а она ненавистна и отвратительна.

Но весьма трудно гордому казаться *кроткимъ;* искуснѣйшій лицемѣръ не выдержитъ долго сего притворства. Гордецъ или вовсе не почитаетъ смиренія за добродѣтель, и потому не захочетъ и поддѣлываться къ оному: или имѣетъ совсѣмъ ложное о немъ понятіе; и потому, захотя казаться смиреннымъ, станетъ показывать, или будто не вѣдаетъ своихъ преимуществъ, или будто не уважаетъ ихъ и вовсе объ нихъ не думаетъ. Но можно чувствовать и знать свое преимущество надъ другими, и нѣтъ нужды скрывать сіе вѣдѣніе; даже часто нужно бываетъ показывать оное; ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обстоятельствахъ требуютъ сего самыя наши обязанности: при всемъ томъ можно быть кротку и смиренну.

Кротость состоитъ отчасти въ безпристрастномъ судѣ о качествѣ и мѣрѣ своихъ преимуществъ и заслугъ, отчасти въ правильномъ учрежденіи поступковъ своихъ по сему суду. Но какъ есть разные роды преимуществъ, то кроткій человѣкъ не ошибается въ правильномъ различеніи оныхъ и каждому изъ нихъ отдаетъ то достоинство, которое въ самомъ дѣлѣ оно имѣетъ. И какъ всѣ преимущества бываютъ разныхъ степеней; то онъ не смотритъ на нихъ въ увеличивательное стекло самолюбія; а знаетъ, или старается узнать степень преимуществъ своихъ и другихъ, безпристрастно сѣшиваетъ ихъ съ своими, и какъ при строгомъ безпристрастіи всегда легче познавать себя, нежели другихъ: то онъ чаще склоняетъ вѣсы въ пользу другаго, нежели въ свою.

Всякое превосходство, какое толь-

ко человѣкъ имѣть можетъ, есть или природный даръ, или слѣдствіе внѣшнихъ случаевъ и обстоятельствъ, темперамента, счастливаго воспитанія и наставленія, или наконецъ собственнаго старанія о добродѣтели. Міръ называетъ преимуществами также и породу, знатность, чины и богатство; кроткій человѣкъ, не будучи въ состояніи перемѣнить общаго мнѣнія, оставляетъ имъ сіе названіе, но собственно самъ почитаетъ ихъ только средствами къ пріобрѣтенію истинныхъ преимуществъ, потому что они доставляютъ добрымъ склонностямъ удобство превратиться въ дѣла. Таковыми преимуществами никогда не вздумаетъ онъ гордиться; ибо зависитъ ли отъ воли человѣческой родиться богату, или знатну? И я не знаю, отъ чего людямъ знатной породы трудно преодолѣть сію суетность.

Дары Генія и слѣдствія хорошаго темперамента, или счастливаго воспитанія, болѣе принадлежатъ человѣку; они родятся, такъ сказать, на собственной его землѣ. Проницательность ума, быстрота, изобрѣтательность, глубокомысліе, острота, сильное и живое воображеніе, добрый нравъ, ловкость или пріятность въ обращеніи, обширныя свѣдѣнія и добрыя качества воли, которыхъ дѣйствительно имѣть не льзя, не воспользовавшись воспитаніемъ и наставленіемъ — сіи преимущества можно ли сравнить съ тѣми, кои основаны на внѣшнихъ только случайныхъ обстоятельствахъ? А слѣдовательно при разсмотрѣніи собственнаго достоинства не для чего и поминать о сихъ послѣднихъ преимуществахъ. Можно быть *Вольтеромъ*, не осуждая для того и не презирая благочестиваго *Павла Герарда*.

Кроткій человѣкъ увѣренъ, что тотъ, кто можетъ хвалиться такими преимуществами, счастливѣе и способнѣе, но не лучше того, кому они не даны. Счастливецъ сей имѣетъ болѣе обязанностей къ исполненію: но исполняетъ ли онъ ихъ? Вотъ вопросъ, который рѣшить должно. Естьли человѣкъ, имѣющій сіи преимущества, не выработаетъ себѣ изъ сихъ матеріаловъ преимущественныхъ и добродѣтелей; то я буду ему удивляться, буду предпочитать его другому, но буду предпочитать его какъ дерево, которое по натурѣ своей способно приносить лучшіе плоды; вкусъ оныхъ, можетъ быть, восхититъ меня, но при всемъ томъ я скажу: садовникъ не приложилъ здѣсь своего искусства.

Такъ и при оцѣнкѣ собственнаго достоинства съ достоинствомъ другихъ:

чѣмъ труднѣе точное распознаніе оныхъ, тѣмъ рачительнѣе кроткій человѣкъ будетъ ограждать слухъ свой отъ всякихъ внушеній гордости. Особливожъ весьма рѣдко и всегда съ большею осмотрительностію станетъ онъ осуждать другаго, и скорѣе побоится слишкомъ унизить его предъ собою, нежели отважится мыслить о немъ не любовно, не доброхотно. Ибо какъ трудно знать прямую причину чужихъ намѣреній? Сколь они свободны, сколь согласны съ совѣстію, сколь чисты? Кроткій поступитъ въ семъ случаѣ такъ, какъ благоразумный человѣкъ въ спорѣ о предсѣдательствѣ, естьли вопросъ еще не рѣшенъ. Пусть первое мѣсто и ему принадлежитъ: но онъ лучше уступитъ оное, нежели заведетъ о томъ процессъ, который, можетъ быть, тѣмъ скорѣе онъ проиграетъ, чѣмъ болѣе горячиться станетъ.

Смиреніе есть дщерь самопознанія и живаго чувства зависимости нашей отъ Бога, не только въ бытіи и существѣ нашемъ, но и во всѣхъ нашихъ силахъ, способностяхъ и дѣйствіяхъ. Оно приводитъ человѣка къ первому безконечному Источнику всѣхъ даровъ и преимуществъ, удостовѣряя его, что они суть только заемное имѣніе, которое не можетъ онъ почесть своею собственностію, и на которомъ не можетъ онъ основывать своего преимущества надъ другими; ибо оно есть собственность Бога, безконечнаго его благодѣтеля. Смиреніе, добродѣтель, неизвѣстная язычникамъ, которой никто хорошо не знаетъ и не исполняетъ, кромѣ истиннаго Богопочитателя, не только не уничтожаетъ въ насъ свѣдѣнія о дѣйствительныхъ нашихъ преимуществахъ, но еще тѣмъ болѣе увели-

чивается, чѣмъ яснѣе и извѣстнѣе свѣдѣніе сіе становится. Смиренный далекъ отъ того, чтобы низко и подло о дѣлахъ своихъ думать, но не можетъ ими гордиться, потому что вѣдаетъ не только источникъ своихъ преимуществъ и собственную природную къ добру неспособность, но и цѣль, для которой дары и способности его отъ Бога ему ввѣрены. Можно ли ему тѣмъ величаться, когда онъ, при самомъ ревностнѣйшемъ стремленіи къ сей цѣли, увѣренъ въ невозможности своей достигнуть оной? Когда же онъ не гордится нравственными преимуществами — каковая гордость есть ли не совсѣмъ позволительна, по крайней мѣрѣ простительна язычнику: — то можетъ ли онъ гордиться другими, ничего незначущими и прямо ему не принадлежащими, преимуществами? —

Въ дополненіе къ симъ истинамъ, которыя впрочемъ не новы и не суть вымыслы фанатизма, но вѣчныя истины, въ вѣчной связи съ натурою вещей состоящія — долженъ я вамъ сообщить высокія понятія мудрыхъ въ древности о обрядахъ Богопочитанія. Это для васъ необходимо. Не ожидайте услышать отъ меня собственныхъ моихъ, или отъ другихъ собранныхъ мыслей: но самыя истины, внутри натуры кроющіяся. На сей разъ довольно. Чтобы не обременить и не утомить духа вашего, стремящагося къ Истинѣ, отложимъ сіе до завтра. Завтра, когда тишина ночи призоветъ насъ къ священнымъ размышленіямъ, мы посвятимъ часы ея сему предмету, заслуживающему все ваше вниманіе.

НОЧЬ ШЕСТАЯ.

Естьли мы разсмотримъ собственное бытіе и дѣйствія наши: то увидимъ, любезный другъ, что мы существа весьма ограниченныя, и только постепенно можемъ восходить къ нашему совершенству. Сіято ограниченность причиною, что для разума нашего есть таинства, или мистеріи. Разумъ и силы человѣческія развиваются постепенно; что человѣкъ узнаетъ, того прежде онъ не зналъ, и слѣдовательно съ каждымъ новымъ познаніемъ узнаетъ онъ таинство.

Взгляните на обыкновенныя науки, физику, механику и проч. и скажите: не имѣютъ ли онѣ таинствъ для того, кто не физикъ, не механикъ?

Все въ Натурѣ развивается постепенно: равно и силы духа и совершенствованіе души. Истина и Премудрость всегда были сокровенны, и сія сокровенность служитъ имъ защитою отъ недостойныхъ.

Нѣтъ такого таинства въ Натурѣ, которое бы вовсе было неизъяснимо; все закрыто отъ насъ для того, чтобы возбудить волю нашу къ стремленію за Истиною, и чтобы известь насъ изъ того состоянія, въ которое мы низпали.

Религія имѣла всегда одну цѣль — возстановить нарушенный союзъ между Богомъ, человѣкомъ и вселенною, научить человѣка силамъ и свойствамъ Натуры, и подать ему чувственное изображеніе его назначенія и связи съ цѣпью другихъ существъ.

Чрезвычайное и особливо достопримѣчательное преимущество имѣетъ

наша религія предъ всѣми другими; ибо установленное ею публичное богослуженіе состоитъ или въ поученіи, или въ возбужденіи воли и направленіи страстей къ благоразумному учрежденію своихъ поступковъ.

Представленіе сихъ истинъ, молитва, прославленіе Творца и воспоминаніе величественныхъ должностей натуры человѣческой — вотъ что составляетъ Христіанское богослуженіе. Одно сіе замѣчаніе достаточно къ тому, чтобы не допустить насъ почитать учрежденіе его за одну человѣческую выдумку. Какъ мало думаютъ люди о нравственныхъ истинахъ! Какъ не охотно занимаются они ими по свободной волѣ! И сколь уничижительны, для разума и любви къ добру, богослуженія, вымышленныя человѣками! О большой части праздниковъ ихъ не льзя помыслить безъ стыда и от-

вращенія. Напротивъ того какая религія представляетъ лучшее ученіе къ показанію гнусности, мерзости и вредности порока и красоты, достоинства и полезности добродѣтели, какъ не Христіанская? Человѣкъ, не вовсе безчувственный къ *добру*, хотя бы и не былъ еще увѣренъ въ истинѣ Христіанства, долженъ, для гражданской и политической только пользы, всячески способствовать благотворнымъ вліяніямъ богопочитанія и богослуженія. Почему я никакъ не могу скрыть досады моей противъ тѣхъ, которые хотя и говорятъ, что почитаютъ и уважаютъ религію, но въ разсужденіи установленнаго ею богослуженія крайне нерадивы, и подъ ничтожными предлогами вовсе оставляютъ оное, оправдывая себя въ томъ или равнодушіемъ и холодностію къ оному тѣхъ, которымъ они

вѣрятъ, или воображеніемъ, что слушать повтореніе тѣхъ же истинъ, которыя имъ давно уже извѣстны, для нихъ безполезно, и что они могутъ употребить время на лучшее, — или предлагаемыми соблазнами отъ самихъ учителей и нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, и людей, въ публичномъ богослуженіи употребляемыхъ; — или собственнымъ дознаніемъ, что публичное богослуженіе никакой примѣтной пользы и вліянія въ сердцѣ ихъ не производитъ.

Надлежитъ признаться, что многіе обольщаютъ себя въ семъ случаѣ гордымъ воображеніемъ, что они могутъ обойтись и безъ публичнаго наставленія: но опытъ, подтверждаемый безпрестанно новыми примѣрами, доказываетъ, что толь выгодно и пристрастно о себѣ мыслящіе весьма еще далеки отъ той

мудрости, которую они себѣ приписываютъ. Оставляя въ покоѣ ихъ высокоуміе, и не говоря о томъ, что они обязаны подавать собою примѣръ тѣмъ ближнимъ, которые не могутъ еще, какъ они, похвалиться, чтобы для нихъ публичное богослуженіе было не нужно, я хочу только припомнить имъ: " что каждое преднамѣренное, обдуманное и нешуточное воспоминаніе полученныхъ полезныхъ свѣдѣній въ нравственныхъ истинахъ, должно непремѣнно имѣть дѣйствіе на сердце."

Конечно, наилучшее и превосходнѣйшее ученіе будетъ излишнее и безполезное богатство, естьли оному недостаетъ дѣйствительности и жизни, естьли оно зарыто въ памяти и за другими сильнѣйшими представленіями не оказываетъ силы своей, и потому какъ бы вовсе чуждо и неизвѣстно разуму. Но мо-

жетъ ли оно сдѣлаться живымъ и дѣйствующимъ, естьли будетъ всегда отсутствующимъ отъ духа, естьли онъ не будетъ часто и охотно размышлять объ ономъ и разсматривать оное съ разныхъ сторонъ, естьли множество другихъ идей не подавляетъ и не заглушаетъ въ немъ онаго, естьли онъ не даетъ оному дѣйствовать на всѣ свои способности, на всѣ силы? — Чѣмъ чаще таковое ученіе представляется размышленію, и чѣмъ разнообразнѣе случаи, при коихъ сіе размышленіе случается; тѣмъ живѣе и сильнѣе становится власть онаго надъ сердцемъ; тѣмъ скорѣе воспоминается оно при обстоятельствахъ, гдѣ нужно дѣйствіе онаго для истиннаго нашего блага. И такъ, естьлибъ и подлинно при публичномъ богослуженіи мы не имѣли никогда случая получить новыхъ свѣдѣній, или уви-

дѣть познанное съ новыхъ сторонъ, и тѣмъ умножить наше познаніе — что утверждать было бы дерзко и свойственно только гордости и невѣжеству: — то одно напоминаніе о полезныхъ истинахъ было бы достаточнымъ побужденіемъ и обязанностію къ присутствованію при публичномъ богослуженіи со всѣмъ должнымъ уваженіемъ, а особливо при торжественныхъ случаяхъ и многолюдномъ собраніи народа, не говоря уже о томъ, что и для самыхъ тѣхъ, которые признаютъ одну только натуральную религію, непремѣнный есть долгъ показывать и наружными дѣйствіями то почитаніе, каковымъ они Высочайшему Существу обязаны, и сохранять, разпространять и размножать величественныя чувствованія, къ каковымъ человѣческой духъ способенъ. Какое можно сдѣлать понятіе о люб-

ви человѣка къ Истинѣ и добродѣтели, естьли онъ не изъявляетъ уваженія къ религіи, оказываемаго имъ, можетъ быть, какой нибудь театральной піэсѣ, которую онъ — при всемъ томъ, что она и не такъ-то еще хороша, и представляется безъ всякихъ перемѣнъ и тѣми же актёрами — въ состояніи смотрѣть и слушать нѣсколько разъ? —

Употребленіе времени на лучшее, нежели публичное богослуженіе, есть оправданіе дерзкое и недостаточное. Въ чемъ же лучше препровесть хотятъ опредѣленное для богослуженія время? Безъ сомнѣнія въ подобныхъ упражненіяхъ и въ отправленіи внутренняго богопочитанія, или въ исполненіи дѣлъ человѣколюбія, нетерпящихъ отлагательства и имѣющихъ самое счастливое дѣйствіе на общее благо: но весьма мало найдется таковыхъ, ко-

торые бы оставляли публичное богослуженіе для сихъ величественныхъ подвиговъ и высшихъ обязанностей человѣка. При томъ же одна обязанность не должна мѣшать другой. Внѣшнее богослуженіе, естьли мы при ономъ будемъ не разсѣяны, способствуетъ и ко внутреннему, и для дѣйствительнаго просвѣщенія разума и исправленія сердца обыкновенно оно болѣе еще дѣйствуетъ, нежели тайное богопочитаніе; ибо не всякъ имѣетъ способность и силу духа заниматься практическимъ размышленіемъ о нравственныхъ истинахъ, съ прославленіемъ Высочайшаго Существа, Отца и Творца своего, безъ наружнаго къ тому возбужденія и подкрѣпленія.

Но положимъ, что сіе лучшее и полезнѣйшее употребленіе времени возможно: однако тотъ, кто тѣмъ оправдываетъ удаленіе свое отъ пу-

личнаго богослуженія, долженъ уже всѣ дни и часы свои посвятить прославленію Бога и разпространенію общаго блага, и каждую минуту жизни запечатлѣвать добрыми дѣлами. — Коль же величественна и сверхъестественна должна быть его добродѣтель! Но желательно, чтобы удаляющіеся отъ богослуженія не погубляли времени сего по небреженію на дѣла совсѣмъ другаго рода, на нѣгу и покой, или на гнусныя распутства.

Я не хочу отрицать, что не всѣ и не всегда служители церкви проповѣдуютъ возвѣщаемыя ими истины достойнымъ образомъ; что часто ведерѣчивые проповѣдники выходятъ на каѳедру болѣе для показанія своей учености и краснорѣчія, нежели для наученія народа; что не всѣ отправляютъ званіе свое по прямому ихъ долгу; и что весьма же-

лательно, чтобы служители церкви, призванные къ наставленію ближнихъ своихъ въ величественныхъ и непреложныхъ истинахъ, не забывали никогда о важности сана своего, объ отвѣтѣ, который отъ нихъ возтребуется, и о пользѣ, которую они доставить могутъ: но для чегожъ и религіи, такъ какъ политикѣ, не имѣть своихъ Демосѳеновъ и Цицероновъ? Впрочемъ, какъ Природа не всѣхъ равно надѣляетъ дарами: то проповѣдникъ, и безъ особенныхъ способностей, можетъ быть удобенъ къ проповѣдованію, ежели любитъ и узнаетъ свое дѣло. Сердце можетъ сдѣлать самымъ убѣдительнѣйшимъ ораторомъ, и откровеніе есть неизчерпаемый источникъ краснорѣчія.

Но положимъ, чтобы и всѣ учители не исполняли своихъ обязанностей; что имѣющіе разборчивый

вкусѣ слушатели справедливо недовольны ими; что они сами лучше умѣютъ объяснить себѣ проповѣдуемое имъ ученіе: все сіе не оправдываетъ однакожъ удаленія ихъ отъ публичнаго богослуженія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока они сами не станутъ проповѣдовать Истину лучшимъ, имъ извѣстнымъ, образомъ; а безъ помощи проповѣдниковъ большая часть людей не получили бы наставленія въ вѣрѣ. Вообще сказать: въ богослуженіи надлежитъ болѣе искать Истины, нежели краснорѣчія и пріятности изъясненія; да и что мѣшаетъ изъ множества учителей выбрать себѣ такого, который бы болѣе согласовался съ образомъ мыслей и вкусомъ нашимъ?

Обрядами богослуженія, не основывающимися на непосредственномъ Божескомъ повелѣніи, никто не дол-

женѣ соблазняться, естьли не можетъ доказать явнаго противорѣчія ихъ съ предполагаемою имъ цѣлію; ибо въ дѣйствіяхъ нашихъ многое оставлено на произволъ человѣку. И такъ, ежели знаменованіе и намѣреніе обрядовъ не совсѣмъ несвойственно богослуженію: то мы окажемъ непростительную гордость и нетерпимое своенравіе, естьли будемъ удаляться отъ публичнаго богослуженія только для того, что оно учреждено не по нашему вкусу и понятіямъ. Естьли слѣдовать сему умствованію во всякихъ случаяхъ, то какой выдетъ безпорядокъ и замѣшательство и въ самомъ обыкновенномъ дѣлѣ?

Правда, что при отправленіи публичнаго богослуженія многіе и присутствующіе не наблюдаютъ должнаго уваженія, вниманія и тишины: но все сіе не извиняетъ уда-

ляющихся отъ онаго подъ тѣмъ видомъ, чтобъ не участвовать въ семъ безпорядкѣ. Въ чужихъ безпорядкахъ участвовать никто не можетъ, естьли не будетъ одобрять ихъ, или подражать имъ; явный же показанный примѣръ лучшаго благочестія можетъ научить и другихъ исполнять приличнѣйшимъ образомъ сію существенную должность Христіанъ: а уклоненіе отъ оной не льзя еще почесть за знакъ негодованія на безпорядокъ, ибо внутренность сердца не льзя видѣть, и можетъ также показаться оно холодностью и нерадѣніемъ о сей должности.

Нѣкоторые въ оправданіе свое скажутъ еще можетъ быть, что находясь при публичномъ богослуженіи, они не испытали никакихъ благотворныхъ отъ того дѣйствій; и по сему опыту, для такого осо-

беннаго своего состоянія, за лучшее почли употребляемое на богослуженіе время посвящить на другія упражненія и дѣла. Но сіи люди либо имѣютъ неправильное понятіе о дѣйствіяхъ богослуженія — и въ такомъ случаѣ надлежитъ имъ перемѣнить свои мысли — либо вина нечувствительности ихъ къ благотворнымъ вліяніямъ онаго находится въ собственномъ ихъ сердцѣ, — и въ такомъ случаѣ нужно имъ исправить оное.

Часто смѣшиваютъ чувственныя движенія при богослуженіи съ благими и полезными дѣйствіями онаго; и не ощущая первыхъ, думаютъ, что оно и не подѣйствовало на ихъ сердце. Но чувственныя движенія не суть еще знакъ сихъ дѣйствій; часто оныя и безъ нихъ быть могутъ. Многіе отъ одного только жалостнаго напѣва бываютъ трону-

ты до слезъ: но сіи слезы рѣдко плодъ приносятъ, не говоря уже о томъ, что есть и такое мягкосердечіе, которое съ самыми великими пороками совмѣстно. Чтобы увѣриться, имѣло ли на насъ дѣйствіе поученіе и другія занятія при публичномъ богослуженіи, должно разсмотрѣть разумъ свой и сердце, и испытывать ежедневно свое поведеніе. Доброе сѣмя всходитъ мало по малу и растетъ непримѣтнымъ образомъ и безъ шуму, пока созрѣетъ къ жатвѣ. Вопросы: — сдѣлался ли я просвѣщеннѣе, умнѣе, рѣшительнѣе къ исполненію должностей, наклоннѣе къ добру, способнѣе къ преодолѣнію страстей, постояннѣе въ добродѣтели? — Рѣшить не трудно, естьли только мы будемъ довольно къ себѣ строги и безпристрастны. Чистосердечное богопочитаніе должно насъ сдѣлать таковыми. Правда,

не многіе конечно дѣлаются таковыми и изъ тѣхъ, кои не пропускаютъ ни одного дня церковной службы; но вина недѣйствія сего находится либо въ нихъ самихъ, либо они приходятъ безъ всякаго пріуготовленія: а каждое дѣйствіе, дабы быть успѣшнымъ, требуетъ размышленія и пріуготовленія: либо ходятъ въ церковь по одной привычкѣ безъ всякаго намѣренія, ничего не примѣчая и теряясь мыслями въ разсѣянности. Какъ они не устремляютъ ума на возвѣщаемыя имъ истины, которыя могли бы обратить ихъ къ богомыслію и укрѣпить въ добродѣтели: то и не испытываютъ благотворныхъ дѣйствій богослуженія. Но они дѣйствительно возчувствовали бы оныя, есть ли бы слѣдовали сему настоятельному требованію Св. Писанія: *Сохрани ногу твою, егда аще иде-*

ши въ домѣ Божіи, и близъ буди, еже слушати.

Теперь сообщилъ я вамъ, любезный другъ, разныя понятія о важнѣйшихъ истинахъ. Вы узнаете цѣну ихъ, естьли пойдете путемъ, мною вамъ показаннымъ. Повѣрьте, любезный другъ, что есть такая Истина, святилище коей никогда потрясено не было; и которая навсегда пребудетъ, пока міръ стоять будетъ. Но не многіе Истину сію знаютъ, потому что не могутъ соединять умное съ чувственнымъ: что необходимо нужно для узрѣнія Истины въ полномъ ея свѣтѣ.

Чувственное и умственное, другъ мой, суть двѣ линіи человѣческаго познанія. Естьли бы человѣкъ былъ примѣчателенъ, то бы онъ чрезъ всѣ физическія истины велся къ умственнымъ; и въ ономъ классѣ познанія находятся тѣ же сходствен-

ности, какъ и въ физически — чувственномъ. Все имѣетъ связь одно съ другимъ; каждое дѣйствіе физическое, въ большомъ и маломъ, связывается съ умственными истинами по существу, времени и цѣли.

И потому познаніе человѣческой натуры есть главная наука. Кто ее вѣрно и основательно знаетъ, тотъ знаетъ законы всего умнаго и чувственнаго, и для него нѣтъ ничего неизъяснимаго: но, любезный другъ, надобно умѣть различать поврежденную натуру отъ первобытной и неповрежденной. Человѣкъ, можетъ быть, имѣетъ еще частичку первобытныхъ силъ своихъ для употребленія, которая и достаточна къ познаванію истины: но подавляется чувственностію. Не видимъ ли мы, любезный другъ, что чѣмъ чище становятся понятія человѣка, тѣмъ они простѣе, тѣмъ ближе подхо-

дятъ къ истинѣ? Все чувственное, все сложное удаляетъ отъ оной: все простое развиваетъ и приближаетъ къ ней.

Не видите ли вы, любезный другъ, что человѣкъ имѣетъ въ себѣ начало познанія, или способность совокуплять въ себѣ истины: только одинъ болѣе, другой менѣе? Всѣ человѣки способны къ истинѣ; но каждый въ своей мѣрѣ, по мѣрѣ стремленія души ко свѣту истины и силамъ Божественнымъ.

Чувственныя истины, любезный другъ, никогда не должно смѣшивать съ умственными, и приписывать однимъ то, что другимъ принадлежитъ; изъ сего смѣшенія произошли всѣ заблужденія. Почему многіе, видя разность нравовъ, вѣръ и установленій, заключили изъ того, что нѣтъ прямой истины; а все условное; ибо они мѣряли умное

машшабомъ чувственности. Человѣки отдѣлили чувственное отъ умнаго, и потому системы ихъ стали ложны. Чрезъ отдѣльное ученіе о умномъ получается только мертвое познаніе духовности; одна наука, объемлющая все умное и чувственное вмѣстѣ, и показывающая точную ихъ связь между собою, ведетъ къ истинѣ. Изъ ложнаго ученія о чувственномъ, отдѣленномъ отъ умнаго, произошли всѣ чувственныя системы. Сіе ученіе породило матеріализмъ и атеизмъ. Такимъ образомъ мнимые философы, худо зная вышнія силы человѣческой натуры, впали въ ужасныя заблужденія, породившія разныхъ чудовищъ суевѣрія. Отсюда чародѣйства, амулеты, талисманы, гаданія по аспектамъ, и проч.

Равномѣрно большую погрѣшность учинили великіе естествоиспытатели, удалясь отъ прямой

истины Натуры и назначенія человѣческаго, и занявшись одними внѣшними дѣйствіями и явленіями тѣлъ, не подумавъ о томъ, что чувственныя вещи при такихъ органахъ только кажутся намъ таковыми; а съ перемѣною органовъ нашихъ должны и онѣ казаться инаковы. Одинъ только есть путь находить въ чувственномъ и физическомъ истину, которая болѣе изъ центра силъ, нежели изъ преходящихъ явленій должна быть познаваема. Надлежитъ, любезный другъ, избѣгать обѣихъ крайностей, то есть: не брать одного чувственнаго безъ умнаго, и одного умнаго безъ чувственнаго; вы должны знать, что вселенная есть цѣпь, въ которой одно звѣно входитъ въ другое.

Всѣ сіи истины найдете вы въ Натурѣ, естьли только тщательно примѣчать будете въ ней сход-

ственности. Славный Епископъ Дюргамской *Іосифъ Ботлеръ* написалъ аналогію естественной и откровенной религіи съ состояніемъ и теченіемъ Натуры. Книга сія достойна всего вашего вниманія.

„Живая и разумная натура на„ша, говоритъ онъ, продолжается и „по смерти. Состояніе наше, при„вступленіи въ сію новую жизнь, „зависитъ отъ настоящихъ нашихъ „поступковъ, которыхъ доброе, или „злое качество не можетъ быть „одно и тоже для умной и нрав„ственной Причины и Обладателя „вселенныя. Благочестіе и добродѣ„тель составляютъ то свойство, „безъ котораго никто въ будущемъ „состояніи, подъ праведнымъ и ми„лосердымъ правленіемъ Его, ни въ „блаженствѣ, ни въ покоѣ уча„ствовать не можетъ.“ И такъ мы находимся здѣсь для трудовъ, для

подвиговъ, для воспитанія и пріуготовленія — Вотъ великія истины, общія откровенію и естественному богопознанію, которыя первое въ особенномъ и отличительномъ ученіи своемъ называетъ собственнымъ словомъ *таинства вѣры*, и придавая имъ Божественное достоинство, возноситъ ихъ на высочайшую степень достовѣрности. Онѣ, кромѣ непосредственныхъ свидѣтельствъ отъ Божества, имѣютъ разныя основанія къ достовѣрности, между которыми сходственность и сообразность ихъ съ теченіемъ натуры есть наиважнѣйшее. Вотъ начертаніе первой части аналогіи.

Что жъ до продолженія разумной нашей натуры по смерти касается: то хотя настоящее состояніе міра и не доказываетъ того, *переживемъ* ли мы разрушеніе органическаго нашего тѣла; однако то, что

мы узнаемъ изъ теченія натуры, или Провидѣнія, довольно удостовѣряетъ насъ, что продолженіе нашего бытія по смерти съ чувствительностію и дѣятельностію не только *возможно*, но еще гораздо *достовѣрнѣе*, нежели противное тому. Ибо изъ перемѣнъ, происходящихъ со всѣми живыми тварями въ разныхъ состояніяхъ бытія ихъ, справедливо заключить мы можемъ, что всеобщій законъ натуры тотъ, „чтобъ онѣ въ одномъ „періодѣ ихъ бытія были въ таковыхъ „степеняхъ жизни, чувствованія, са„мопознанія и дѣятельности, а въ дру„гомъ періодѣ ихъ бытія въ другихъ. „Разность въ состояніяхъ ихъ жиз„ни при рожденіи, возрастаніи и „совершенномъ возрастѣ — превра„щеніе червя въ бабочку, сопряжен„ное съ возвышеніемъ силы его, даю„щей ему возможность перелетать „съ мѣста на мѣсто, и — перемѣ-

„на, происходящая съ насѣкомыми и „птицами, разбивающими первую „свою обитель, скорлупу, выходя„щими въ новый міръ и обрѣтаю„щими приличный имъ кругъ дѣй„ствованія — все сіе не есть ли до„казательствомъ сего всеобщаго за„кона натуры? Жизнь наша до рож„денія не разнится ли съ жизнію въ „младенчествѣ; а сія съ жизнію зрѣ„лыхъ лѣтъ столько, сколько два „состоянія и степени жизни мо„гутъ только между собою раз„ствовать?“ — Для чего же и смерти не быть такою же перемѣною, чрезъ которую мы перейдемъ въ новое позорище жизни? Намъ извѣстно, что мы имѣемъ способности дѣйствовать и быть счастливыми, или несчастными; извѣстно, что здѣсь сіи способности остаются при насъ и въ разныхъ случающихся съ нами перемѣнахъ: то *вѣроятно*, что и въ

будущихъ перемѣнахъ онѣ также останутся; по крайней мѣрѣ сіе вѣроятнымъ пребудетъ до тѣхъ поръ, пока не сыщется *вѣрнаго* основанія къ противному заключенію.

Изъ состоянія самой смерти мы ничего о семъ заключить не можемъ; о смерти мы теперь ничего не знаемъ, кромѣ того, что она есть раздѣленіе плоти, кожи и костей. Но кто можетъ утвердить, что дѣйствіе жизненныхъ силъ зависитъ только отъ соединенія сихъ частей? Кто знаетъ, какому точно существу обязаны мы бытіемъ сихъ жизненныхъ силъ, существующихъ даже и тогда, когда ихъ дѣйствіе не оказывается, какъ-то: напримѣръ въ обморокѣ? Когда же мы вовсе не знаемъ подлиннаго состоянія смерти: то изъ вышеприведенныхъ доводовъ *вѣроятнѣе* заключить, что мы и по смерти останемся дѣятельны-

ми существами, нежели чтобы мы съ смертію вовсе жить перестали. Правда, смерть разрушаетъ *чувственныя* доказательства жизни: но не доказываетъ, чтобы бытіе наше вовсе уничтожалось.

Въ аналогіи натуры не находимъ мы ничего противъ *вѣроятнаго* продолженія нашей жизни и по смерти. Ибо дѣятельное существо, называемое нами *Я*, не есть органическое тѣло наше; и лишась многихъ частей онаго, мы не можемъ еще думать, чтобы наше *Я* вовсе чрезъ то изчезало. Естьли же оно есть нѣчто *простое* и *недѣлимое*, поелику вѣдѣніе наше о самихъ себѣ есть *просто* и *недѣлимо:* то разрушеніе тѣла не можетъ доказывать, чтобы съ разрушеніемъ онаго и сіе простое существо, истинный источникъ дѣятельности и жизни, уничтожалось.

Мы примѣчаемъ въ себѣ двоякія силы: *чувственныя* и *умныя*, силы *ума, памяти* и *склонности*. Перваго рода силы употребляютъ тѣло орудіемъ къ чувствованію, по причинѣ органовъ, коими оно снабдѣно: но не смотря на сіе употребленіе тѣла, мы не находимъ въ натурѣ ничего такого, чтобы заставляло насъ думать, что безъ *сего* тѣла, безъ *сихъ* орудій онѣ существовать не могутъ. — Чрезъ увеличивательныя стекла мы видимъ еще лучше, нежели простыми глазами: но сила зрѣнія не въ стеклѣ находится; а можетъ быть также и не въ глазахъ. Глаза суть только каналы, провождающіе представленія внѣшнихъ предметовъ въ душу: изъ сего же не слѣдуетъ еще, чтобы они были *единственнымъ* средствомъ къ сей цѣли. Тоже можно заключить и о прочихъ чувствахъ. Во снѣ, когда

чувства покоятся, не представляются ли намъ чувственные предметы и безъ помощи сихъ орудій, столь же сильно, какъ бы и чрезъ нихъ; и не видно ли изъ сего, что въ насъ кроется чудная сила представлять себѣ предметы и въ отсутствіи ихъ?

Еще болѣе не зависятъ отъ тѣла силы нашего ума, памяти и склонности: чему научаетъ насъ одно *наблюденіе натуры*. Хотя чувства тѣла и служатъ къ препровожденію до нихъ нужныхъ представленій для понятія, такъ какъ подмостки и другія орудія нужны для строенія: но когда мы разъ сіи понятія уже получили, то душа наша и въ настоящей жизни можетъ употреблять сіи силы и чувствовать удовольствіе, или неудовольствіе безъ помощи чувствъ. Опытъ также представляетъ намъ многіе при-

мѣры, что самыя смертельныя болѣзни тѣла не дѣйствовали на силы ума и склонности; а сіе дѣлаетъ вѣроятнымъ, что и при совершенномъ разрушеніи онаго онѣ не могутъ уничтожить силъ оныхъ, хотя и препятствуютъ намъ примѣчать дальнѣйшія ихъ дѣйствія. Кому не случалось видать людей, которые въ смертельныхъ болѣзняхъ, при послѣднемъ издыханіи, имѣли сильное воображеніе, твердую память, были въ полномъ разумѣ, и оказывали чрезвычайную силу склонности и ощущенія вышняго духовнаго удовольствія, или скорби? Почемужъ думать, что при смерти болѣзнь разрушитъ сіи силы, которыхъ она при возрастаніи ея не разрушала? Смертельная болѣзнь есть *смерть въ своемъ началѣ;* почему же думать, чтобы и въ *концѣ* ея она не была такова же, какъ въ самомъ на-

чалѣ? Пусть пресѣчетъ она дѣйствіе оныхъ силъ, но между остановленнымъ дѣйствіемъ и совершеннымъ уничтоженіемъ находится безмѣрная разность. Смерть, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно уподобить рожденію, которое не только не отнимаетъ у насъ силъ, но еще умножаетъ ихъ и вводитъ насъ въ пространнѣйшее бытіе. Сіе сравненіе даетъ намъ болѣе причины вѣрить, что по смерти нашей сфера познаній нашихъ и способностей еще увеличится. Сколь же утѣшительно видѣть, что Религія нимало не противорѣчитъ Натурѣ!

Такъ, любезный другъ, Религія не противорѣчитъ Натурѣ. Я довольно насказалъ вамъ такого, которое можетъ возродить въ сердцѣ вашемъ святое благоговѣніе къ оной, и увѣрить васъ, что есть важныя причины покорять намъ ограниченный

нашъ разумъ тѣмъ таинствамъ, кои отъ слабаго нашего ока, не проницающаго во внутренность святилища, закрыты.

Но не вѣрьте, любезный другъ, чтобы искреннему искателю входъ въ сіе святилище вовсе былъ неприступенъ. Ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзается. Въ слѣдующую ночь поговоримъ о семъ болѣе.

НОЧЬ СЕДЬМАЯ.

Нынѣшнее состояніе человѣковъ, говоритъ Гердеръ, вѣроятно, есть среднее кольцо, соединяющее два міра. Истина сія, любезный другъ, такъ важна, что она доводитъ человѣка къ высочайшимъ таинствамъ. Все въ Натурѣ соединено между собою; одно состояніе пріуготовляетъ къ другому. И такъ естьли человѣкъ, яко верхнее и послѣднее кольцо, замыкаетъ цѣпь земныхъ организацій: то онъ же начинаетъ цѣпь тварей вышшаго рода, какъ нижнее кольцо оной; и такимъ образомъ онъ есть среднее кольцо между двумя, одна въ другую входящими, системами творенія.

На земли, продолжаетъ Гердеръ, онъ не можетъ переходить ни въ ка-

кую другую организацію, либо долженъ будетъ возвращаться вспять и кружиться въ кругу: стоять же на одномъ мѣстѣ онъ не можетъ, ибо въ царствѣ дѣятельности никакая живая сила не покоится. Почему должна предстоять ему степень столь же къ нему близкая и столь надъ нимъ возвышенная, какъ нынѣ съ благороднѣйшими своими преимуществами онъ близокъ и далекъ отъ скота.

Сіе одно положеніе, любезный другъ, основанное на всѣхъ законахъ Натуры, даетъ намъ ключь къ чудеснымъ ея явленіямъ, и слѣдовательно единственную философію исторіи рода человѣческаго. Странное противорѣчіе, въ коемъ человѣкъ является, изъ сего объяснится. Яко скотъ, служитъ онъ землѣ и привязанъ къ ней, какъ къ своему жилищу: а яко человѣкъ, имѣетъ въ себѣ сѣмя

безсмертія, требующее другой нивы. Яко скотъ, можетъ онъ удовольствовать здѣсь всѣ свои нужды; и довольствующіеся одними чувственными наслажденіями живутъ здѣсь довольно спокойно. Но естьли захочетъ онъ состоянія благороднѣйшаго, то вездѣ увидитъ несовершенство и недостатокъ; благороднѣйшаго никогда не бывало на земли, чистѣйшее рѣдко на ней являлось и продолжалось; для силъ нашего духа и сердца міръ сей есть только мѣсто труда и искуса, или испытанія. — Исторія рода человѣческаго, со всѣми опытами, участями, предпріятіями и перемѣнами, довольно сіе подтверждаетъ. По мѣстамъ являлись мудрые и добрые, которые всыпали иногда мысли свои, совѣты и дѣянія въ протокъ времени; иногда струились отъ того струи во времени: но быстрина увлекала ихъ за собою, и

слѣдъ ихъ вовсе изглаждала, и памятники благородныхъ ихъ намѣреній погружались на дно. Невѣжды взяли верьхъ надъ совѣтами мудрыхъ, и распутные возобладали надъ сокровищами духа, наслѣдіемъ бережливыхъ предковъ. Такъ мало здѣшняя жизнь человѣка печется о вѣчности; такъ мало вертящаяся всегда земля есть хранилищемъ вѣчныхъ издѣлій, садомъ вѣчныхъ растѣній, замкомъ вѣчнаго жилища. Мы приходимъ, и уходимъ; каждое мгновеніе приноситъ съ собою тысячу таковыхъ же, и опять ихъ уноситъ. Земля есть гостинница странниковъ, глушь, въ которую временемъ птицы залетаютъ, но опять отлетаютъ. Скотъ живетъ здѣсь въ мирѣ съ собою. Естьлибъ онъ и не отжилъ всей своей жизни, то внутренняя цѣль его однакожъ достигнута; способности его всѣ въ ней, и онъ есть то, чѣмъ

быть долженъ. Человѣкъ одинъ живетъ въ противорѣчіи съ собою и съ землею; ибо онъ здѣсь есть совершеннѣйшее твореніе изъ всѣхъ земныхъ организацій и совершеннѣйшее для будущаго состоянія, хотя бы онъ отходилъ отсюда пресыщенный жизнію. Причина сего очевидно та: что состояніе его, для сей земли, есть послѣднее; а для другаго бытія первое, въ которое онъ перейдетъ такъ, какъ младенецъ изъ материней утробы. Такимъ образомъ онъ представляетъ себѣ вдругъ два міра; и сіе-то составляетъ видимую двоякость существа его.

Всякому извѣстно, какая часть господствуетъ здѣсь у большей части человѣковъ. Большая часть суть скотъ, и къ человѣчеству принесли съ собою въ міръ только способность, которую трудомъ и прилѣжаніемъ сперва усовершенсіпвовать

должно. Но сколь рѣдки прямо усовершенствованные! У лучшихъ людей какъ нѣженъ и слабъ еще всажденный въ нихъ Божественный росткъ! Скотъ во всю жизнь хочетъ господствовать надъ человѣкомъ, и большая часть человѣковъ даютъ ему господствовать надъ собою. Онъ всегда тянетъ ихъ къ низу, когда духъ и сердце хотятъ воспарить и вступить въ свободнѣйшій округъ дѣйствованія; и поелику для чувственной твари настоящее всегда чувствительнѣе будущаго, и видимое сильнѣе дѣйствуетъ невидимаго: то легко понять, которое изъ двухъ силъ беретъ перевѣсъ. Какъ мало человѣкъ способенъ къ чистымъ радостямъ, къ чистому познанію, къ чистой добродѣтели! Но и бывъ способенъ, какъ мало навыкаетъ въ нихъ! Прилѣжный и трудолюбивый многому научится; а лѣнивецъ и не-

радивый не знаетъ и того, что въ немъ самомъ есть; тѣмъ менѣе вѣдаетъ, что онъ произвесть въ состояніи. Жизнь наша есть сраженіе, а цвѣтъ чистаго безсмертнаго человѣчества есть пріобрѣтаемый побѣдою вѣнокъ. Стремящійся за цѣлію достигаетъ наконецъ цѣли, и сражающійся за добродѣтель увѣнчевается въ смерти.

И такъ если ньли вышнія твари насъ видятъ: то онѣ смотрятъ на насъ какъ на *среднія породы*, посредствомъ которыхъ Натура переходитъ изъ одного царства въ другое. Страусъ взмахиваетъ крыльями только для бѣгу, а не для летанья; грузное тѣло его тянетъ его къ землѣ. Но и онъ самъ въ себѣ совершенъ, а нашимъ глазамъ только кажется безобразнымъ. Такъ равно и человѣческая Натура: безобразіе ея несносно оку земнаго духа; но

духъ вышній, прозрѣвающій во внутреннее и видящій многія кольца цѣпи, одно для другаго сдѣланныя, можетъ только жалѣть, а не презирать насъ. Онъ видитъ, для чего люди въ столь различныхъ состояніяхъ выходятъ изъ міра, молодые и старые, глупые и мудрые, уроды и сумазброды. Всѣ степени образованія человѣческаго не изъяты изъ руки Всемогущей благости, имѣющей въ сокровищницахъ своихъ бальзамъ, могущій залечить всѣ раны. Поелику же будущее состояніе, вѣроятно, проистекаетъ изъ настоящаго: то безъ сомнѣнія и будущія упражненія наши тѣснѣе связаны съ нынѣшнимъ нашимъ бытіемъ, нежели какъ мы думаемъ. Горній вертоградъ насажденъ только изъ такихъ растѣній, которыя здѣсь еще пустили корни и подъ сею грубою оболочкою уже развернулись. И такъ ежели и

здѣсь ласковость, привѣтливость, дружество составляютъ почти главную цѣль человѣчества; то тамъ сіи прекраснѣйшіе цвѣты человѣческой жизни, безъ сомнѣнія, достигнутъ той чистоты и достоинства, которыхъ сердце наше при земныхъ союзахъ тщетно искало. Братья наши вышнихъ степеней, безъ сомнѣнія, любятъ насъ чище и лучше, нежели мы ихъ; ибо они яснѣе видятъ наше состояніе; у нихъ нѣтъ временности, всѣ дизгармоніи прекращены, и можетъ быть, они невидимо воспитываютъ въ насъ товарищей своего блаженства, сотрудниковъ своей работы. Только шагъ впередъ, и стѣсненный духъ станетъ дышать свободнѣе, уязвленное сердце изцѣлится; они видятъ наступающій сей шагъ, и всѣми силами пособляютъ спотыкающемуся!!!

Поелику же мы составляемъ сред-

нюю породу между двухъ классовъ тварей, и нѣкоторымъ образомъ участники обоихъ: то я не могу себѣ представить, чтобы будущее состояніе наше такъ далеко отстояло отъ настоящаго, и такъ бы было оному не сообщительно, какъ скотъ въ человѣкѣ думаетъ. Напротивъ того многіе случаи и происшествія въ исторіи рода человѣческаго, безъ признанія вышняго содѣйствія, для меня непонятны. На примѣръ: чтобы человѣкъ въ самомъ грубомъ состояніи, самъ собою, безъ всякаго указанія, нашелъ путь къ просвѣщенію, и, безъ вышняго Наставника, изобрѣлъ себѣ языкъ и первую науку: сіе для меня неизъяснимо, и тѣмъ неизъяснимѣе, чѣмъ должайшимъ полагаютъ продолженіе грубаго скотскаго состоянія. Безъ сомнѣнія Божескій промыслъ пекся о родѣ человѣческомъ съ самаго его дѣтства, и са-

мымъ легчайшимъ образомъ велъ его на путь его ; и чѣмъ болѣе силы человѣческія укрѣплялись , тѣмъ менѣе требовали они вышней помощи, или тѣмъ менѣе дѣлались къ ней способны , хотя и въ позднѣйшія времена случались на земли величайшія явленія , сопровождавшіяся неизъяснимыми обстоятельствами. Самыя болѣзни служили часто орудіями къ тому ; ибо когда одинъ членъ выходитъ изъ пропорціи съ другими , и потому для обыкновеннаго круга человѣческой жизни дѣлается негоднымъ : тогда внутренняя непрестанно дѣйствующая сила обращается въ другія стороны , и можетъ быть получаетъ такія впечатлѣнія, къ коимъ неразстроенная организація была неспособна, и въ коихъ она не имѣла нужды. Какъ бы то впрочемъ ни было , завѣса , скрывающая міръ будущій отъ настоящаго, весь-

ма благотворна ; и не безъ причины такъ все тихо вокругъ гроба мертвеца. Обыкновенный человѣкъ въ житейскомъ поприщѣ для того удаляемъ бываетъ отъ нѣкоторыхъ впечатлѣній, что и одно изъ нихъ могло бы попрясти весь кругъ его понятій и сдѣлать его для міра сего неспособнымъ. Сотворенный къ свободѣ человѣкъ не долженъ быть обезьяною вышнихъ существъ ; но куда приведенъ ни будетъ, вездѣ долженъ дѣйствовать самъ. Для собственнаго его успокоенія и для пощаженія благородной гордости, на которой утверждается судьба его, отнято у него зрѣніе существъ благороднѣйшихъ ; ибо естьли бы мы узнали ихъ, то вѣроятно сами себя возгнушались бы. И потому-то человѣкъ въ будущее свое состояніе долженъ проницать не зрѣніемъ, а вѣрою.

Столько намъ уже извѣстно, что

въ каждой силѣ человѣческой кроется безконечность, которая здѣсь по тому только разкрыться не можетъ, что другія силы, чувства и склонности скотскія притѣсняютъ ее, и для земной его жизни какъ бы связываютъ ее. Одни примѣры памяти, силы воображенія, предсказаній и предвѣщаній, открываютъ чудеса о тайномъ сокровищѣ, скрывающемся въ человѣческихъ душахъ, такъ что и самыя чувства изъ сего не изключаются. Что сіи сокровища обнаруживались по большей части въ болѣзняхъ и чрезъ недостатки въ *противоположномъ:* сіе нимало не противорѣчитъ нашему положенію; ибо самая сія разстроенность нужна была для усиленія его свободы и для оказанія его силы.

Выраженіе Лейбница, что *душа есть зеркало вселенныя*, можетъ быть содержитъ въ себѣ истину глубже

той, какую изъ сего понимаютъ; ибо кажется и силы вселенныя заключены въ душѣ; и ей потребна только организація, или нѣсколько организацій, для развитія ихъ. Но Всеблагій не откажетъ ей въ сихъ организаціяхъ; Онъ водитъ ее на помочахъ, какъ ребенка, до совершеннаго возраста ея къ полному наслажденію достоинствомъ ея, путемъ пріобрѣтаемыхъ ею силъ и чувствъ. Даже и въ нынѣшнихъ ея оковахъ *пространство и время* суть для нее слова пустыя: они измѣряютъ и опредѣляютъ соотношенія тѣла ея, а не внутренней ея силы, которая въ восторгѣ возносится выше пространства и времени. И такъ не заботься о мѣстѣ и часѣ будущаго твоего бытія; солнце, освѣщающее нынѣ день твой, опредѣляетъ тебѣ жилище твое и земныя твои упражненія, и запмѣваетъ всѣ

небесныя свѣтила: но по закатѣ онаго, священная ночь, въ коей ты нѣкогда сокрытъ былъ и въ коей нѣкогда паки лежать будешь, покроетъ землю твою тѣнями и раскроетъ для тебя на небѣ свѣтящіяся книги безсмертія. — Тамъ обители, тамъ міры и пространства! —

Старайся оставить землю безъ неудовольствія, и благослови ее какъ лугъ, на которомъ ты, какъ дитя безсмертія, бѣгалъ и игралъ, — какъ училище, въ которомъ ты чрезъ страданія и радости воспитался въ возрастъ мужа. Далѣе ты ей не принадлежишь, ни она тебѣ. Увѣнчанный вѣнцемъ свободы и препоясанный поясомъ небеснымъ, продолжай странствіе твое далѣе.

Какъ цвѣтокъ восходитъ изъ царства подземнаго, дабы въ странѣ солнечной вкусить первую жизнь: такъ человѣкъ возносится отъ зем-

ли туда, гдѣ съ отверстыми очами и разпростертыми объятіями ожидаетъ его Отецъ небесный. О сей столь важной матеріи, любезный другъ, мы еще нѣсколько побесѣдуемъ.

И такъ достовѣрно, что состояніе человѣка есть послѣднее для сей жизни и первое для будущей. Человѣкъ заключаетъ въ себѣ два міра, и сіе-то производитъ очевидную бытія его двоякость. Скоточеловѣкъ связанъ съ тѣлеснымъ и чувственнымъ; а духовный съ духовнымъ и разумнымъ.

Духовное состояніе, въ совершенствѣ своемъ, гораздо превосходнѣе чувственнаго; ибо оно есть вышняя степень развитія существа человѣческаго; и мы видимъ, что чѣмъ болѣе откpываются духовныя силы внутренняго человѣка, тѣмъ чуднѣе становится бытіе его на земли.

Отношенія духовнаго человѣка, безъ сомнѣнія, весьма различны отъ отношеній чувственнаго человѣка. И поелику человѣчество наше есть только пріуготовленіе, зародышь будущаго цвѣтка; поелику земля наша есть мѣсто предварительнаго только упражненія и пріуготовленія: то нѣтъ сомнѣнія, что еще здѣсь на земли есть нѣкоторыя необходимыя дѣйствія, нужныя къ развитію будущаго нашего состоянія; и сіе-то составляетъ нравственность и религію.

Отношенія нравственности суть законы будущаго нашего состоянія — законы развитія духа къ будущему дальнѣйшему шествію; они суть законы уподобленія Божеству; и сіе-то есть назначеніе человѣка.

Богъ есть высочайшее существо, единица, вѣчный и неизсякаемый источникъ всѣхъ мысленныхъ и не-

вещественныхъ началъ, корень всѣхъ безчисленныхъ міровъ, первая и единственная причина всѣхъ вещей, центръ, изъ котораго силы и жизнь всѣхъ существъ непрестанно истекаютъ; и къ которому онѣ, яко къ конечной своей цѣли, стремятся. Бытіе и дѣйствованіе Божіе состоитъ въ произвожденіи подобнаго, къ подобному блаженству—безконечная любовь, безконечная благость.

Мы видимъ, что въ Натурѣ все живетъ; и при всемъ томъ такъ мало знаемъ, что есть жизнь. Есть-ли я скажу вамъ, любезный другъ, что жизнь есть любовь, и любовь есть жизнь: то вы можетъ быть меня не поймете; однакожъ это вѣрно, что человѣкъ не узнаетъ, что есть жизнь, пока не узнаетъ, что есть любовь.

Источникъ всякой любви есть Богъ; ибо Онъ есть жизнь, и не

могъ бы быть жизнію, естьли бы не былъ Онъ любовь. Любовь же состоитъ въ непрестающей дѣятельности, въ произвожденіи подобныхъ существъ. Сія картина конечно еще слаба, и довольно совершенна, чтобъ подать вамъ понятіе о томъ, что я хочу вамъ сообщить: но представьте себѣ, любезный другъ, Божество источникомъ всякой жизни, центромъ всѣхъ силъ, наслаждающееся въ своемъ всемогуществѣ неизреченнымъ удовольствіемъ производить другія существа къ подобному блаженству. Сіе-то дѣйствіе Божіе есть любовь.

Дабы дать вамъ чувственное сего изображеніе, я прошу васъ: представьте себѣ солнце, котораго благотворная теплота, яко источникъ всякой жизни, все здѣсь производитъ. При приближеніи онаго все воскресаетъ изъ нѣдръ смерти;

живительные лучи его одѣваютъ луга травою, деревья листьями: оно производитъ украшеніе, обрадованіе, веселіе. Какъ солнце, провозвѣстникъ Божества, даруетъ всему чувственному и тѣлесному жизнь и силу: такъ солнце въ духовномъ мірѣ, Богъ, приближеніемъ своимъ производитъ духовную жизнь, духовную красоту. Правда, и сіе еще мало изъясняетъ: но придетъ время любезный другъ, когда созерцаніе духа объяснитъ вамъ такія вещи, для которыхъ чувственный языкъ словъ не имѣетъ.

Все, что ни есть въ твореніи, есть *добро*, яко дѣло *любви:* зло происходитъ только чрезъ удаленіе отъ любви; въ семъ удаленіи состоятъ временная и духовная смерть.

Все, что ни есть во вселенной, дѣйствуетъ, любезный другъ, чрезъ дѣйствіе и воздѣйствіе, (акцію и реак-

цію): сей законъ вѣченъ и непремѣненъ. — Поелику же Богъ есть чистѣйшая любовь; то Онъ любитъ и вѣчно будетъ любить каждую Свою тварь, и всѣ дѣйствія Его къ нимъ суть любовь: слѣдовательно и воздѣйствіемъ должна быть взаимная любовь.

Поелику же Богъ любитъ всѣхъ своихъ тварей и всѣхъ назначаетъ къ блаженству: то и законъ воздѣйствія нашего долженъ состоять въ любви не только къ Богу, но и къ ближнему; ибо иначе не будемъ мы подобны Богу. Вотъ законъ нравственности и главное основаніе религіи.

Всѣ дѣйствія чистѣйшей любви благи, и все, чему благость даетъ бытіе, есть истинно; почему Богъ и называется Благость и Истина. И все, что есть на небеси и на земли, утверждается на благости и истинѣ; почему какъ приближеніе

къ любви дѣлается источникомъ благаго и истиннаго: такъ удаленіе отъ оной есть источникъ злаго и ложнаго.

Свойство любви есть *дѣйствовать*. Любовь существуетъ не для одной себя. Чтобы любить, надо быть двумъ: тому, кто любитъ, и тому, кого любятъ, которыхъ бы любовь соединяла. Сіе соединеніе есть цѣль любви. И такъ любовь живетъ въ жизни другаго; стремленіе ея есть сдѣлаться другимъ *Я*; и потому *единства* есть великій законъ любви, на коемъ основывается нравственность и религія.

Люби Бога, люби ближняго: вотъ въ чемъ заключаются всѣ божественные законы — законы любви, жизни, блаженства.

Самолюбіе и любовь къ міру, или чувственность, противны великой цѣли чистѣйшей любви; ибо чрезъ

нихъ престаетъ воздѣйствіе, и самолюбіе все къ себѣ притягиваетъ, дѣлаетъ себя центромъ всего, которымъ долженъ быть единъ Богъ, яко всеобщая любовь, безъ коей нѣтъ блаженства.

Любовь къ Богу и ближнему есть цѣпь, соединяющая тварь со Творцемъ и тварей съ тварями; самолюбіе же и любовь къ міру, или чувственности разрываетъ сей союзъ: отсюда поврежденіе и бѣдствіе человѣческое.

Благое и истинное есть слѣдствіе правильной любви; злое и ложное есть слѣдствіе самолюбія и любви къ міру. Не всѣ ли пороки, заражающіе человѣчество, происходятъ отъ самолюбія? И поползновенія наши къ пороку откуда, какъ не отъ любви къ міру и чувственности? Не видимъ ли мы, что чѣмъ человѣкъ благороднѣе, возвышеннѣе

мыслитъ, тѣмъ болѣе удаленъ онъ отъ самолюбія и любви къ міру, и тѣмъ болѣе любитъ онъ человѣковъ?

Всѣ общественныя добродѣтели на семъ великомъ законѣ основаны. Самый атеистъ чувствуетъ великую въ немъ нужду; но думаетъ основать должности любви къ ближнему на самолюбіи человѣческомъ, не разсуждая того, что самолюбіе есть причина зла.

Все въ Натурѣ одна цѣпь; самый атеистъ признаетъ сіе: для чего же отдѣлять отъ сея цѣпи Существо, все сотворшее и все ублажающее?

Нѣтъ! ослѣпленные смертные! кричитъ *Мирабо:* другъ Натуры не есть врагъ вашъ; толкователь ея есть рабъ неправды; разрушитель мечты не есть разрушитель истинъ, для блага вашего необходимыхъ; ученикъ разума не есть без-

умецъ, отправляющій ядомъ, напоя-
щій вреднымъ сумазбродствомъ.

На сіе можно также сказать: нѣтъ, ослѣпленные! другъ Божества и религіи не есть врагъ вашъ; толкователь ихъ не есть рабъ неправды; разрушитель мечты не есть разрушитель истинъ, для блага вашего необходимыхъ; ученикъ Божества и религіи не есть безумецъ, отправляющій ядомъ и напояющій вреднымъ сумазбродствомъ.

Мирабо. — Другъ Натуры, изторгая молнію изъ рукъ страшныхъ боговъ, грозящихъ вамъ, хочетъ прогнать бурю, препятствующую вамъ обрѣсть путь къ счастію вашему, безъ обманчиваго ихъ освѣщенія молніею.

Отвѣтъ. — Другъ Божества и религіи не знаетъ никакихъ грозныхъ боговъ; онъ знаетъ Божество только подъ именемъ Любви; не во-

оружаетъ руки его молніями, устрашающими человѣковъ; но только показываетъ имъ, что удаленіе отъ Источника любви есть переходъ къ смерти; что свѣтъ Божества необходимо нуженъ для освѣщенія насъ въ пути нашемъ; ибо удаленіе отъ свѣта покрываетъ всѣ пути тьмою.

Мирабо. — Другъ Натуры, сокрушая сихъ идоловъ, коимъ страхъ приноситъ жертвы, а фанатизмъ и неистовство человѣковъ хочетъ на мѣсто ихъ возставить успокоивающую истину.

Отвѣтъ. — Другъ Божества и религіи гнушается идолами, проповѣдуемому имъ Божеству приноситъ оніміамъ не изъ страха, и не фанатизмъ и неистовство жертвуютъ Богу Христіанъ; Богъ ихъ есть Богъ любви, и проповѣдники Его хотятъ научить человѣковъ любви Его.

Мирабо. — Другъ Натуры, раз-

рушая храмы и алтари, къ коимъ вы приходите съ рабскимъ ѳиміамомъ, а отходите со слезами, хочетъ воздвигнуть постоянное жилище спокойствію, разуму и добродѣтели, въ убѣжище вамъ отъ неисповѣдства вашего, отъ страстей вашихъ и отъ силы утѣснителей вашихъ.

Отвѣтъ. — Спокойствіе, разумъ и добродѣтель находятся токмо у Бога; и токмо исполняющій священныя обязанности, соединяющія тварь со Творцемъ, наслаждается спокойствіемъ, яко наградою добродѣтели. Богъ любви требуетъ не рабскаго ѳиміама; Онъ требуетъ человѣческаго сердца; души суть храмъ и жертвенники, Ему угодныя; не слезы рабскія, но слезы любви, проливаемыя сыномъ предъ отцемъ своимъ, пріятны Божеству. Такъ учитъ Св. Писаніе, такъ учитъ Христосъ.

Мирабо. — Другъ Натуры, разрушающій права суевѣріемъ обоготворенныхъ тирановъ, сокрушающихъ васъ жезломъ желѣзнымъ, хочетъ утвердить права вашей натуры, изъ жалкихъ рабовъ сдѣлать васъ свободными, дать вамъ въ правителей человѣковъ и гражданъ, которые бы любили и защищали подобныхъ имъ человѣковъ и гражданъ, отъ коихъ получили свою власть. Естьли онъ прибѣгаетъ къ обману; то только для того, чтобы возвратить права истинѣ, похищенныя у нея заблужденіемъ. Разрушая же основаніе невѣрной, или фанатической морали, ослѣплявшей до нынѣ разумъ вашъ безъ исправленія сердца, онъ хочетъ утвердить нравственность на неколебимомъ основаніи собственной вашей натуры. И такъ внимайте гласу его, который гораздо внятнѣе двусмислен-

ныхъ оракуловъ вымышленнаго божества, всегда себѣ прекословящаго. Внимайте Натурѣ, которая никогда себѣ не противорѣчитъ.

Отвѣтъ. Уничтожается ли чрезъ то святость религіи, что безумцы ее во зло употребляютъ? Теряется ли отъ того истина, что есть и лжецы? — О! какъ ложно и нелѣпо было бы сіе заключеніе! Ученіе Христово не есть ли ученіе любви и кротости? что же оно не всегда исполняется: то потому достойно ли оно поруганія, истребленія? Не паче ли всякой благомыслящій долженъ стараться, чтобы оно сохранялось и исполнялось? Кто лучше утвердитъ права Натуры, какъ не Творецъ Натуры? Кто сдѣлалъ насъ рабами: всеобщій ли Отецъ любви, или чувственность? Не Онъ ли, по милосердію Своему, расторгъ цѣпи, приковывавшія насъ ко грѣху и ги-

бели? Не Онъ ли содѣлалъ насъ паки свободными, давъ чрезъ религію всѣ средства къ освобожденію нашему отъ рабства грѣху?

Кто лучшихъ производитъ гражданъ; кто вѣрнѣйшихъ исполнителей законовъ, естьли не религія? Гдѣ въ Христіанскомъ ученіи обманъ? Какая мораль величественнѣе и достойнѣе человѣка? Какъ можетъ человѣкъ возвратить права истинѣ, естьли оставляетъ Того, кто есть сама Истина? Гдѣ фанатизмъ въ ученіи Христіанскомъ? Не заключаетъ ли оно въ себѣ любви, кроткаго щаженія и подавленія страстей и самолюбія? — И такъ рѣшитесь, человѣки! внимать сему чистому гласу, который гораздо понятнѣе проницаній чувственности, полагающей основаніе истины въ мертвомъ веществѣ. — Внимайте гласу Творца Натуры, который

не можетъ себѣ противорѣчить; Натура есть его тварь; и тварь ли предпочитать Творцу?

Мирабо. — „О вы! стремящіеся ежеминутно къ счастію, по врож„денному отъ меня въ васъ побуж„денію! говоритъ Натура, не уда„ляйтесь отъ всесильныхъ моихъ „законовъ. Старайтесь достичь сча„стія. Средство къ тому написано „мною въ сердцахъ вашихъ. Тщет„но суевѣръ ищетъ удовольствія „за предѣлами земли сея, на кото„рую я его поставила; тщетно ис„прашиваетъ онаго у неумолимыхъ „привидѣній, хотящихъ силу вооб„раженія его поставить на вѣч„номъ моемъ престолѣ; тщетно „ожидаетъ онъ сего въ селеніяхъ „небесныхъ, которыя безуміе постро„ило ему; тщетно предаетъ онъ „себя своенравнымъ богамъ, коихъ „восхищается благотворительнос-

„шію, когда они сыплютъ несчастія,
„ужасы, вопли и мечты въ жизнь
„его. Сбрось съ себя, суевѣрь, иго
„религіи, сей гордой совмѣстницы
„моей, и поспѣши познать права
„мои. Отрекись отъ боговъ тво-
„ихъ, присвоившихъ себѣ власть
„мою, и возвратись подъ мои зако-
„ны. Только въ моемъ царствѣ об-
„рѣтается истинная *свобода*. Тиран-
„ство и рабство навсегда изъ не-
„го изгнаны. Благоволеніе бдитъ
„надъ безопасностію подвластныхъ
„мнѣ, и охраняетъ имъ права ихъ.
„Благодѣтельность и любезность
„соединяютъ ихъ; истина освѣща-
„етъ ихъ, и никакой обманъ не по-
„мрачаетъ ихъ густыми облаками.

Отвѣтъ.—Гдѣ долженъ человѣкъ искать покоя и блаженства, какъ не въ Богѣ? Не ежедневно ли испытываемъ мы, сколь недостаточна къ тому земля, и сколь мало да-

ешь она истиннаго блаженства? Можно ли то назвать мечтою силы вообразительной, что возвѣщаетъ намъ аналогія Натуры? Не все ли находящееся здѣсь на земли ведетъ насъ къ познанію Творца; и не каждое ли чистое дѣяніе въ довольствіи сердца нашего выражаетъ намъ истину бытія Его? Несчастный! какъ смѣешь ты до такой степени унижать человѣчество и обременять оное тягчайшими узами, нежели сама чувственность? Только въ царствѣ Божіемъ, въ царствѣ Истины царствуетъ истинная свобода: тиранство же и рабство принадлежатъ къ чувственности и міру. Не чувствуешь ли ты ежедневно тяжести оковъ ихъ; не придавляютъ ли они тебя отчасу болѣе къ землѣ, когда духъ твой, сотворенный къ безсмертію, хочетъ возпарить въ высоту? Несчастный!

куда завело тебя заблужденіе твое! Ты не знаешь степени, на которой стоишь, ни твоего будущаго назначенія. Естьли ты только скотъ, то слѣдуй законамъ скота; естьли же нѣчто болѣе скота, то познай законы твои, и ищи ихъ въ существѣ Бога, положившаго тебѣ закономъ, *чтобы ты былъ Ему подобенъ.*

Изо всего сего вы видите, любезный другъ, въ какомъ заблужденіи находятся возстающіе противъ религіи! Думая нападать на религію, они опровергаютъ только злоупотребленія религіи. Всегда пребудетъ истиною, что Христіанство содержитъ въ себѣ многія вещи непостижимой силы и чрезвычайной важности, которыхъ описать не льзя. Пока онѣ оставались, яко свя-

тыня, извѣстны только истиннымъ блюстителямъ святаго ученія, до тѣхъ поръ Христіанство было въ своемъ совершенствѣ, и было въ покоѣ: но съ тѣхъ поръ, какъ власти земныя простерли руку во святилище и захотѣли видѣть непріуготованными очами, и какъ религія смѣшалась съ свѣтскою политикою, произошли расколы и невѣріе.

Въ первыхъ временахъ найдете вы у Христіанъ превосходнѣйшее нравоученіе, которое часто люди самаго низкаго происхожденія безъ всякаго воспитанія, и даже женщины, строго наблюдали. Въ сіи времена найдете вы людей, которые, въ истинномъ смиреніи, ни во что вмѣняли славу и чести мірскія, и въ добровольномъ уединеніи скрывались отъ блеска фортуны, отрекались отъ великихъ имуществъ, и, дабы удѣлять братьямъ своимъ,

довольствовались самымъ нужнымъ содержаніемъ. Тогда примѣромъ учили переносить обиды, платить врагу за ненависть любовію, и пріобрѣтать такія силы духа, съ которыми человѣки скорѣе рѣшались на жесточайшія мученія, нежели соглашались преступить законъ Господень.

Но какъ скоро люди вознерадѣли о семъ святомъ ученіи; то явились политическіе священники, которые, удаляясь болѣе и болѣе отъ первоначальной чистоты, всему Христіанству стали давать видъ политической, и все облекли политикою. Тогда возстали софисты, торгующіе плевелами, покрывшіе смертію и тьмою то, что прежде было свѣтъ и жизнь.

Христіанство потрясено было въ самыхъ первыхъ основаніяхъ и заблужденіе воздвигло на мѣстѣ святилища вертепъ гордости и не-

вѣжеству. Такимъ образомъ нѣкоторые отступили къ деизму, другіе къ матеріализму, не разсуждая того, что святилище религіи непоколебимо и что вкравшіяся злоупотребленія не принадлежали къ существу религіи. Религія, любезный другъ, останется всегда священною, хотя бы отъ перваго священника до послѣдняго никто не слѣдовалъ ея ученію. Физика престанетъ ли быть физикою, хотя бы и никто не мыслилъ о Натурѣ? Истина всегда останется въ Натурѣ, хотя бы всѣ сдѣлались лжецами.

Изъ всего выше приведеннаго вы видите, любезный другъ, религію въ связи съ цѣлымъ; видите, что все имѣетъ свои законы, а потому и духъ нашъ имѣетъ свои законы вышняго рода; и вышняя будущая наша степень имѣетъ связь съ развитіями нынѣшняго нашего состоя-

нія. На семъ основывается нравоученіе, или *моралъ*. Первѣйшій законъ назначенія человѣческаго есть приближеніе къ Божеству; и какъ зло не находится существенно въ Натурѣ, а происходитъ только чрезъ удаленіе отъ добра, чрезъ удаленіе человѣка отъ Бога, источника добра: то сіе приводитъ насъ къ заключенію, что человѣкъ, безъ сомнѣнія, находился прежде на вышшей степени, съ которой онъ низпалъ самовольно.

Сіе паденіе состояло въ томъ, что онъ, оставя вышнее духовное свое назначеніе, погрязъ въ чувственность.

Мы видимъ, что жребіемъ человѣка на землѣ суть бѣдность и несчастія; слезы ожидаютъ насъ при рожденіи; тоска провождаетъ насъ во гробъ: вотъ жребій чувственности. И такъ сіе смертное тѣло,

любезный другъ, есть единственно вмѣстилище и причина всѣхъ нашихъ страданій. Мы должны совлечься сего покрова; онъ есть наказаніе наше.

Такъ глубоко мы погрязли, любезный другъ; но у насъ не вовсе еще отнята надежда на возстаніе. Подобно страннику, шествующему чрезъ горы, должны мы восходить непрестанно выше, пока достигнемъ цѣли, теряющейся въ облакахъ. Потерянный свѣтъ получить паки — вотъ предметъ великой работы человѣка, возрастанія его, возрожденія, его искупленія.

Но теперь довольно мы поговорили; слѣдующая матерія весьма важна, и мы посвятимъ ей будущую ночь.

НОЧЬ ОСЬМАЯ.

Для человѣка, чтущаго религію, ничто не можетъ быть желательнѣе, какъ чтобы мнѣніе его было истинно. Истины религіи, любезный другъ, имѣютъ происхожденіе свое отъ Бога, который вчера и прежде вѣкъ, нынѣ и во всѣ вѣки былъ, есть и будетъ тотъ же и единъ Богъ, вѣчно непремѣнный: слѣдовательно и истины должны быть непремѣнныяжъ. Божественное ученіе не по тому истинно, что за истинное принимается, или что многія столѣтія оному вѣрятъ. Заблужденіе никогда не будетъ божественнымъ, хотя бы цѣлые вѣки за таковое оное признавали. Есть-ли служители вѣры и дѣлались иногда невѣрными своему званію; есть-

ли насиліе, или коварство, и препятствовало иногда благотворнымъ вліяніямъ религіи: но внутренность оной никогда однакожъ отъ того не перемѣнялась. Солнце остается всегда солнцемъ, хотя тучи и скрываютъ его отъ глазъ нашихъ.

Человѣческой родъ, любезный другъ, никогда не имѣлъ недостатка въ случаяхъ къ обрѣтенію пути къ Богу, единственному источнику свѣта, истины и блаженства. Прочтите безпристрастно исторію церковную; вы увидите подтвержденіе сей истины; увидите, что сверьхъ толпы невѣрующихъ, многіе энтузіасты составляли изъ разныхъ заблужденій нелѣпыя системы, удаляющія отъ истины. Такъ Эссеи, Терапевты и Социніане со многими другими не вовсе изъяты были отъ заблужденій, которыя я покажу вамъ,

дабы вы узрѣли достоинство религіи во всей ея чистотѣ.

Намѣреніе Божіе при сотвореніи человѣка было, любезный другъ, то, чтобы человѣкъ со всѣми потомками покорялся волѣ Его, и ожидалъ блаженства своего отъ руки Его: но Адамъ захотѣлъ быть самъ творцемъ своего блаженства, и палъ. По паденіи его Богъ открывалъ по временамъ нѣкоторымъ праведникамъ волю Свою, и на конецъ изъ всѣхъ народовъ отдѣлилъ одинъ народъ, въ которомъ Самъ учредилъ Богослуженіе приличнымъ достоинству Его образомъ. Громъ съ горы Синайской, густыя облака, скрывшія гору отъ народа, гласъ трубный, огнь, въ коемъ низходилъ Господь, должны были, кажется, оставить въ Израильтянахъ глубокое впечатлѣніе возвѣщенныхъ имъ истинъ; но едва громы умолкли, гора

перестала дымиться, Богъ сокрылъ отъ народа необычайные знаки Своего присутствія. Едва Моисей на нѣсколько дней отлучился: то возвѣщенная религія претерпѣла такую превратность, какой едва ли можно было ожидать и тогда, когда бъ она была человѣческое только изобрѣтеніе. Страсти народа потребовали иной религіи, и устрашенный Ааронъ сотворилъ другихъ боговъ для предводительствованія Израильтянъ въ пути.

Моисей сошелъ съ горы Синайской, и увидя сію перемѣну, возопилъ къ Богу. Богъ, по молитвѣ посланника Своего и по милости Своей къ роду человѣческому, возстановилъ религію въ прежнемъ ея достоинствѣ; но тысячи возмущеній противъ сего вождя Божія и противъ самаго Бога были провозвѣстниками новыхъ перемѣнъ, без-

престанно разрывавшихъ союзъ сей. Хотя законы начертаны были на каменныхъ доскахъ, въ знакъ того, что Господь желалъ твердаго соблюденія оныхъ въ умахъ и сердцахъ человѣческихъ; но коль часто долженствовалъ Богъ посылать особенныхъ мужей къ народу Своему, дабы оппвратить его отъ идолопоклонства и показать ему истины Свои паки въ Божественномъ свѣтѣ! Изъ самыхъ Іудеевъ Богъ отдѣлилъ еще особенное колѣно, которое долженствовало блюсти религію; но самые священники и первосвященники часто были столь невѣрны, что Господь нерѣдко имѣлъ причины къ таковымъ жалобамъ, какія произнесены Пророкомъ Іереміемъ II. 8—11. — Невѣрность Іудеевъ къ закону была причиною, что Богъ изгналъ ихъ изъ земли, которую далъ имъ въ обладаніе; и за оскверненіе

оной олтарями боговъ чуждыхъ, сей избранный народъ долженъ былъ претерпѣть столько бѣдъ и несчастій, сколько никакой другой народъ не терпѣлъ. Земли ихъ были опустошаемы, сами они продаваны въ неволю и изъ одной страны переселяемы въ другую. Побѣжденные обыкновенно смѣшивались съ побѣдителями; въ странѣ плѣна своего обрѣтали они новое отечество; и слившись наконецъ въ одно съ тѣмъ народомъ, между коимъ жили, дѣлались опять подъ чужимъ именемъ великими и сильными: но Іудеи въ продолжительномъ плѣну своемъ оставались всегда особеннымъ народомъ; почему бѣдствія ихъ были еще несноснѣе, нежели другихъ побѣжденныхъ народовъ; ибо они не имѣли надежды раздѣлить когда либо счастіе своихъ побѣдителей. И сему не должно удивляться; ибо

какъ невѣрностію закону, данному отъ самаго Бога, они особенно навлеклина себя гнѣвъ Его; то Премудрость Его требовала и наказанія отличнаго, дабы не только народъ Іудейской, но и весь родъ человѣческой изъ свойствъ наказанія могъ усмотрѣть, что симъ отмщается честь религіи.

Такова была мзда Іудеямъ за невѣрность ихъ къ истинной религіи. Когда же бѣдствія ихъ смиряли ихъ предъ Богомъ, и они съ покорностію къ Нему обращались, то, по предвѣщанію Пророковъ, были они паки возвращаемы въ свою землю, и религія являлась въ новомъ блескѣ между ними. Тогда, какъ легко прежде оставляли они истиннаго Бога и мѣняли славу Его на ничтожныхъ идоловъ, такъ велико дѣлалось въ нихъ отвращеніе отъ идолопоклонства. Никакое мученіе,

никакое страданіе не было столь велико для Маккавеевъ, чтобы они не предались ему охотно, дабы не послужить идоламъ. Но и между ними религія не вовсе обезопасена была отъ перемѣнъ. Хотя чувственное идолопоклонство между ними прекратилось: но они думали изъявить болѣе чести религіи, обожая вымыслы своего разума и изобрѣтенія буйной мудрости. Прежде они не внимали внушеніямъ своего разума въ дѣлахъ, касающихся до религіи; но потомъ стали давать ему слишкомъ много воли: а разумъ, когда самъ учреждаетъ себѣ религію, всегда смѣшиваетъ оную съ собственными понятіями и соглашаетъ со страстьми сердца. Такъ Іудеи, ознакомясь въ плѣну своемъ съ мудростію восточныхъ народовъ, буде можно назвать симъ именемъ ихъ буйство, захотѣли соединить исти-

ѣу съ заблужденіями. Противившіеся сему соединенію, подъ предлогомъ защищенія религіи, распространяли собственныя мнѣнія за Божескіе глаголы. Предъ пришествіемъ Христа Спасителя, Іудеи раздѣлились на разныя секты, на Фарисеевъ, Саддукеевъ, Эссеевъ, Терапевтовъ, и многія другія, которыя всѣ имѣли о религіи особенныя мнѣнія, и каждая секта утверждала, что ея ученіе есть гласъ самаго откровенія, коему всѣ должны вѣрить. Какое различіе религіи сей отъ религіи Моисея и Пророковъ, и какого очищенія она требовала!

Богъ, въ огражденіе религіи въ Своемъ народѣ отъ перемѣнъ и примѣшеній человѣческихъ, отдѣлилъ Іудеевъ отъ прочихъ народовъ самымъ явнымъ образомъ. Внѣшнее Богослуженіе учреждено было такъ, чтобъ не только умъ и сердце, но

и чувства были заняты. Всякая перемѣна была запрещена подъ строгимъ наказаніемъ. Гражданское спокойствіе и благо связано было съ чистою религіею тѣснымъ узломъ. Но всѣ сіи и многія другія установленія не могли защитить ее отъ перемѣнъ. Разумъ человѣческой, получа себѣ свободу, всегда простираетъ оную за предѣлы ея. Онъ хочетъ быть болѣе, нежели свободнымъ; хочетъ быть независимымъ, хотя самое желаніе независимости есть вѣрнѣйшій путь къ рабству.

Іисусъ Христосъ пришелъ на землю не только, дабы возвратить религіи первоначальную ея красоту, отдѣлить отъ нея всѣ чуждыя человѣческія примѣшенія, или, по величественному изреченію одного Пророка, растопить серебро и очистить; но дабы возвысить еще Божественныя истины новыми, столь

же Божественными дополненіями. Поелику Имъ исполнялись всѣ жертвы и прообразованія, то Онъ восхотѣлъ прекратить излишнее чувственное Богослуженіе и разпространить религію по всему лицу земному во всѣхъ народахъ. Въ ученіи, которое Онъ самъ проповѣдовалъ и повелѣвалъ Апостоламъ проповѣдовать, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ таинствъ, видна вездѣ величайшая ясность и благородная простота. Самый разумъ, приближаясь къ оному искренно и безъ предразсудковъ, находитъ причину быть довольнымъ. Откровеніе открыло человѣческому разуму дальнѣйшіе виды, показало надежнѣйшій путь къ блаженству и объяснило многое въ твореніи такое, что прежде, безъ сего свѣта, было непонятно. Законы нравственности, преподанные Іисусомъ Христомъ, совершенно согласовались съ зако-

нами естественной добродѣтели, естьли только хорошо ее разумѣли. Новыя предписанныя добродѣтели были такого свойства, что безпристрастный разумъ долженствовалъ признать ихъ за высочайшее украшеніе человѣческой натуры. Въ доказательство сего стоитъ только взглянуть на то, чему откровеніе велитъ намъ вѣрить и что исполнять.

Откровеніе открыло намъ новые виды въ твореніи, особливо въ разумной части онаго. Многоразличный порядокъ и красота Натуры довольно доказываютъ, что она не могла быть произведеніемъ слѣпаго случая. Когдажъ міръ есть произведеніе премудраго Художника: то откуда въ немъ несовершенства, особливо нравственныя? Непрестанное стремленіе человѣковъ къ счастію свидѣтельствуетъ, что они не опре-

дѣлены къ бѣдствіямъ. Отъ чего жъ они злополучны? и по чему, при всей обширности разума, не умѣютъ они найти вѣрнаго пути къ блаженству, коего такъ алчутъ? Откровеніе выводитъ насъ изъ сей неизвѣстности и избавляетъ отъ глупаго того мнѣнія, будто другое непріязненное божество изъ зависти обезобразило твари мудраго и благаго Бога. Всѣ твари, говоритъ оно, вышли добрыми изъ руки Божіей. *И видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло.* Чистые духи и тѣломъ облеченные человѣки были безгрѣшны, и потому совершенны. Отъ верьховнаго Серафима до послѣдняго червя вездѣ царствовали порядокъ и согласіе; всѣ части творенія были въ совершенной связи между собою. Вышняя красота духовъ есть свобода. Но будучи твари конечныя, они могли и самый луч-

шій даръ употребить во зло. Сіе и случилось. Нѣкоторые изъ вышнихъ духовъ учинились непокорными Богу, и склонили первыхъ человѣковъ къ такойже непокорности. Послѣ сего за чѣмъ искать причины зла въ веществѣ? Она находится въ злоупотребленной свободѣ духовъ, перваго человѣка и его потомковъ. Безпорядокъ въ духовномъ мірѣ произвелъ безпорядки и въ тѣлесномъ мірѣ. Нынѣ человѣкъ отъ рожденія развращенъ; ибо въ беззаконіяхъ отца зачинается, и во грѣхахъ матери раждается; а со грѣхомъ постигла всѣхъ человѣковъ смерть. Сію прирожденную порчу усугубляютъ еще человѣки произвольными злыми дѣяніями. *Помыслы ихъ злы отъ юности и навсегда.* И такъ не должно удивляться, что человѣки злополучны и не могутъ сами себя извлечь изъ своего несчастія. Сіе бѣд-

ствіе, отъ котораго они стонутъ, есть собственное ихъ произведеніе. Оно есть натуральное слѣдствіе нравственнаго безпорядка, ими въ самихъ себѣ произведеннаго. Но долженъ ли сей безпорядокъ оставаться навсегда въ мірѣ всеблагаго Бога? долженъ ли человѣкъ навсегда быть злополученъ? и кто возстановитъ прежній порядокъ и первобытную красоту? На сіи вопросы разумъ молчитъ; откровеніе отвѣтствуетъ:

Христіанская религія открываетъ намъ новые виды также и въ Божествѣ. Поврежденіе человѣковъ хотя не изгладило вовсе въ душахъ ихъ понятія о высочайшемъ Существѣ: но они размножили божество и, такъ сказать, раздѣлили оное на частички почти по всѣмъ тварямъ. Сіе было источникомъ идолослуженія; и для того откровеніе научило, что Богъ единъ, Творецъ и Господь все-

го видимаго и невидимаго. Оно еще большему насъ научило, а именно: что сей единый Богъ есть Отецъ Сынъ и Духъ. Отецъ, родившій предвѣчно Сына, Сынъ, вѣчный образъ Отца, и Духъ, отъ самыя вѣчности изъ Божества происходящій — Сіи три въ единомъ существѣ суть единъ Богъ. Каждое лице имѣетъ равное участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ правахъ Божества; но не есть въ особенности Божеское существо, а только въ Немъ пребываетъ. Впрочемъ имена Отца, Сына и Духа не суть имена, приписываемыя въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ одному и тому же лицу; инако не были бы справедливы сіи Спасителевы слова; что Онъ отъ Отца пришелъ, что Отецъ послалъ Его, что Онъ пошлетъ Святаго Духа, что Онъ и Отецъ суть едино. Самые отвергающіе Божественность

Іисуса, по крайней мѣрѣ признаются, что Онъ былъ высокаго ума и великой мудрости человѣкъ: но какой же разумный человѣкъ, говоря: *Я и Отецъ мой суть едино*, думалъ чрезъ то сказать: *я и я есмы едино?*

Сей Богъ требуетъ сердецъ нашихъ и любви, или поклоненія духомъ, и не хочетъ чести сей дѣлить ни съ какою тварію. На всякое обожаніе какой либо твари, сколь бы оная высока и благородна ни была, Онъ взираетъ какъ на отъемлемое право у Него самаго. Онъ есть тотже Богъ, которому и Іудеи покланялись; токмо поклоненіе Ему въ Троицѣ не столь ясно было открыто церкви Іудейской, какъ Христіанской. Сіе ученіе превышаетъ понятіе разума, но не противорѣчитъ здравымъ его основателямъ. Можетъ быть оно принадлежитъ къ цѣпи тѣхъ истинъ, ко-

торыя понимать впредь въ состояніи мы будемъ; ибо вѣчность распространитъ кругъ нашихъ понятій. И такъ религія учитъ Тріединству Божества.

Богъ отъ вѣчности предвидѣлъ паденіе рода человѣческаго, и по безконечной благости Своей опредѣлилъ поднять его. Но правосудіе, или святость Его, (ибо Богъ Христіанъ есть Богъ порядка,) требовала жертвы; безъ того какъ бы твари Его узнали ненавидѣніе Его къ нравственнымъ безпорядкамъ? Сія жертва долженствовала быть равной степени съ отвращеніемъ Его отъ грѣха. Вѣчный Сынъ Отчій предложилъ Себя въ сію жертву, и, по Божеству Своему, не могъ сдѣлаться оною, не соединя Божественной натуры съ человѣческою. Задолго до сего обѣщанъ былъ человѣку Искупитель всего рода его. Сбылись

Пророчества; Онъ низшелъ на землю, принялъ въ тѣлѣ дѣвы Маріи видъ бѣднаго грѣшника и во всемъ сдѣлался подобенъ человѣку, кромѣ грѣха. Въ самомъ низкомъ состояніи проповѣдовалъ Онъ Божественныя и высочайшія добродѣтели. Жизнь Его и смерть свидѣтельствуютъ о Его человѣчествѣ; а чудеса Его и Его учениковъ доказываютъ Его Божественность. Страданіемъ и смертію Своею Онъ примирилъ человѣковъ съ Богомъ, и Богъ готовъ учинить ихъ блаженными, естьли они не отвергнутъ цѣну сего примиренія. Исполнивъ званіе Пророка и Первосвященника, Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, возсѣлъ одесную Отца, и нынѣ царствуетъ до втораго пришествія на судъ. Все, что Онъ Совершилъ въ своемъ уничиженіи, дѣлалъ какъ Богочеловѣкъ; объ Натуры имѣли въ томъ

участіе. Онъ есть примиритель, посредникъ, примѣръ и владыка человѣковъ; въ Немъ и чрезъ вѣру въ Него должны мы учинишься блаженными. Вотъ таинство вочеловѣченія и искупленія Христова!

Но человѣки развращены, и въ естественномъ своемъ состояніи не разумѣютъ таинствъ сихъ: какъ же могли они увѣровать въ сего Искупителя и послѣдовать въ вѣрѣ примѣру Его? Святый Духъ принялъ на себя приведеніе въ дѣйство сего примиренія и посланъ былъ отъ Примирителя. Онъ-то *извѣствуетъ словесе утвержденіе*, даетъ проразумѣвать сіи великія истины; и естьли человѣкъ, по узнаніи оныхъ, не возпротивится дальнѣйшимъ Его дѣйствіямъ: то Онъ и утверждаетъ его въ оныхъ, удостовѣряетъ его о его бѣдности, о нуждѣ искупленія, и у-

множаетъ въ немъ вѣру и твердое упованіе, что во Христѣ Іисусѣ учинится онъ блаженнымъ. Въ сію счастливую минуту, по вѣрѣ своей, получаетъ человѣкъ оправданіе отъ Бога и наслаждается плодами заслугъ своего Искупителя. Здѣсь не смотрится на дѣла; ибо прежде вѣры человѣкъ не могъ произвесть ничего такого, что бы въ очахъ Божіихъ удостоивало его блаженства. Дѣла вѣрующихъ, согласныя съ заповѣдями Божіими, суть слѣдствія, а не причины оправданія ихъ. Ибо когда они чрезъ вѣру получаютъ оправданіе во Іисусѣ Христѣ: тогда получаютъ отъ Духа Святаго силы *ходить непорочно*, и употребляя силы сіи со страхомъ и трепетомъ, укрѣпляются въ святости. Вотъ ученіе о благодати!

Но какія средства употребляетъ Богъ къ сообщенію человѣкамъ сей

благодати и къ утвержденію ихъ въ оной, когда они тому не противятся? Сіи средства суть: проповѣдованіе слова Божія и слышаніе онаго (ибо вѣра происходитъ отъ проповѣди, или отъ слуха) молитва, крещеніе водою и наконецъ причащеніе въ воспоминаніе смерти Іисуса Христа. Сіи таинства не суть простые только обряды: крещеніе есть союзъ возрожденія и возобновленія въ Духѣ Святѣ; причащеніе есть дѣйствительное совокупленіе съ тѣломъ и кровію Христовою. И по сему сила слова Божія и молитвы, крещеніе и причащеніе суть таинства, которымъ должны мы вѣрить, а не толковать и судить объ нихъ. Се есть ученіе откровенія о средствахъ благодати!

Въ комъ искупленіе Христово чрезъ благодать и причастіе Духа Его воздѣйствовало, тотъ долженъ

исполнять нѣкоторыя должности. Оныя, по ученію Іисуса Христа, во-первыхъ состоятъ въ исполненіи Божественнаго, Имъ самимъ изъясненнаго и точно опредѣленнаго, закона, къ которому человѣки и до искупленія были обязаны, и токмо нарушеніе онаго учинило необходимымъ искупленіе. Хотя же всѣ дѣйствія, учреждаемыя по сему Божественному закону, дѣлаются чрезъ то Христіанскими добродѣтелями, потому что происходятъ отъ вѣры въ Спасителя міра: но изъ искупленія Христова слѣдуютъ еще особливыя должности, равномѣрно въ тѣсной связи находящіяся съ должностями естественнаго нравственнаго закона. Поелику же искупленіе Его относится на всѣхъ человѣковъ; то и сіи особливыя должности, оттуда происходящія, относятся на всѣхъ же Христіанъ. Онѣ

суть: пламенная любовь къ Богу, толь дорогою цѣною насъ искупившему, смиреніе предъ Нимъ, постоянство въ вѣрѣ, терпѣніе, духовное бдѣніе и надзираніе надъ собою; а въ отношеніи къ другимъ человѣкамъ братская любовь: ибо мы должны взирать другъ на друга не только какъ на тварей, но и какъ на искупленниковъ Божіихъ. Кромѣ званія учительскаго Христосъ и ученики Его не ввели никакого новаго состоянія, или образа жизни; и потому, дабы какое-либо дѣяніе справедливо заслуживало наименованіе Христіанской добродѣтели, должно, что бы оно или предписано было въ Божественномъ нравственномъ законѣ, или бы проистекало изъ ученія Евангелія и церкви. Вотъ каковымъ откровеніе представляетъ намъ ученіе Іисуса Христа.

Послѣдующіе въ вѣрѣ и любви Искупителю своему составляютъ невидимую всеобщую церковь Христову. Религія открываетъ намъ, что всѣхъ человѣковъ ожидаетъ воскресеніе тѣла и день всеобщаго суда: но что для вѣрующихъ назначено вѣчное, непремѣнное, и всякое человѣческое понятіе превосходящее блаженство; а для непріявшихъ ученія Христова, или жившихъ не по оному; вѣчное несчастіе, вѣчная мука, уготовленная Сатанѣ и ангеламъ его. Вотъ ученіе откровенія о будущемъ состояніи разумныхъ тварей.

Большая часть сихъ истинъ таковы, что Христіане обязаны имъ вѣрить и поставлять ихъ правиломъ своея жизни, прежде нежели естественному человѣку сдѣлаются онѣ извѣстными, коему

даже и тогда, когда онѣ уже открыты, не могутъ во все быть понятны. Но какъ же вѣрить безъ доказательствъ? Христіанская религія имѣетъ доказательства и притомъ неопровержимыя. Онѣ взяты не изъ метафизики, однакожъ ясны и имѣютъ Божественную печать. Какой разумъ, буде онъ справедливъ, и какое сердце, буде ощущенія его правильны, будетъ спорить противъ извѣстныхъ ясныхъ событій пророчествъ, противъ Божественныхъ чудесъ Іисуса Христа и Его Апостоловъ, противъ обращенія міра и распространенія религіи среди жесточайшихъ гоненій и всѣхъ усилій земли и ада противъ нея; будетъ спорить противъ совершеннаго согласія истинъ ея съ совершенствами Божескими и состояніемъ человѣка, противъ гласа совѣсти, подтверждающаго оныя, и

противъ дѣйствій Духа истины, когда мы даемъ Ему мѣсто въ насъ?

Сія религія, по цѣли Основателя своего, долженствовала послужить къ соединенію всего рода человѣческаго. Всѣ человѣки долженствовали чрезъ вѣру и нравственность, то есть чрезъ повиновеніе законамъ Божіимъ, притти въ согласіе между собою. На сей то конецъ учреждено и общественное Богослуженіе. Но сіе согласованіе не долженствовало нарушать различія состояній и образа жизни, ни частныхъ гражданскихъ у ч р е ж д е н і й и разныхъ свойствъ народовъ, естьли они не противны были правиламъ здраваго разума. Такимъ образомъ и въ наружномъ Богослуженіи требовалась Божественная простота, которую и находимъ мы въ Богослуженіи первыхъ Христіанъ, сообразовавшихся съ примѣромъ Учителя своего и

Его Апостоловъ, коихъ праздники были такъ легки и просты, что ихъ можно было отправлять на всякомъ мѣстѣ, съ тою только разностію, что они соединялись съ великими внутренними преимуществами. И такъ къ народному Богослуженію не требовалось ничего, какъ празднованіе нѣкоторыхъ дней, въ которые всѣ Христіане собирались вмѣстѣ для общественнаго поклоненія Богу, ими чтимому, и для общественнаго поученія въ истинѣ. Сіи дни опредѣлены были въ самомъ откровеніи Апостолами Іисуса Христа, имѣвшими власть предписать законъ учреждаемой ими церкви. Впрочемъ, Христіанамъ предоставлено было на волю посвящать, или нѣтъ, по общему согласію, и еще другіе дни публичному Богослуженію. Для общественнаго поученія нужны были учители. Качества сихъ описаны

въ откровеніи. Испытаніе ихъ въ словѣ Божіемъ и избраніе ихъ въ сіе служеніе предоставлено было всей Церкви, то есть поставленнымъ уже учителямъ и слушателямъ. Изъ учителей, преподававшихъ публичное ученіе истины, и изъ Христіанъ, поучавшихся оному и повѣрявшихъ всегда слышанное съ словомъ Божіимъ, состояла видимая церковь Христова, сія духовная нива, на коей однакожъ не одна пшеница, но и плевелы возрастать могутъ. Учители не имѣли другой власти, кромѣ той, которую давала имъ истина съ доказательствами ея, чтобы принимавшихъ религію принимать въ общество видимой церкви, сообщать имъ установленныя средства благодати и пещися о душахъ ихъ. Власть всей церкви состояла отчасти въ томъ, что она могла изключать своихъ членовъ,

которые ни въ вѣрѣ, ни въ жизни своей не согласовались съ нею, не разрывая однакожъ съ ними гражданскаго сообщества; отчасти въ томъ, что она могла съ общаго, явнаго, или тайнаго согласія, предпринимать новыя у себя учрежденія къ благосостоянію и порядку Богослуженія, естьли оныя не перемѣняли существа религіи и собственно ея не касались. Сія Божественная простота въ общественномъ Богослуженіи первыхъ Христіанъ нимало не уменьшала достоинства Христіанства; напротивъ того возвышала еще оное, потому самому, что столь мало имѣла сообщенія съ чувственностію.

Изъ сея системы религіи, установленной самимъ Іисусомъ, очевидно, какое было бы благо въ церкви и спокойствіе въ гражданскомъ обществѣ, естьли бы оная никогда не перемѣнялась, естли бы духов-

ное царство Христово основывалось всегда точно на предписаніяхъ Его. Міръ, выходя изъ рукъ Творца совершеннымъ, не требовалъ ни чьего старанія о украшеніи его: такъ и религія, вышедъ изъ устъ своего Основателя и Его Апостоловъ чистою и совершенною, не требовала ни чьего поправленія. Евангеліе и посланія Апостоловъ были достаточнымъ поученіемъ для всѣхъ вѣковъ; содержали въ себѣ всѣ истины вѣры и нравственности; удовлетворяли нуждамъ и разума и сердца.

Богослуженіе не имѣло нужды ни въ украшеніи, ни въ великолѣпіи. Правда, наружность много дѣйствуетъ на чувства; но часто тѣмъ пустѣе и тоще бываетъ при томъ духъ; часто въ ней одной полагаютъ и все существо религіи; а о прямыхъ и истинныхъ поклонникахъ откровеніе сказываетъ, что они покланяются

въ духѣ и истинѣ. Царство Іисусово не есть царство земное: въ немъ первый долженъ быть послѣднимъ, и старшій всѣмъ слуга.

Но религія не могла сохранить своего совершенства какъ во внутреннемъ, такъ и въ наружномъ своемъ состояніи; ибо ввѣрена была человѣкамъ, которые отъ природы склонны къ перемѣнамъ и непостоянству, подвержены предразсудкамъ, легко обманываются и заблужденіе пріемлютъ за истину. Сколь велика любовь наша къ собственнымъ мнѣніямъ! Сколь много хитримъ мы нашимъ разумомъ! И кто не вѣдаетъ силы примѣра? Нерѣдко самый честный человѣкъ, по однимъ только ограниченнымъ своимъ понятіямъ, впадаетъ въ заблужденіе большой толпы. Часто заблужденіе закрывается такъ искусно и такъ близко подходитъ къ истинѣ, что при-

носятъ ѳиміамъ ему, думая чтить истину. Но и яснѣйшія истины чего не должны стращиться отъ страстей человѣческихъ?

Сіи самыя заблужденія и буйство невѣрующихъ суть однакожъ доказательствомъ внутренней изящности и святости религіи. Исторія учитъ насъ, что съ самыхъ первыхъ временъ всегда возставали одинъ за другимъ враги и гонители религіи; каждый изобрѣталъ новую систему, каждый хотѣлъ быть мудрѣе другаго, и каждый — я хочу употребить здѣсь самое скромное названіе — былъ такой же сумазбродъ, какъ и другой. Во всѣхъ системахъ ихъ видно одно безумство, только въ разныхъ видахъ, подобно кокеткѣ, которая безпрестанно переряжается и мѣняетъ одно платье на другое, не надѣясь на природныя прелести свои. Напро-

тивъ того, любезный другъ, истина имѣетъ одинъ видъ: и кто не подивится согласію учениковъ Христовыхъ, очевидному въ посланіяхъ ихъ, намъ оставленныхъ?

Впрочемъ всѣ ложныя мнѣнія и заблужденія никогда не потрясутъ твердыхъ столповъ Христіанства; ибо ученіе Іисусово основано на свидѣтельствахъ духа и силы; и сей духъ и сила пребываютъ еще въ сердцахъ истинныхъ вѣрующихъ. Чтобы яснѣе представить вамъ, любезный другъ, святость религіи и ученія Христова, сравнимъ мы оную съ религіями восточныхъ мудрецовъ и прежнихъ временъ. Но сіе разсужденіе отложимъ до слѣдующей ночи.

НОЧЬ ДЕВЯТАЯ.

Христіанская религія явилась на землѣ въ то время, когда человѣческой разумъ сталъ быть не столь уже грубъ и нѣсколько обработанъ; когда человѣкъ былъ уже не одно чувство; когда силы души его стали ему извѣстнѣе, и когда разныя науки, сдѣлавшись гораздо общественнѣе, распространили болѣе его понятія. Даже въ самой религіи многіе старались возвыситься надъ грубыми понятіями простаго народа; но при всемъ томъ человѣки не достигли истиннаго Богопознанія; Такъ вѣрно исполнились предсказанія Пророковъ, что только въ эпоху пришествія Мессіи изчезнутъ сіи мраки рода человѣческаго. Все, что на востокѣ и западѣ учили о Богѣ, было заблуж-

деніе въ различныхъ видахъ. Къ несчастію, почитавшіеся мудрецами такъ любили свое заблужденіе, что почли Евангеліе за безуміе; и, бывъ не въ состояніи истребить произведенное имъ впечатлѣніе, захотѣли соединить свѣтъ со тьмою.

Никогда человѣческой разумъ не

заблуждался до того, чтобы въ душахъ человѣческихъ не оставалось нѣкоего ощущенія Божества. Можетъ быть надлежитъ приписать сіе первому Божественному впечатлѣнію онаго въ нихъ; можетъ быть оно и истребиться никогда не можетъ, будучи прирожденно душѣ человѣческой; можетъ быть также обязаны мы тѣмъ Божественному откровенію, которое изъ вѣка въ вѣкъ передавало различныя истины, которыя хотя и обезображивались временемъ, но никогда, ни въ

какомъ народѣ вовсе не истреблялись. Хотя между язычниками и были философы, утверждавшіе, что мы и всѣ міры игра только случая, а не произведеніе мудрой Причины: но сіе сумазбродство должно приписать болѣе отчаянію ихъ, что не могли познать сію мудрую Причину. Они видѣли слабыя стороны безчисленныхъ системъ; но способнѣе были испровергнуть, нежели исправить оныя.—Ежели есть Богъ: то гдѣ Онъ? Кто Онъ; и какое существо Его? Какъ могъ Онъ быть вмѣстѣ причиною и того, чему мы удивляемся и чему не дивимся? Естьли Онъ все произвелъ: то для чего мы Его не знаемъ, и кто покажетъ намъ путь къ Нему? — Они были такъ горды, или такъ невѣдущи, что хотѣли сами собою рѣшить сіи вопросы, на которые Богъ токмо и отвѣчать могъ. Ясное доказа-

тельство глубокаго паденія человѣка! Никогда философы не занимались столько сими вопросами, какъ въ пришествіе Іисуса Христа.

Человѣки ставъ невѣрными первому откровенію, и оставя лучшаго вождя, Бога, не могли и имѣть о Немъ иныхъ понятій, кромѣ чувственныхъ. Сіе было главное заблужденіе, разплодившее всѣ нелѣпыя системы языческихъ мудрецовъ о Божествѣ. Человѣки прежде стали обоготворять все, что удивленія ихъ, любви, страха и надежды было достойно, и что ласкательство и развращеніе сердца человѣческаго находило чрезвычайнымъ. Такъ начали обожать звѣзды, моря, рѣки, сильныхъ людей, царей, наконецъ насѣкомыхъ и самые пороки. Такъ мало помалу возникала вѣра простаго народа, идолопоклонство.

Вскорѣ за симъ нашлись люди,

которые захотѣли отличиться отъ толпы обыкновенной. Чѣмъ болѣе разкрывался въ нихъ разумъ, тѣмъ менѣе удовлетворяли ихъ сіи мнѣнія о Божествѣ; чѣмъ болѣе познавали они тварей, тѣмъ менѣе начинали имъ покланяться. Впрочемъ не возможно имъ было получить истинное понятіе о Богѣ, которое оспается за предѣлами чувствъ. Поелику же самыя остроумнѣйшія ихъ понятія о Богѣ были еще тѣлесны, то и не могли они отдѣлить Его отъ матеріи. Всѣ языческіе философы попали на четыре великія распутія, думая обрѣсти Бога. Халдейскіе и Персидскіе мудрецы представляли себѣ Божество самою тончайшею и подвижнѣйшею матеріею, чистѣйшимъ огнемъ, или свѣтомъ, изъ котораго изтекли всѣ вещи. Египетскіе дѣлили Божество на три причины: дѣятельную,

страдательную и злую, и сіе-то было тайное ихъ ученіе о Озиридѣ, Изидѣ и Тифонѣ. Другіе, хотѣвшіе изъяснить жизнь и движеніе въ натурѣ, сдѣлали Божество душею міра, такъ тѣсно съ онымъ сопряженною, что они раздѣлиться другъ отъ друга никогда не могутъ. Тѣ же, кои ближе подходили къ Истинѣ, думали, что Божество должно быть совсѣмъ отлично отъ матеріи; можетъ быть они заключали сіе изъ необходимаго чувствованія, что духъ несравненно лучше всякаго тѣла; можетъ быть также свѣтъ откровенія, сообщенный Іудеямъ, бросилъ нѣсколько лучей и къ нимъ. Къ симъ философамъ принадлежатъ Сократъ и Платонъ, хотя они все еще оставались такъ чувственны, что сотвореніе міра изъ ничего неоднократно заставляло ихъ допускать

сверьхъ Божества вѣчной пустой Хаосъ, и приписывать божеству образованіе только міра изъ Хаоса: отсюда выводили они всѣ видимыя и естественныя несовершенства въ мірѣ. Сіе мнѣніе произвело по томъ еще новыя безчисленныя заблужденія: но мы остановимся теперь на Египетскихъ, Халдейскихъ и Персидскихъ умствованіяхъ.

Большая часть Египтянъ погружена была въ самое постыднѣйшее идолопоклонство. Они боготворили все: звѣзды и насѣкомыхъ, чеснокъ и Царей. Мудрецы ихъ видѣли нелѣпость такого богопочитанія и прибѣгли къ философическимъ объясненіямъ, которыя казались не столь нелѣпыми, но въ самомъ дѣлѣ наполнены были еще большими бреднями; потому что весь ихъ смыслъ обращенъ былъ не на то, чтобы совсѣмъ истре-

бить глупости; а на то только, чтобы прикрыть ихъ темнотою. По ихъ системѣ, Божество разлито было по всѣмъ частямъ міра, такъ что изліянія его проницали въ звѣзды, людей, звѣрей, растѣнія, и во всѣхъ насѣкомыхъ, болѣе или менѣе. Такимъ образомъ все учинилось божественнымъ и все заслужило честь поклоненія; потому что все было Божество, или боги.

Для такого разлитія Божества надлежало сыскать матерію, во что ему разлиться; и они составили себѣ *нѣчто*, въ которое могло Божество изливаться, и сіе *нѣчто* соединено было съ Божествомъ неразрывно. Сіе *нѣчто* была матерія, или вещество. Но какъ въ оной нашлось много несовершенствъ, и они не хотѣли приписать оныя тому, что въ ней разлито: то при-

нуждены были изобрѣсть новое *нѣчто*, которое находило удовольствіе портить все то, что доброе *нѣчто* въ страдательномъ *нѣчтѣ* производило. Доброе *нѣчто*, все наполнявшее, назвали они Озиридомъ, которое имя, можетъ быть, принадлежало какому нибудь доброму Государю: страдательное же *нѣчто* называли Богинею Изидою, съ которою Озиридъ совокупился бракомъ; и по всему кажется, что Изида дѣйствительно была жена или сестра того Озирида. Сей бракъ былъ не безъ слѣдствій: отъ него родился Орусъ, или Міръ. Злобное *нѣчто* называли они Тифономъ, который разрушалъ все, что Озиридъ и Изида производили добраго. Такъ сіи мнимые мудрецы, погнавшись за вымыслами удовлетворились одними словами; вымыслили себѣ нѣчто, и опять нѣчто,

и еще нѣчто, и не нашли Бога. Діогенъ, Лаэрцій, Порфирій и Эвсевій не несправедливо обвиняли Египтянъ, что они самый міръ почитали за Бога; ибо всѣ сіи *нѣсты* что иное, какъ не матерія?

Ученіе философовъ Халдейскихъ было не лучше. Систпема ихъ Зороастра и Белюса, или Вила, покрыта темнотою. Съ перваго взгляда она обѣщаетъ много хорошаго. Они называли Бога Царемъ и Отцемъ всѣхъ вещей; учили, что всякой порядокъ и красота въ натурѣ происходитъ отъ Его провидѣнія: но сіе Божество и провидѣніе было ничто иное, какъ душа, наполнявшая все твореніе, изъ которой истекли великіе духи, имѣвшіе надзоръ надъ всѣми частями вселенныя, нижніе боги, демоны и герои. Кромѣ сихъ добрыхъ духовъ былъ еще родъ злыхъ и лукавыхъ ду-

ховѣ, которые находились вѣ непрестанной враждѣ сѣ оными. Сіи нелѣпости произвели поклоненіе звѣздамѣ, и что еще болѣе доказываетѣ помраченіе ихѣ ума — породили изѣ себя Магію и Астрологію — науки, чрезѣ которыя по особеннымѣ стояніямѣ звѣздѣ хотѣли опредѣлять участи человѣковѣ, достигать до ближайшаго обхожденія сѣ самимѣ Богомѣ и прозрѣвать вѣ будущее. Халдейское ученіе о происхожденіи міра было не лучше. Вѣ началѣ все было ночь и вода. Изѣ сего Хаоса образовались нѣкоторыя чудовища. Женщина, по имени Оромака, имѣла надѣ ними надзорѣ. Белюсѣ раздѣлилѣ по томѣ все оное, истребилѣ чудовищѣ, и отсюда произошли небо и земля. Самое поверхностное сравненіе сего ученія сѣ повѣствованіемѣ Моисеевымѣ о происхожденіи

міра можетъ удостовѣрить насъ, что оно ничто иное, какъ испорченные и искаженные остатки перваго откровенія.

Персы также имѣли своего Зороастра, который, полагаютъ, жилъ во времена Дарія Гистаспа. Извѣстно, что народъ сей отдавалъ божескую честь огню, и покланялся солнцу за то благо, которымъ земля и весь родъ человѣческой ему обязаны. Но умнѣйшіе изъ нихъ увидѣли, что солнце не могло быть источникомъ всѣхъ вещей. Они хотѣли проникнуть далѣе и запутались въ разныхъ бредняхъ. Зороастръ соединилъ ихъ всѣ въ одно; и сія система имѣла болѣе связи и согласія, нежели Халдейская. До него философы не находили въ натурѣ ничего прекраснѣе *Свѣта*, и ничего плачевнѣе и хуже *Тьмы*. Для изъясненія сотворенія міра и

происхожденія зла, полагали они два главныя Божества — Свѣтъ и Тьму, назвавъ первое Митрою, второе Ариманіемъ. Оба сіи имена, такъ какъ имена Озирида и Тифона, заимствованы, можетъ быть, отъ противныхъ свойствъ какихъ нибудь Государей. Система ихъ въ семъ случаѣ ничѣмъ не разнилась отъ Египетской: но они воображали, что чрезъ нее могутъ непремѣнно изъяснить все то, что въ натурѣ казалось имъ непонятнымъ. Существо свѣтоносное было источникомъ свѣта и блаженства; мрачное было источникомъ тьмы и всего того, что злымъ они почитали. И такъ было два Божества въ непрестанной брани между собою, хотя существо Свѣта было сильнѣе Ариманія. Ученіе сіе *Манесъ* возобновилъ послѣ между Христіанами. Зороастръ примѣтилъ

слабость сей системы, и захотѣлъ вывесть всѣ вещи изъ одного источника. Почему сдѣлалъ онъ Бога *огнемъ духовнымъ*, что и былъ его Митра. Лучи, или части сего огня до происхожденія міра, были стянуты вмѣстѣ; но какъ это былъ огонь духовный, то онъ принялъ однажды намѣреніе испустить лучи свои, и тогда явился грубѣйшій свѣтъ, который въ солнцѣ и прочихъ звѣздахъ сіяетъ; и сіе-то было Зороастровъ Оромаздъ. Сей грубѣйшій свѣтъ равномѣрно не захотѣлъ держать лучей своихъ въ однихъ предѣлахъ, и испустилъ ихъ изъ себя: отсюда разныя излія свѣта. Чѣмъ же болѣе лучи удалялись отъ главнаго своего источника, тѣмъ менѣе становились они свѣтомъ; а чѣмъ менѣе становились свѣтомъ, тѣмъ болѣе дѣлались тьмою, и тѣмъ вещественнѣе,

матеріальнѣе. Такимъ образомъ произошелъ Ариманій или матерія, причина всѣхъ несовершенствъ. Какъ скоро Ариманій явился, то вступилъ въ брань со Свѣтомъ: но Зороастръ заранѣе пріуготовилъ все такъ, чтобы сія гибельная брань не вѣчно продолжалась. Первое существо Свѣта соберетъ паки лучи свои и сосредоточится въ самомъ себѣ; и какъ Тьма, матерія и всякое зло по сей системѣ суть только неизбѣжныя слѣдствія удаленія изтеченій свѣта отъ источника Свѣта: то онѣ и должны кончиться, какъ скоро всѣ части свѣта соберутся въ свой источникъ.

Изъ сихъ ложныхъ мыслей о Божествѣ, о происхожденіи міра и зла послѣдовало столь же ложное и нравоученіе. Примѣтя, что при всѣхъ грубыхъ порокахъ и распутствахъ слѣдовали въ тѣлѣ человѣ-

ческомъ всегда бурныя движенія, приписали весь безпорядокъ матеріи. Никто не искалъ онаго въ волѣ и приписывали порокъ насилію тѣла. Всѣ нравственныя правила относились не на исправленіе воли, а на разрушеніе тѣла. Въ семъ разумѣ понимать должно всѣ увѣщанія ихъ къ воздержанію и умѣренности. Они предписывали множество разныхъ очищеній по сей только системѣ ихъ, которая дѣлала матерію источникомъ всякаго физическаго и нравственнаго безпорядка. Нравоученіе сіе весьма согласовалось съ меланхолическимъ и ипохондрическимъ темпераментомъ восточныхъ народовъ. Человѣческой разумъ не впалъ бы въ такія ученія, естьли бы человѣки не позабыли, что Богъ для прославленія Своего можетъ *ничему* повелѣть сдѣлаться *нѣчто*, и что при-

чину всѣхъ нравственныхъ, и даже физическихъ безпорядковъ должно искать не въ матеріи, но въ сотворенной доброю и употребленной во зло свободной волѣ духовъ.

Сія глупая мудрость въ то время, когда слѣдовало распространиться Христіанской религіи, овладѣла всѣмъ Востокомъ, и особливо между Сирянами и Египтянами нашла многихъ почитателей; но бывъ слѣдствіемъ воспаленнаго воображенія, необходимо долженствовала претерпѣть разныя перемѣны. Чѣмъ болѣе человѣческой разумъ предавался столь невѣрному вождю, тѣмъ болѣе впадалъ въ фанатизмъ: но всѣ перемѣны касались только наружности сего Зороастрова зданія; Божество же всегда оставалось существомъ матеріальнымъ, изъ котораго всѣ другія существа произтекали. Изобрѣли только новые

роды изліяній; перемѣнили только имена; сдѣлали только новыя метафоры, которыя значили не болѣе прежнихъ. Имена Митры, Оромазда и Аримания истребились; не говорили уже о источникѣ Свѣта, а стали говорить о *Полнотѣ*, называя ее Греческимъ словомъ *Плерома*. Не говорили уже о изліяніяхъ, а говорили о *Эонахъ*, или духовныхъ натурахъ, которыя Божество изъ существа своего въ *Полнотѣ* породило. Сіи *Эоны* были не такъ превосходны, какъ Богъ: однакожъ совершенны. Они родили изъ себя новыя существа, а сіи новыя существа еще другія натуры и такъ далѣе до того, что послѣдніе выродки не стали походить на первыхъ. — Въ цѣпи существъ, по сей премѣненной Зороастровой системѣ нижнія порожденія Эоновъ были матерія; божественное же,

еще въ ней заключавшееся, было ничто иное, какъ неопредѣленная слабая сила, которая хотя и приводила тьму, или матерію въ нѣкоторое, но весьма безпорядочное движеніе. Естьли бы какой новый философъ захотѣлъ поправить сію систему: то ему стоило бы самые нижніе Эоны сдѣлать духами, которые бы могли раждать изъ себя только монады съ темными понятіями. Изъ множества такихъ монадъ произошла бы по томъ глыба грубой и неустроенной матеріи; а нѣкоторыя вышнія натуры, находящіяся въ *Полнотѣ*, примѣтя сей безпорядокъ, захотѣли бы уменьшить его и сотворить изъ сей матеріи тварей на нихъ похожихъ; но какъ такое предпріятіе превосходило ихъ силы, и они не могли овладѣть всею матеріею, то хотя и образовали они изъ нее человѣка; но не могли дать

ему ничего, кромѣ скотской души.— Говоря языкомъ Зороастровымъ, они сами были только лучи перваго Свѣта, и потому дѣйствительно не могли ничего удѣлить матеріи, кромѣ слабыхъ и маломощныхъ искръ, и сіе удѣленіе ослабило ихъ самихъ. И такъ все, что въ человѣкахъ есть порочное, должно приписать отчасти матеріи, отчасти безсилію ихъ творцовъ. — Первое Божество отъ вѣчности покоилось въ своей *Полнотѣ*; оно есть причиною міра потому только, что оно причиною Эоновъ, порожденныхъ имъ въ *Плеромѣ*; и потому не оно виною, что міръ несовершенъ. Оно дѣйствительно предпринимало исправить міръ: но гордость Эоновъ, почитавшихъ произведеніе свое совершеннымъ, воспротивилась благимъ намѣреніямъ Божества. Однакожъ удалось Ему со-

общить міру многіе знаки своей благости и силы. Разумный духъ человѣка Его твореніе. Оно даровало ему оный для обузданія насильства матеріи и страстей. Творцы человѣковъ почли сіе за нападеніе на ихъ права; стали тому противиться и мучить человѣковъ, которые теперь стонутъ во узахъ сихъ завистливыхъ духовъ. Сколь бы злополучные были человѣки, естьли бы наилучшій Богъ (творцы человѣка хотя боги, но только похуже,) не посылалъ иногда изъ *Полноты* въ человѣческія тѣла разумныхъ духовъ первой степени, которые чрезъ Магическія науки, на примѣръ чрезъ фигуры, подъ извѣстными созвѣздіями составляемыя, могутъ препятствовать завистливымъ духамъ и обуздывать вредное ихъ властительство. По сему-то всѣ сіи фанатическіе философы почитали Ма-

гію, или волхвованіе за величайшій даръ Божества.

Вопъ, любезный другъ, почти всѣ основанія перемѣненной Зороастровой философіи, которая, потому что господствовала на востокѣ, и называется *восточною*. Симъ яснымъ развитіемъ сего безумія науки обязяны *Мосгейму*, который съ великимъ трудомъ могъ собрать остатки онаго изъ древности. Только въ томъ, кажется, Мосгеймъ отступаетъ отъ плана Зороастровой системы, что онъ утверждаетъ, будто бы въ оной грубая, безобразная матерія почиталась равновѣчною первому Божеству и Эонамъ. — Правда, сіе было ученіемъ древнихъ Египетскихъ и Персидскихъ философовъ, и древніе въ извѣстіяхъ своихъ о философіи восточныхъ народовъ много упоминаютъ и о сей грубой матеріи: но,

не смотря на то, вѣроятнѣе, что сіи фанатическіе мудрецы не признавали матеріи вѣчною. Для того-то и приняли они *Эоновъ*, не хотя выводить происхожденіе зла отъ двухъ равно вѣчныхъ существъ, а только отъ одного. Они довольствовались тѣмъ, что Божество ихъ не было только непосредственною причиною находящихся въ мірѣ несовершенствъ. Впрочемъ естьли бы они захотѣли признать матерію равно вѣчною Богу: то не имѣли бы нужды въ Эонахъ. Зороастръ искалъ происхожденія ея въ далекомъ удаленіи истеченій свѣта отъ перваго источника. — Для новыхъ философовъ, вышедшихъ изъ его школы, было сіе сомнительно, а для большей части и непоняпно; почему они выводили матерію изъ безсилія нижшихъ Эоновъ, которые не могли родить лучшаго. Впрочемъ не

для чего много заботиться о томъ, которыя бредни лучше; довольно того, естьли мы усматриваемъ, для чего послѣдователи Зороастровой философіи изобрѣли Эоновъ, столь разныхъ родовъ и племенъ.

А какъ всѣ сіи положенія были только игра воображенія: то не для чего удивляться разногласію сихъ философовъ. Одинъ довольствовался немногими *Эонами*, другой требовалъ ихъ тысячи, дабы отвести сомнѣніе, что самъ Богъ сдѣлалъ міръ несовершеннымъ. Столь же рознились они въ мнѣніяхъ и о творцахъ міра. Одни приписывали честь творенія одному только *Эону*, другіе многимъ таковымъ духамъ. Одни почитали Эоновъ весьма сильными, другіе весьма немощными и худыми натурами, смотря по тому, болѣе или менѣе внутреннее ихъ расположеніе допускало ихъ

находить добра въ мірѣ. Столь же мало согласны были они въ разсужденіи опредѣленія, гдѣ собственно есть мѣсто зла, какія должности нужно исполнять человѣкамъ, и какой участи подвергнутся души ихъ по разрушеніи тѣла. Всѣ приписывали нравственное зло либо матеріи, которою душа объята, либо тиранству и зависти Эоновъ, не хотѣвшихъ видѣть тварей своихъ совершеннѣйшими. Изъ столь нечистаго источника долженствовало произтечь столь же нечистое и нравоученіе, какъ-то въ послѣдствіи мы обстоятельнѣе увидимъ. Одни хотѣли измучить тѣло муками, другіе утѣхами, и никому не приходило въ голову, что прежде всего должно стараться исправить волю человѣческую; ибо ни одинъ изъ сихъ философовъ не искалъ повреженія человѣческой натуры въ волѣ.

Тщетно будемъ мы искать лучшей мудрости между философами Греческими, Римскими и другихъ Западныхъ народовъ. Правда, они менѣе бредили: но религія ихъ не болѣе имѣла истины и изящности. У *Эпикурейцовъ* не было Бога, или по крайней мѣрѣ ихъ Богъ былъ такъ празденъ, такъ недѣятеленъ и такой сонный, что ни въ бытіи, ни въ сохраненіи, ни въ управленіи міра не принималъ участія. Когдажъ совѣтовали они человѣку исполнять добродѣтель: то совѣтовали это только для удовольствія, съ нею сопряженнаго. *Академики* сомнѣвались; не знали даже, есть ли истина. Хотя они не отрицали, что боги быть могутъ, но и утверждать сего не хотѣли. Они не имѣли вѣрныхъ и несомнѣнныхъ признаковъ истины; иногда то, иногда другое, говорили они, кажется истиннымъ;

или прямѣе сказать, неизвѣстно, то ли, или другое истинно. Богъ *Аристотелевъ* былъ ничто иное, какъ движущая сила въ натурѣ, которая, приводя все въ движеніе, сама была неподвижна. Безсмертіе души, есть-ли онъ и не отвергалъ онаго вовсе, казалось ему сомнительнымъ. Нравоученіе его было пространно; но онъ весьма много прощалъ тому, кто старался охранить его славу и гражданской покой. Богъ *Стоиковъ* имѣлъ болѣе достоинства, величества и добродѣтели, нежели Богъ прочихъ философовъ; Онъ былъ лучше, и почитатель его дѣлалъ объ немъ самыя величественнѣйшія поняпія. Также Онъ былъ не столь празденъ, по тому что былъ душею міра, и слѣдовательно имѣлъ много важныхъ упражненій: но будучи соединенъ неразрывными узами съ матеріею, долженствовалъ, какъ и

прочія существа, покоряться вѣчной непремѣняемой необходимости. Стоикъ, видя, что человѣкъ подверженъ многимъ непріятнымъ впечатлѣніямъ, думалъ, что блаженство всякаго существа состоитъ въ совершенной ко всему нечувствительности. По сему судить должно и о нравственности ихъ, естьли не хотѣть обольщать себя высокопарнымъ ихъ ученіемъ. *Платоники*, казалось, имѣли еще лучшую и сноснѣйшую религію. Богъ ихъ былъ вѣченъ, премудръ и силенъ. Онъ создалъ міръ найсовершеннѣйшій, и души наши сотворилъ безсмертными. Сей мудрецъ велитъ еще добродѣтельнымъ надѣяться чего-то, а порочнымъ чего-то страшиться по смерти; но все сіе основано болѣе на догадкахъ, нежели на достовѣрности. Они не имѣли никакого твердаго и опредѣленнаго ос-

нованія сей истинѣ. Богъ ихъ не могъ бы ничего и сотворить, естьлибъ не нашелъ вѣчной матеріи. Богъ ихъ не все вѣдаетъ, не все недостаточное въ матеріи поправить можетъ, и сверьхъ того заключенъ въ нѣкоторое пространство; а потому не есть безпредѣленъ и неизмѣримъ. Ученіе ихъ о тѣлѣ, что оно есть темницею души, привело къ такому нравоученію, которое столько же удобно, какъ и восточная философія, могло породить фанатиковъ. Иные законы предписывали они мудрецу, иные простому народу. Отъ послѣдняго требовали они только такихъ добродѣтелей, которыми общественное благо и общественная безопасность сохраняются; а отъ мудреца, чтобы онъ всегда обращался въ себя и упражнялся непрестанно въ размышленіи, оплекаясь

отъ матеріи. При всемъ томъ Платоникъ остался бы весьма матеріаленъ, естьлибъ онъ и учредилъ себѣ республику по своему воображенію; по крайней мѣрѣ сластолюбцы получили бы въ ней тоже гражданское право, какъ и строгіе постники.

Религія Сѣверныхъ народовъ мало извѣстна. Большая толпа народа пребывала въ идолопоклонствѣ; и естьли *Барды* и *Друиды* у Цельтовъ и Нѣмцовъ и были прозорливѣе простаго народа: то характеръ сихъ народовъ ясно доказываетъ, что мудрость ихъ сдѣлала людей не лучшими, а только суровѣйшими, нежели другіе народы.

Сія краткая исторія религіи восточныхъ мудрецовъ доказываетъ намъ, сколь слабъ человѣческой разумъ безъ Божественнаго просвѣщенія; доказываетъ, какую нужду и-

мѣлъ міръ въ Божественномъ Учителѣ, которой бы прямо показалъ и возвѣстилъ человѣкамъ назначеніе ихъ. Кто, кромѣ Бога, могъ разсѣять всю сію тьму и освободить человѣковъ отъ безчисленныхъ заблужденій? Онъ токмо могъ возвратить ихъ на путь истины и добродѣтели; отъ человѣковъ же не льзя было сего ожидать; потому что мудрѣйшіе изъ нихъ далеко устранились отъ истиннаго пути. Между тѣмъ ученіе въ мистеріяхъ древнихъ доказываетъ, что они, хотя и темно, однакожъ предощущали великія истины, въ лонѣ религіи кроющіяся: но добродѣтель обязана всемъ Христіанству. Оно, говоритъ Носселитъ, настоитъ прямо на исправленіе сердца, возвышаетъ натуральную религію; облагораживаетъ добродѣтели, которыя Христіанинъ творитъ для

Бога; научаетъ важнѣйшимъ должностямъ, которымъ никакой мудрецъ не училъ прежде, и которыя суть толь сильными побужденіями къ добродѣтели, какихъ тщетно у тѣхъ мудрецовъ искать мы будемъ. Одно Христіанство испровергло идолослуженіе со всѣми его мерзостями, утвердило спокойствіе Государствъ, и привело въ силу должности любви, сострадания и благотворительности; одно Христіанство сдѣлало ученіе религіи всеобщимъ и чрезъ основаніе видимой церкви прочнымъ.

И такъ, любезный другъ, путь, показываемый религіею, есть вѣрнѣйшая дорога къ Истинѣ и познанію. Невѣренъ и ненадеженъ путь, избираемый однимъ человѣческимъ разумомъ; при руководствѣ воли, или сердца пути человѣка надежнѣе; и тогда, когда разумъ молчитъ и

при всѣхъ возможныхъ доказательствахъ, можетъ быть, еще не успокоился; внутренній свидѣтель въ нашемъ сердцѣ вѣщаетъ и сладкимя узами чувства, ощущенія и дѣйствія влечетъ насъ къ Богу. Наше познаніе о Богѣ состоитъ въ познаніи отношенія твари ко Творцу. Чѣмъ болѣе очищается наше нравственное чувство, тѣмъ ближе дѣлаемся мы къ Божеству; и естьли вспомнимъ тѣ минуты, которыя душа наша, какимъ нибудь сильнымъ чувствомъ обращенная, воспаряетъ къ Богу и предъ Нимъ чувствованія свои излагаетъ: то признаемся, есть ли что сладостнѣе сего ощущенія?

Нравственное чувство, приведенное тогда въ дѣятельность и обращенное все къ сему Высочайшему Существу, какія производитъ въ насъ перемѣны? Тогда мы внутренно ощущаемъ, что Богъ есть, и

вмѣстѣ познаемъ возвышенность Его надъ нами. Сія созерцаемость для меня, любезный другъ, важнѣе всякихъ доказательствъ; и какъ она сближаетъ меня съ Богомъ и какъ бы вселяетъ Его дѣятельнымъ образомъ въ мое существо: то я познаю въ ней Божественнѣйшаго путеводителя, возводящаго духовный мой взоръ въ горній Божественный міръ.

Ученіе Христово и Евангельское, любезный другъ, есть Эмблематическое путеуказаніе къ высочайшему познанію. Земля не есть мѣсто для сего зрѣнія; здѣсь должны мы токмо созрѣть къ тому: но что мы въ вышнихъ сферахъ назначены отчасу дѣлаться чище и Богоподобнѣе, то мы живо чувствуемъ, и Христіанство можетъ въ ономъ насъ удостовѣрить. Съ симъ удостовѣреніемъ, съ сими поняті-

ями о Богѣ и религіи получите вы, любезный другъ, внутренній покой и блаженную радость, которая на всѣхъ стезяхъ жизни вашей сопровождать васъ будетъ.

Величайшимъ доказательствомъ святости откровенія служитъ то, что разумъ человѣческой не далѣе восходить можетъ, какъ только до познанія перваго вѣчно необходимаго Существа. Сіе же познаніе хотя и можетъ удовлетворить испытующему разуму, но недовольно сильно къ подѣйствованію на волю, источникъ дѣятельности нашей. Сія ограниченность доказываетъ, что къ внутреннѣйшему познанію сего Существа долженъ быть другой путь, и сей путь есть частію внутреннее созерцаніе, или нравственное чувство добра, внутреннее Божественное око, частію особенное ученіе, преданное человѣку отъ Бога о

бытіи Его и отношеніи къ Нему, или откровеніе.

Откровеніе есть воспитаніе человѣческаго рода, говоритъ *Лессингъ*. Воспитываться къ будущему есть наше назначеніе.

Такимъ образомъ, любезный другъ, человѣкъ получаетъ первое понятіе о Богѣ. Первое познаніе его есть вѣра въ бытіе Его; другое познаніе при сей вѣрѣ есть естественное откровеніе, или, что все равно, чувственная очевидность.

Сія вѣра необходима: ибо какъ бы иначе получилъ человѣкъ понятіе о бытіи Божіемъ? Отъ сей естественной вѣры зависитъ религія и Богопознаніе всѣхъ народовъ: сіе сказываетъ намъ Исторія и преданіе. Съ начала міра вѣра сія находилась въ человѣчествѣ; она была зародышь, развертывавшійся повсемѣстно, болѣе, или менѣе, по спо-

собностямъ человѣковъ. Сей лучь познанія проницалъ чрезъ всѣ народы въ разныхъ степеняхъ рода человѣческаго.

За симъ началомъ нравственнаго чувства, или собственно духовнаго органа, слѣдуетъ, любезный другъ, другое ученіе о Богѣ, развертывающее болѣе оное первое. Оно состоитъ въ познаваніи Бога въ законахъ твореній Его, великой книгѣ Натуры. Преданіе и Исторія опять доказываютъ намъ, что познаніе нравственныхъ свойствъ Божескихъ у всѣхъ народовъ слѣдовало за вѣрою въ бытіе Его. Наконецъ человѣческая натура начинаетъ искать ближе познать Существо, въ бытіе котораго вѣруетъ; разумъ чувствуетъ нужду въ яснѣйшемъ познаніи, и чистая воля приводитъ добраго къ утѣшительному откровенію. Человѣкъ послѣдуетъ мановенію Бо-

жества и на пути его возжигается ему звѣзда, которая освѣщаетъ благочестивому стезю въ отечество, насъ ожидающее.

Такъ человѣкъ, слѣдующій законамъ откровенія, идетъ отчасу далѣе, препоручая просвѣщеніе души своей Существу, промышляющему о блаженствѣ всѣхъ земныхъ тварей. Тогда онъ чистое познаніе свое соединяетъ съ чистою своею волею и дѣйствуетъ по вѣчнымъ законамъ Божества. Воля его становится волею Вѣчнаго; и такимъ образомъ онъ отчасу ближе подходитъ къ подобію, къ единству; избираетъ Христа всегдашнимъ образцемъ своихъ дѣяній, и приближаясь болѣе къ натурѣ Божественной, наслаждается плодами усовершенствованія своего, или святости своей. Какъ внутренній духъ его возвышается, внутренняя его на-

тура надъ обыкновеннымъ человѣкомъ возносится, и онъ ежедневно подходитъ ближе ко Свѣту свѣтовъ: то безъ сомнѣнія долженъ онъ видѣть цѣпь существъ совсѣмъ съ другой стороны, нежели обыкновенные люди. На каждомъ шагу ему открываются тысячи неизвѣстныхъ силъ; онъ читаетъ священныя слова той вѣчной книги, изъ которой излилась жизнь въ существа; онъ познаетъ связь Божественнаго съ умнымъ и чувственнымъ; и Премудрость Божія приближается къ нему: но теперь подите, успокойтесь, любезный другъ. Въ слѣдующую ночь мы будемъ продолжать далѣе наши разсужденія.

N. B. Мнѣніе, поданное здѣсь Авторомъ о древнихъ философахъ и ихъ философіи, кажется, слишкомъ строго. Вѣроятно,

онъ увлеченъ былъ ревностію своею къ Христіанству, чувствуя, сколь великое счастіе быть Христіаниномъ, и сколь великое преимущество родиться въ Христіанской религіи; и въ жару усердія своего пожертвовалъ *всеобщностью* частности. Такъ пристрастіе и къ самому лучшему заставляетъ насъ часто оказывать несправедливость другимъ; ибо, бывъ предубѣждены противъ какого либо мнѣнія, системы, науки, секты, въ пользу своихъ, не можемъ уже мы находить въ оныхъ ту истину, или столько истины, которая, или сколько оной, въ нихъ находится. Напротивъ того неувлекаемый пристрастіемъ испытатель человѣческаго вѣденія, изъ натуры ли вещей, изъ самопознанія ли, изъ откровенія ли почерпнутаго, обрѣтаетъ вездѣ слѣды, изображенія, оттпечатки той же любимой имъ истины; и безчисленность пріемлемыхъ ею формъ радуетъ сердце его, давая ему познавать тотъ же *свѣтъ* въ разнообразныхъ видахъ. Времена, обстоятельства, умы и характе-

ры народовъ и частныхъ людей даютъ сему свѣту, такъ сказать, полагать только разныя грани на полированномъ хрусталѣ, которыя всѣ сливаются по томъ опять въ одинъ чистый свѣтъ; на примѣръ: Маги, пришедшіе въ Виѳлеемъ съ востока на поклоненіе новорождающемуся Младенцу, когда никто и изъ священниковъ избраннаго народа Іудейскаго не двинулся еще изъ Іерусалима, менѣе ли Іудеевъ вѣдали Христа? Менѣе ли желали и ожидали Его? — Что и самъ нашъ Авторъ приводитъ въ своихъ *Іероглифахъ ч.* 1; *стр.* 27. — Впрочемъ должно нашимъ читателямъ замѣтить: 1, что сіи *ночи* изданы Авторомъ еще въ 1791 году, а писаны можетъ быть и гораздо прежде; и съ того времени Авторъ, шествуя непрестанно мужественными шагами къ совершенству, безъ сомнѣнія пріобрѣлъ новыя знанія, какихъ не имѣлъ въ то время; 2, что самое слово *религія* пріемлется имъ въ грамматическомъ онаго смыслѣ отъ re-ligare, *вновь связывать*,

или *воз-соединять*; и въ семъ разумѣ Авторъ нашъ будетъ правъ; ибо что можетъ быть благороднѣе, драгоцѣннѣе, святѣе *слособа* нашего *возсоединенія съ Богомъ?— Примѣч. переводчика.*

НОЧЬ ДЕСЯТАЯ.

Все, что я вамъ говорилъ до сихъ поръ, любезный другъ, не есть воображеніе, или слѣдствіе Фанатизма. Я показалъ вамъ истины, въ натурѣ вещей кроющіяся, въ которыхъ вы сами можете удостовѣриться. Всѣ разумные и мудрые мужи во всѣхъ вѣкахъ отъ Сократа до Геллерта и Ерусалема, современниковъ нашихъ, въ нихъ между собой согласны; все ученіе ихъ заключается въ томъ, что человѣкъ назначенъ къ вышней цѣли, и что земля есть для него, такъ сказать, ночлегъ. Они всѣ въ томъ согласны, что человѣкъ чѣмъ болѣе отрѣшается отъ чувственнаго и переходитъ въ умное и духовное, тѣмъ возвышеннѣе, благороднѣе и

правильнѣе мыслитъ. Исторія міра и преданія самихъ древнѣйшихъ народовъ заключаютъ въ себѣ то по частямъ, что религія въ полномъ совершенствѣ намъ показываетъ. Тайное ученіе всѣхъ Аллегорическихъ таинствъ древности научило людей, что человѣкъ чрезъ чувственность низпалъ со степени созерцанія, на которой онъ стоялъ, и что только чрезъ возвратное шествіе можетъ онъ паки пріобрѣсть свѣтъ своего совершенства. Все великое и истинное, содержавшееся въ Миѳологіи у Грековъ и Римлянъ, въ ученіи о происхожденіи Боговъ и міра и въ священныхъ книгахъ древнихъ народовъ, въ *Шаслахѣ* у Гентузіанцовъ, въ *Зенд-а-вестѣ* у Персовъ, въ *Эддѣ* у Исландцовъ — словомъ, все, что во всѣхъ древнѣйшихъ и священнѣйшихъ преданіяхъ на земли

почерпнуто изъ чувства истины— все то религія наша показываетъ намъ въ несравненно превосходнѣйшемъ и чистѣйшемъ свѣтѣ, и доказываетъ изъ заблужденій философовъ, какую человѣческой разумъ имѣлъ нужду въ откровеніи. Взгляните на самаго себя, любезный другъ, и размыслите безпристрастно о всѣхъ дѣйствіяхъ вашей жизни. Не увидите ли вы сами, что чувственность есть причина всѣхъ нашихъ заблужденій и страданій? Чрезъ чувства же получаемъ мы всѣ наши познанія и заблужденія, и усмотрѣніе наше того или другаго зависитъ отъ нашихъ органовъ, и съ перемѣною оныхъ перемѣняется. Всякое чувственное удовольствіе улетаетъ на крыльяхъ времени и оставляетъ намъ свидѣтельство о своей невѣрности. Прекраснѣйшій цвѣтокъ въ рукахъ на-

шихъ увядаетъ; пріятность весны смѣняется туманными и сумрачными днями осени; старость похищаетъ у насъ утѣхи молодости; разлука и смерть лишаетъ насъ друзей и любезныхъ намъ — все тлѣнно; однѣ внутреннія радости и спокойствіе совѣсти остаются невредимы въ сердцѣ нашемъ.

Что доставляетъ намъ чувственность, любезный другъ? Страданія и печали. Она обманщица, показывающая посредствомъ волшебнаго фонаря своего ослѣпленнымъ очамъ нашимъ разныя фигуры, которыя съ огаркомъ свѣчи изчезаютъ — показывающая тѣни безъ существа, которыя покажутся и тотчасъ изчезаютъ. Она возбуждаетъ въ насъ скотскія похоти, дѣлаетъ ихъ ненасытными, и награждаетъ насъ, измѣнница, раскаяніемъ и слезами.

Все царство чувственности, лю-

безный другъ, ограничивается любовію къ себѣ и къ міру; а въ нихъ-то и состоитъ наше поврежденіе: она противна великой цѣли нашей — любви къ Богу и ближнему. Сія любовь имѣетъ основаніемъ истину и добро; а та одну ложь и зло, которое и произошло отъ того, что человѣкъ удалился отъ первой своей цѣли, любви къ Богу и ближнему, и заключилъ себя въ одной любви къ себѣ и къ міру, составляющей чувственность, унизившую его до скота.

Человѣкъ имѣлъ вышшее назначеніе; для него сотворены блага духовныя, а не чувственныя; но онъ не захотѣлъ наслаждаться ими, и яко духъ могъ ими не наслаждаться, злоупотребя свое вѣденіе. Онъ вѣдалъ связи умнаго съ чувственнымъ, и сіе вѣденіе свое устре-

милъ на доставленіе себѣ чувственнаго наслажденія. Тогда покрылся онъ звѣриною кожею, почувствовалъ наготу свою, и не могъ уже воспарить, потому что чувственность наложила на него цѣпи. Болѣзни и смерть сдѣлались жребіемъ его; праведное наказаніе за преступленіе — необходимымъ слѣдствіемъ его заблужденія.

Безъ откровенія, любезный другъ, человѣкъ никогда бы не достигъ тѣхъ великихъ истинъ, чрезъ которыя можетъ онъ паки возвеститься и возвратить себѣ потерянное достоинство. Одинъ Христосъ научилъ его сему и показалъ ему его уничиженіе, испытаніе, примиреніе и возстановленіе.

Безъ откровенія, любезный другъ, человѣкъ не можетъ успѣть въ вышнихъ знаніяхъ. Какъ можетъ онъ судить о силахъ духа человѣческа-

го и силахъ натуры, когда ему неизвѣстно первое состояніе чистаго человѣка и неповрежденной натуры? Ограниченность его есть главнѣйшая причина безчисленныхъ заблужденій; и міръ и человѣкъ вѣчно останутся для него загадкою, потому что онъ хочетъ измѣрять духовныя силы тѣлесною мѣрою.

Одна религія, любезный другъ, ведетъ къ вышней премудрости; ибо она ведетъ къ созерцанію и къ Богу. Языкъ сей покажется страннымъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ; ибо большая часть человѣковъ не знаютъ уже религіи, и многіе изъ нашихъ ученыхъ отвергаютъ откровеніе, какъ басни, вымышленныя только для простаго народа. Но, любезный другъ, не давай увлекать себя заблужденію. Оно находится токмо въ чувственномъ; у Бога же,

гдѣ самая созерцаемость, едина истина.

Немного я посулю вамъ, когда скажу, что ежели вы чистосердечно слѣдовать будете святымъ законамъ религіи и ученію Христову, и постараетесь чрезъ заслугу Искупителя пріобрѣсть паки потерянное достоинство человѣка: то вы достигнете высочайшей степени человѣческаго познанія. Сіе находится въ самой натурѣ вещи: ибо какъ быть близь свѣта, и не освѣщаться имъ? Какъ глядѣть на солнце и не ощущать теплоты его? Какъ же величественно сіяютъ капли росы утренней, когда восходящее солнце ихъ освѣщаетъ! Столь же величественно, любезный другъ, сіять будетъ душа твоя, когда, сдѣлавшись чистою, подобно каплямъ росы утренней, будетъ освѣщаться вѣчнымъ солнцемъ.

Религія, любезный другъ, содержитъ въ себѣ великія доказательства своей святости. Она имѣетъ, говоритъ Оригенъ, доказательства духа и силы: одни состоятъ въ чудесахъ, другія въ предсказаніяхъ. Кто же можетъ отказать въ исторической вѣроятности симъ доказательствамъ? Не тысячи ли людей были очевидцами чудесъ?

Не Божій ли Духъ дѣйствовалъ въ Апостолахъ? Не тотъ ли же Духъ дѣйствовалъ и во святыхъ? Воскрешеніе мертвыхъ, изцѣленіе больныхъ, что иное были, какъ не слѣдствіе силъ освященія?

Философы наши, правда, не имѣютъ о семъ понятія и могутъ ли и имѣть оное о вышнихъ вещахъ, когда они вещи и дѣйствія духовныя хотятъ объяснять тѣлесными причинами? Гордость, любезный другъ, не ведетъ къ симъ знаніямъ;

они суть дары вѣры и исправленной воли. Духъ религіи не имѣетъ ничего общаго съ земнымъ. Удивительно, что человѣкъ, слабая и немощная тварь, которой грубые органы едва освѣщаются малѣйшимъ лучемъ свѣта, дерзаетъ проникать во святилище Божества и властительски изпровергать тайны вѣчныя, потому только, что низкія его понятія не могутъ досязать высоты неизвѣстныхъ ему истинъ. Не должно ли сказать такому: возвратись паки въ твое ничто, прахъ надменный! или ты думаешь, что пылинка, измѣряющая твою великость, можетъ измѣрить также и вѣчность?

Давно, любезный другъ, мистеріи занимали невѣрующихъ; и они ихъ отвергли, не подумавъ о томъ, что вся натура на каждомъ шагу предлагаетъ имъ новыя таинства.

Сіи милiоны мiровъ, плавающихъ въ неизмѣримости творенія — сіи нещетныя солнцы въ млечномъ пути — планеты и блуждающія звѣзды — что для насъ иное, какъ не таинства? Какъ мало знаемъ мы о цѣли бытія ихъ и назначенія! И въ самомъ нашемъ мірѣ какихъ таинствъ нѣтъ въ натурѣ? Кто изъяснилъ влагу, протекающую наши нервы? Кто объяснилъ происхожденіе ощутимости въ животныхъ? Кто изслѣдовалъ растительность и жизнь травъ и цвѣтовъ? Все сіе не есть ли для насъ таинство? Когда же и сей тѣлесный міръ, въ грубой своей оболочкѣ, скрываетъ отъ насъ вещи, коихъ мы постигнуть не можемъ: то религія, имѣющая предметомъ единаго Бога, не болѣе ли еще должна заключать въ себѣ таинствъ для ограниченныхъ понятій нашихъ? Удивительно, лю-

безный другъ, какъ невѣрующій не терпитъ таинствъ религіи, когда терпитъ таинства безбожія! Не пріемлетъ бытія вѣчнаго Бога, а допускаетъ вѣчную матерію! Отрицаетъ бытіе духовъ, а не сомнѣвается допустить скоту способность мыслить! Какъ справедливы сіи слова Баконовы, что только худой философъ сдѣлается безбожникомъ, а кто глубже проникнетъ въ святилище философіи, тотъ изъ безбожника сдѣлается вѣрующимъ! Но что говорить о сихъ системахъ нечестія и безбожія, распространившихъ ложное просвѣщеніе во времена наши? Онѣ не новыя; онѣ ведутъ корень свой изъ самой древности, и послѣдователи ихъ подновляютъ только старыя кощунства, надъ которыми религія давно возторжествовала. Лжефилософія, любезный другъ, неправильно пріем-

летъ названіе системы; она нейдетъ, а во тьмѣ бродитъ; религія просвѣщаетъ, невѣріе омрачаетъ, и производитъ паденіе и разрушеніе.

Невѣрующій не проницаетъ во внутреннее; онъ останавливается на внѣшнемъ, и потому никогда онъ не могъ потрясти внутренняго религіи.

Всѣ невѣрующіе стараются раздѣлить человѣковъ и возбудить пагубный эгоизмъ, причиняющій всѣ несчастія человѣковъ: религія же напротивъ того старается соединить человѣковъ, и учитъ познавать тотъ чистѣйшій источникъ, откуда истекаетъ блаженство человѣческое; она есть цѣпь любви, соединяющая человѣковъ съ человѣками и съ Богомъ.

Дабы познать достоинство религіи во всемъ ея величіи, стоитъ

только противоположить ученіе ея ученію невѣрующихъ. Одинъ изъ нихъ утверждаетъ, что доказательства о бытіи Божіемъ суть глупости, и что симъ отнимаются у человѣковъ способы къ ихъ счастію; другой говоритъ, что слова *духъ*, *душа*, выдуманы самолюбіемъ, и что прежде должно думать о тѣлѣ, нежели заниматься душею; третій, что всѣ дѣйствія наши происходятъ изъ самолюбія, и потому мы не обязаны благодарностію и любовію ни друзьямъ, ни благодѣтелямъ, ниже родителямъ. Таковы правила враговъ откровенія!

Чье же сердце, естьли оно сколько нибудь способно къ чувству добра, не предпочтетъ правилъ религіи положеніямъ невѣрія? Не свидѣтельствуетъ ли о святости откровенія и самое то, что гнус-

ность ученія враговъ его обнаруживается съ перваго взгляда?

Но всеобщее развращеніе человѣчества доказываетъ намъ, любезный другъ, справедливость Евангельскихъ словъ, что избранныхъ мало. Много ли найдется таковыхъ, которые бы были вѣрны святому ученію религіи? Ужасная, но ежедневно подтверждаемая истина!

Конечно всегда были люди, занимавшіеся истиннымъ познаніемъ Бога и истиннымъ служеніемъ Богу: но сіе малое число, кажется, всегда разсѣяно было по шару земному, и неизвѣстно самымъ тѣмъ, которые по наружности почитали сіе святое ученіе. Во множествѣ невѣрующихъ есть безъ сомнѣнія и нынѣ, будутъ и всегда люди добродѣтельные и чистые.

Добродѣтель, любезный другъ, находится въ тѣсной связи съ исти-

ною; истина есть существо вещей, а добродѣтель связь дѣйствій нашихъ съ существомъ и натурою вещей.

Въ царствѣ Божіемъ все порядокъ; человѣкъ имѣетъ способность познавать отношенія сего порядка; и способность поступать сходственно симъ отношеніямъ, есть основаніе его нравственности, которая, какъ уже я вамъ сказалъ, состоитъ въ великомъ законѣ любви.

Мудрый знаетъ, что любовь къ Богу и любовь къ себѣ суть противоположныя побужденія. Первая разширяетъ сердце человѣческое и дѣлаетъ его любовнымъ ко всѣмъ тварямъ: вторая сжимаетъ оное въ самомъ себѣ, и отвращаетъ отъ всѣхъ мирныхъ связей.

Любовь къ Богу совокупляетъ крѣпчайшими узами домашнее общежительство съ гражданскимъ:

а любовь къ себѣ питается только враждебными склонностями и разрываетъ дружбу и связи.

Откровеніе научаетъ насъ яснѣе познавать великія отношенія любви; оно показываетъ намъ путь къ высочайшимъ добродѣтелямъ и объясняетъ наше назначеніе, будущее наше блаженство.

Самый умъ, любезный другъ, долженъ побудить насъ покорить разумъ въ послушаніе вѣры, естьли мы размыслимъ, что все ученіе ея есть благо и служитъ ко благу человѣчества. Кто знаетъ Бога и разумѣетъ языкъ Его въ натурѣ, возвѣщающей повсюду о любви Его; тотъ разумѣетъ и языкъ религіи. Искренняя вѣра не только не стѣсняетъ ума, но еще способствуетъ ему къ покойному наслажденію внутреннимъ блаженствомъ. Невѣріе насмѣхается надъ таинствами вѣ-

ры; но, насмѣхаясь надъ вещами, коихъ оно не вѣдаетъ и вѣдать не можетъ, обнаруживаетъ тѣмъ свое безуміе.

Враги откровенія нападаютъ всегда только на внѣшнее, и въ доказательство своихъ умствованій приводятъ только соблазны, представляемые намъ исторіею церковною. Но не предсказалъ ли самъ Христосъ о соблазнахъ въ церкви, которые еще возвышаютъ внутреннее достоинство религіи, потому что сіе внутреннее никогда не измѣнялось?

Къ чему служатъ положенія невѣрующихъ? Кому полезны кощунства ихъ надъ религіею, провидѣніемъ и безсмертіемъ? Развѣ только порочному; ибо одинъ онъ старается будетъ ослабить истину, укрѣпляющую благо цѣлаго.

Подумай, любезный другъ, сколько

невѣрующій трудится, чтобы унизить достоинство священнаго писанія! Какія не писаны ругательства на книгу Моисееву! Для испроверженія истины прибѣгали къ физикѣ, къ памятникамъ древности, къ исторіи: но все было тщетно. Происхожденіе древнѣйшихъ народовъ, ихъ преданія и самыя басни стихотворцевъ говорятъ за истину сей книги тому, кто безпристрастнымъ окомъ смотритъ на вещи. Доказано, что древности Китайцевъ и Индѣйцевъ простираются не далѣе временъ Соломоновыхъ. Тысячи тысячъ лѣтъ, которыя имъ приписывали и которыя разными древностями утвердить старались, опровержены такими же древностями, найденными въ развалинахъ Геркулана. Тоже случилось и съ другими возраженіями. Астрономы открыли безчисленное множество

звѣздъ; физики дошли до того, что стали почитать свѣтъ тѣломъ, существенно различающимся отъ солнца; такимъ образомъ въ самомъ разпространеніи познаній о натурѣ открывались всегда большія и большія таинства.

Но для чего, скажутъ нѣкоторые, истина сіяетъ не въ полномъ свѣтѣ? Для чего не каждый духъ возбуждаетъ она къ удивленію? На сіи вопросы отвѣчаетъ одно откровеніе. Мы находимся въ состояніи, удаленномъ отъ свѣта; жизнь наша есть смѣшеніе свѣта со тьмою. Мы живемъ здѣсь въ сумракѣ, который только возвѣщаетъ намъ о будущемъ днѣ. Истина предметовъ, насъ окружающихъ, ни при какомъ другомъ свѣтѣ постигнута быть не можетъ, какъ только при свѣтѣ вѣры.

Истины, долженствующія привесть человѣка къ блаженству, по-

казываются ему религіею съ такой стороны, что онъ можетъ приближаться къ нимъ и удаляться отъ нихъ по законамъ свободы, которую человѣкъ необходимо имѣть долженъ. Куда онъ ни взглянетъ, вездѣ увидитъ отпечатки своего назначенія — указанія Божества, зовущаго его въ горняя.

Куда вы ни посмотрите, любезный другъ, вездѣ найдете предразсудки и заблужденія: только не въ вѣрѣ; ибо она изключаетъ всѣ предразсудки и заблужденія, самолюбіе, тщеславіе и высокомѣріе и все то, что міръ и чувствительность имѣютъ обманчиваго.

Религія, любезный другъ, предлагаетъ намъ чертежъ, исполненный связи, истины и величія. Первородный грѣхъ человѣка, законъ Моисеевъ, Божественность Іисуса Христа, Воскресеніе Его, основа-

ніе церкви Его, таинства вѣры— все имѣетъ связь и есть цѣпь, соединяющаяся съ нравственностію и составляющая съ ней едино. Не льзя отнять ни одного звѣна, не разорвавъ всей цѣпи. Въ Христіянствѣ, какъ и во всей натурѣ, видно единство и согласіе, возвѣщающія Творца цѣлаго. *Іосифъ*, Исторіографъ Іудейской, самъ долженъ былъ признать святость Христа. *Свѣтоній*, *Тацитъ*, *Плиній*, *Луціанъ* говорятъ о Христіянствѣ тоже, что и преданія. *Юстинъ*, *Лактанцій*, *Оригенъ*, *Тертулліанъ* и всѣ первые святые отцы свидѣтельствуются самыми язычниками въ разсужденіи доказательствъ духа и силы Христіянства, и въ разсужденіи пророчествъ и чудесъ; и сочиненія ихъ никто не опровергъ и никто не оспорилъ.

Халцидій и *Макробій* говорятъ

о звѣздѣ, явившейся мудрецамъ на востокѣ. *Флегонъ* и *Θаллъ* упоминаютъ о тьмѣ, покрывшей землю при смерти Христовой, и подтверждаютъ свидѣтельство Евангелія. *Юліанъ* сказываетъ о страшныхъ явленіяхъ, случившихся при возобновленіи храма Іудейскаго, говоря, что основаніе онаго поглощено было разверзшеюся землею; и письмена Раввиновъ сказываютъ тоже. *Цельсъ* и *Порфирій* описываютъ чудеса Христовы, и ищущій истины найдетъ во всѣхъ книгахъ древности совершенное согласіе.

Но, любезный другъ, религіи должно также учиться: а сего ученія не любятъ, по тому что не знаютъ религіи и не хотятъ знать ее; ибо она противна чувственности и самолюбію.

Посмотрите на гармоническое шествіе вѣры изъ вѣка въ вѣкъ.

Шаги истины вездѣ равно измѣрены; препятствія на пути ея всѣ были слабы, и она твердыми шагами преходитъ чрезъ нихъ и достигаетъ своего пристанища.

Цѣлые народы соединяются на разрушеніе закона Божія, закона отеческаго; даютъ другъ другу въ томъ клятву, и уступаютъ. Самъ народъ оставляетъ законы, оставляетъ истину, стремится къ своей погибели, и носитъ на челѣ своемъ проклятіе своего преступленія. Тщетно зломышленники соединяются противъ ученія Христова; облака, покрывающія святилище, при восходѣ солнца изчезаютъ.

Міръ есть явленіе преходящее; ветхій законъ былъ явленіе, которое уже прошло; самое царство Мессіи въ царствѣ времени еще несовершенно; ибо царство Его не есть отъ земли, но отъ вѣчности.

По законамъ порядка, все, что проходитъ чрезъ чувственное и преходящее, покрывается покровомъ мрака; токмо великій день вѣчности освѣтитъ всѣ вещи; тамъ изчезнетъ всякая покрышка, и око души получитъ созерцательность. Человѣкъ несправедливо жалуется на сію таинственную мрачность, покрывающую его на земли; сія мрачность есть справедливое наказаніе его: безъ труда, безъ прилѣжной работы никогда не получитъ онъ потерянаго свѣта.

Завѣса, скрывающая Божество отъ глазъ нашихъ, есть наше испытаніе. Когда время сего испытанія пройдетъ: тогда вскроется завѣса, и красота и величество Божіе явятся во всемъ ихъ великолѣпіи.

На земли Богъ видимъ только стому, кто Его ищетъ. Здѣсь являетъ Онъ въ простомъ видѣ добродѣ-

тельнаго, бѣднаго и утѣсненнаго мужа; суетный человѣкъ не узнаетъ Его, а узнаетъ только благочестивый; для такого Богъ вездѣ видимъ въ натурѣ и въ вѣрѣ: но все еще подъ покровомъ, чрезъ который проницаетъ только око смиренныхъ поклонниковъ.

Законы Божества, любезный другъ, сообразны великости совершенства Его, и добродѣтель есть согласіе дѣйствій нашихъ съ мыслями Его. И такъ нравоученіе Евангельское есть чистый умъ писанный, котораго, кромѣ сей Божественной книги, нигдѣ не найдешь.

Богъ есть солнце души. Когда набѣгаютъ въ насъ облака похотѣній: то они заграждаютъ благодѣтельный свѣтъ Божества, и мы бываемъ въ темнотѣ. Душа бываетъ въ ясномъ свѣтѣ только тогда, ко-

гда облака похотѣній, дѣла чувственности, разсѣваются.

И такъ вѣра, любезный другъ, ведетъ насъ къ величайшимъ истинамъ. Она научаетъ насъ, какъ я уже сказалъ вамъ, познавать происхожденіе, уничиженіе, испытаніе и примиреніе человѣка.

Первый человѣкъ наслаждался всѣми преимуществами чистаго духа; онъ покрытъ былъ нерушимою оболочкою, и никогда не узрѣлъ бы смерти, естьли бы непослушаніемъ не потерялъ сихъ священныхъ преимуществъ.

Мѣстомъ пребыванія его былъ счастливый Эдемъ, рай сладости, гдѣ онъ питался плодами блаженства. Яко царь міра, былъ онъ поставленъ въ срединѣ міра надъ всѣмъ земнымъ, и обозрѣвалъ всю окружность окружавшаго его круга чувственнаго.

Въ семъ состояніи первоначальной духовности наслаждался бы онъ вѣчно чистѣйшимъ блаженствомъ, естьли бы онъ не подвергся чувственности, и, прельстившись ею, не сдѣлался бы невѣрнымъ Богу. Тогда онъ потерялъ изъ виду окружность своего владѣнія, спустился въ чувственность, устремилъ око свое на ложное существо и погрязъ во тьмѣ и заблужденіи.

За паденіемъ необходимо слѣдовало заблужденіе, или все то, чего человѣкъ долженъ былъ стыдиться и противъ чего долженъ былъ сражаться; и въ семъ состояніи онъ останется дотолѣ, доколѣ не возвратится туда, откуда низпалъ.

Разорванная цѣпь человѣка съ Богомъ осталась бы навсегда таковою, естьли бы любовь Божія не послала Искупителя человѣку.

Сынъ Божій вступилъ въ посред-

ничество, ходатайствовалъ у Отца міровъ за изгнаннаго человѣка, съ состраданіемъ распростеръ къ нему руки; связалъ паки цѣпь, грѣхомъ разорванную.

Нынѣшнее состояніе наше, любезный другъ, еще хуже состоянія перваго падшаго человѣка; ибо съ меньшими силами и съ множайшими опасностями должны мы выдержать тотъ же бой съ прелестями чувственности. Въ семъ состоитъ природное и наслѣдованное поврежденіе наше.

Природное поврежденіе каждаго состоитъ въ собственной склонности ко злу; а наслѣдованное въ удовлетвореніи сей склонности.

И такъ долгъ нашъ сражаться за истину и свѣтъ, одуховляться, отрѣшаться отъ чувственнаго, удаляясь болѣе отъ самолюбія и любви къ міру.

Человѣкъ не нашелъ бы оружія къ сему сраженію, и не имѣлъ бы ни мужества, ни силы, естьли бы откровеніе не ознакомило его съ оружіемъ, которое въ сраженіи сообщаетъ и мужество и силу, показавъ воину Христову средство благодати, и явивъ ему во Христѣ образъ чистѣйшей добродѣтели.

Мы знаемъ изъ опыта, любезный другъ, сколь тѣло наше приковано къ чувственному. Тысячи прелестей непрестанно обольщаютъ насъ и отчасу глубже погружаютъ въ нечистоту стихійную.

Мы погибли бы на вѣки, естьли бы не пришелъ къ намъ Ходатай нашъ, Господь Іисусъ. Онъ показалъ путь къ достиженію паки того мѣста, отъ котораго человѣкъ удалился.

И такъ человѣкъ, желающій вознестись паки на ту высоту, съ которой онъ низпалъ, долженъ воз-

родиться во Христѣ: вотъ великое его назначеніе, его обязанность, и сему научаетъ его вѣра и религія.

Возродиться значитъ совлечься ветхаго человѣка, какъ говоритъ Павелъ, отречься отъ себя и міра, и жить только для Бога: вотъ путь къ истинѣ и свѣту; вотъ предметъ великаго дѣла искупленія и прославленія!

Но, любезный другъ, все стараніе наше о томъ не въ состояніи удовлетворить строгимъ требованіямъ Божескаго правосудія, и мы отчаялись бы въ избавленіи нашемъ, еспьли бы откровеніе не преподало намъ сильныхъ и дѣятельныхъ средствъ къ облегченію сей работы нашего примиренія и не содѣлало бы подвигъ нашъ возможнымъ.

Богъ, по безконечной любви своей, предложилъ намъ все, что мо-

жетъ возвратишь насъ изъ нашего изгнанія къ наслажденію жизнію, чадствомъ и свободою.

Средства сіи находятся въ лонѣ вѣры, гдѣ положилъ ихъ Искупитель человѣковъ; они суть сокровища видимой церкви Его на земли. Чрезъ послѣдованіе за Искупителемъ силы наши паки оживляются и возвышаются, и мы приходимъ въ состояніе подняться изъ глубины мрака и возлетѣть туда, гдѣ токмо покой обрѣтается.

Нынѣшняя жизнь наша есть мѣсто сраженія, мѣсто очищенія; и потому мы должны употреблять нужныя средства къ нашему спасенію.

Великое блаженство, любезный другъ, ожидаетъ того, кто возродится во Христѣ, кто, совлекшись ветхаго человѣка, облечется въ новаго, чрезъ котораго токмо мо-

жетъ онъ сдѣлаться способнымъ къ просвѣтлѣнію.

Кто не ведетъ жизнь духовную, то есть, кто не родится вновь отъ Господа, тотъ не можетъ достигнуть сего блаженства. Истинно, истинно говорю я вамъ, любезный другъ: кто не родится снова, тотъ не можетъ видѣть царствія Божія, такъ сказано у Іоанна.

Теперь спрашивается: что значитъ возродиться? Возродиться значитъ перестать жить по чувственности мірской, и начать жить по законамъ порядка духа, по образу Искупителя; мыслить, какъ Онъ мыслилъ; дѣйствовать, какъ Онъ дѣйствовалъ, словомъ: быть во всемъ Ему подобнымъ. Вотъ новый человѣкъ, который съ исправленіемъ духа своего живетъ новою жизнію, соединяется съ вышними мірами, и восходитъ къ царскому

достоинству, къ которому первый человѣкъ сотворенъ былъ.

Достоинство сіе состоитъ въ господствованіи надъ чувственностію, страстями и міромъ, и явленіи превосходства духа надъ тлѣнностію. Но вожделѣніе большей части человѣковъ устремлено на чувственное. Кто ищетъ въ мірѣ только удовольствій, сладостей и почестей, тотъ не есть отъ царства вѣчнаго. Царство духовное не имѣетъ никакой связи съ царствомъ чувственности. Не забывай никогда, любезный другъ, что человѣкъ назначенъ къ вѣчности. Мы существа двоякія: скотское тѣло наше принадлежитъ къ сему міру, а душа наша назначена къ царству безсмертія.

Сія душа, столь существенно отличающаяся отъ тѣла, имѣетъ совсѣмъ другіе законы къ блаженству,

нежели тѣло; и сіи законы суть гармоническіе законы міра духовнаго, составляющаго небо.

И такъ законъ и нашего духа есть тотъ, чтобы мыслить и дѣйствовать по сей гармоніи, то есть: чтобы мы во времени мыслили и разсуждали такъ, какъ мыслятъ и разсуждаютъ въ вѣчности; презирали бы то, что тамъ презираютъ; почитали бы и уважали то, что тамъ почитаютъ и уважаютъ; любили бы то, что тамъ любятъ; радовались бы тому, чему тамъ радуются. Сей образъ мыслей называется умомъ небеснымъ, умомъ того, кто возрожденъ во Христѣ.

При вступленіи въ сей міръ, мы получаемъ, любезный другъ, жизнь естественную, жизнь чувственную, въ которой человѣкъ себя и міръ любитъ паче Бога и ближняго. Сію жизнь ведутъ большая часть чело-

вѣковъ; но она не есть жизнь духовная, которой училъ Христосъ, и въ которую человѣкъ чрезъ религію возродиться долженъ.

Духовная жизнь состоитъ въ любви Бога паче всего, и ближняго, какъ самаго себя, по заповѣдямъ вѣры.

Каждый человѣкъ, любезный другъ, раждается отъ родителей во злѣ, любви къ самому себѣ и къ міру. Все злое, принятое имъ въ себя чрезъ привычки, обращается въ его натуру, и разпространяется на потомство, и потому-то расположеніе зла въ мірѣ чрезвычайно велико; ибо все происходящее изъ собственной жизни человѣка клонится на самолюбіе, или любовь къ міру.

Сіе естественное поврежденіе сдѣлало необходимымъ откровеніе; ибо только чрезъ вѣру и любовь къ

Господу естественная жизнь можетъ перемѣниться въ духовную.

Никто, любезный другъ, не можетъ возродиться самъ собою, хотя бы онъ зналъ все касающееся до новой жизни. Къ сей новой жизни принадлежитъ истинное, чему вѣрить, и доброе, что исполнять надлежитъ.

Сихъ вещей самъ собою никто знать не можетъ; ибо человѣкъ понимаетъ только то, что подпадаетъ подъ его чувства. Изъ нихъ почерпаетъ онъ свѣтъ, называемый свѣтомъ естественнымъ, чрезъ который видитъ онъ только то, что міру и ему свойственно, а не небесное и Божественное: сему долженъ онъ научиться изъ откровенія.

И такъ откровеніе даетъ законы для человѣка внутренняго, и сей внутренній человѣкъ долженъ возобладать надъ внѣшнимъ; ибо поря-

докѣ жизни у человѣка съ самаго его рожденія превращенъ, а именно: что должно господствовать, то служитъ; а что должно служить, то господствуетъ. И такъ порядокъ сей надлежитъ снова переправить: внутренній человѣкъ долженъ господствовать, а внѣшній служить. Когда сіе исполнится: то внутренній человѣкъ возродится, и тогда подтвердится сказанное у Іоанна: кто не возродится водою и духомъ, тотъ не можетъ внити въ царствіе Божіе. Вода, въ духовномъ смыслѣ, есть истина вѣры, а духъ есть жизнь вѣры.

Сколь ни важны открываемыя мною вамъ истины, любезный другъ; однако вы должны остеречься, чтобъ при размышленіяхъ вашихъ о нихъ не впасть вамъ въ заблужденіе. Изъ примѣровъ исторіи церковной должны вы научиться различать исти-

ны отъ заблужденій, введенныхъ еще въ первыя времена суевѣрами противъ святаго ученія Евангелія, и заимствованныхъ ими отъ языческихъ философовъ.

Платоники, Перипатетики, Скептики старались разными образами смѣшать заблужденія свои съ чистыми источниками религіи; и есть люди и нынѣ, которые, по недостатку правильнаго вѣденія исторіи, соединяютъ Платоническія, Пиѳагорейскія и Зороастровы положенія съ чистымъ ученіемъ Христовымъ, и вводятъ ищущихъ истины въ заблужденіе.

Слава имени Іисусъ-Христова и чудесъ Его подтверждена столь многими свидѣтельствами, что дерзость нападающихъ на нашего Искупителя почти непростительна. Новые Платоники признали его за великаго философа, который между

Іудеями зналъ истинный путь соединенія съ Богомъ ; они не сомнѣвались и въ чудесахъ Его, и утверждали, что Онъ не имѣлъ намѣренія отрицать Боговъ и отвращать міръ отъ служенія имъ: но чрезъ самое сіе утвержденіе они оспориваютъ Божественность Ѵпостаси Его. *Аммоній*, одинъ изъ знаменитѣйшихъ изъ нихъ, употребилъ всѣ метафизическіе способы къ обработанію изъ сего системы; призвалъ на помощь всю восточную мудрость, и сдѣлалъ систему, состоящую отчасти изъ ученія Христова, отчасти изъ положеній Зороастровыхъ, Платоновыхъ и Аристотелевыхъ; и потому былъ тѣмъ опаснѣе, что положенія истины откровенія Христова о единствѣ и троичности Божіей, о возобновленіи, просвѣщеніи и возрожденіи, о Архангелахъ и Ангелахъ и Посредникѣ между

Богомъ и человѣкомъ, заимствовалъ онъ для того, чтобы опровергнуть главное основаніе истинной религіи, что Христосъ, для искупленія рода человѣческаго, принялъ на себя человѣчество. Хотя *Аммоній* самъ ничего не писалъ, но система его осталась въ сочиненіяхъ *Плотина*, *Ямблиха* и *Порфирія*.

По системѣ Аммоніевой Богъ единый, неизслѣдимый и отъ самыя вѣчности покоящійся, родилъ изъ себя *умъ*, а умъ родилъ изъ себя Божественную душу. Богъ былъ свѣтъ, окруженный кругомъ свѣта, изъ котораго произошелъ новый кругъ свѣта. За симъ послѣднимъ кругомъ былъ еще кругъ темнѣе и имѣлъ нужду во свѣтѣ. Въ умѣ Божіемъ находился міръ со всѣми его частями, яко цѣлое, такъ какъ ручьи находятся въ источникѣ до истока ихъ. Но міръ, проистекшій

изъ *ума* Божія отъ самыя вѣчности, былъ оживленъ и образованъ *душею* Божественною, источникомъ всѣхъ духовъ и душъ, чрезъ *душу міра*. И такъ по сей системѣ можно сказать, что міръ вѣченъ, и можно сказать также, что онъ имѣлъ начало; ибо причина прежде дѣйствія. Такимъ образомъ примирялись Зороастръ, Платонъ и Аристотель для того, чтобы оспорить Христіянскую религію.

Изъ ума и души Божіей, по системѣ Аммоніевой, произошелъ необозримый рядъ духовъ, которые по порядку, и слѣдовательно по внутренней ихъ добротѣ, отличались другъ отъ друга: но всѣ были добры и въ своемъ родѣ совершенны. Духи, стоящіе на вышней степени, заслуживаютъ названіе боговъ. Они существуютъ наилучшимъ образомъ; могутъ дѣлать все

въ одно мгновеніе. Духи, слѣдующіе за Богами, суть Архангелы, Ангелы, демоны и души Героевъ. Всѣ они находятся между Богами и человѣками, и потому дѣлаются посредниками между ими и Божествомъ. И такъ все исполнено Боговъ, и естьли человѣки желаютъ вознестись къ Божеству: то должны почитать всѣхъ тѣхъ, кои между ими и Божествомъ находятся; поелику молитвы ихъ только чрезъ нихъ могутъ доходить до перваго Божества. Такъ думалъ Аммоній оправдать поклоненіе безчисленнымъ идоламъ, и защитить служеніе имъ отъ нападковъ Христіянъ.

Аммоній училъ, что чрезъ Теургическія науки можно призывать духовъ, а чрезъ угрозы заклинанія и тализманы прогонять демоновъ, по тѣсной и крѣпкой связи между собою всѣхъ изъ Божества про-

истекшихъ существъ. Ангелы и Демоны суть не совсѣмъ еще чистые духи, но только одарены тончайшимъ тѣломъ, нежели тѣло человѣческое. Правленіе міра раздѣлено между чистѣйшими духами; каждое государство имѣетъ своихъ особенныхъ боговъ; каждый человѣкъ своего Демона и Ангела. Тотъ по причинѣ чрезвычайной склонности человѣка къ матеріи, приковываетъ его къ оной, и заключаетъ духъ его въ тѣлѣ; а сей побуждаетъ и поощряетъ его освободиться отъ матеріи. Демоны суть истинная причина человѣческой склонности къ земному; отъ нихъ происходятъ болѣзни и безпорядки въ натурѣ. Богамъ пріятны только тѣ жертвы, гдѣ не бываетъ кровопролитія: Демоны же любятъ жертвы кровопролитныя; ибо они по причинѣ тонкаго ихъ тѣла чув-

ственнѣе и похотливѣе чистыхъ духовъ, не имѣющихъ такой оболочки.

Происхожденія душъ человѣческихъ, по системѣ Аммоніевой, должно искать не въ могущественной волѣ Божіей, а въ собственномъ существѣ ихъ. Онѣ произошли отъ него почти такъ, какъ происходятъ искры отъ огня, который ни мало отъ того не уменьшается и не уничтожается. Онѣ существовали уже, и не бывъ еще заключены въ тѣла. Склонность ихъ къ тому, что ниже ихъ, и вожделѣніе разпложаться были причиною ихъ паденія. Вожделѣніе раждать есть зло; отъ него произошли бѣдствія жизни человѣческой. Пока душа прикована къ матеріи и заключена въ тѣлѣ, до тѣхъ поръ она не можетъ наслаждаться истиннымъ блаженствомъ. Ибо чрезъ прилѣпленіе къ

матеріи прилѣпляется она къ тому, что не существуетъ, забываетъ существо свое, не чувствуетъ, такъ сказать, нужды въ самой себѣ, и не познаетъ себя. По справедливости можно назвать тѣло темницею души, и потому порочная жизнь есть истинное рабство. Естли же духъ хочетъ освободиться отъ сего рабства: то онъ долженъ все то опвергнуть, что не есть его; особливо долженъ стараться освободить душу свою отъ рабства тѣлу. И такъ цѣлію философіи есть освобожденіе души изъ плѣна тѣла; она должна паки обратиться къ истинѣ; должна чрезъ разсматриваніе истины вознестись къ чистѣйшимъ духамъ, и чрезъ нихъ соединиться съ Богомъ. Но таковое соединеніе съ Божествомъ, въ продолженіе жизни сей, не совершенно удается; соединенныя ду-

ши наслаждаются симъ счастіемъ уже въ нѣдрахъ блаженства. Только нѣкоторымъ великимъ духамъ удается и на земли иногда приводить себя въ такое состояніе, въ которомъ дѣлаются они вовсе *душего*, и могутъ созерцать самое Божество. Но толь великое дѣло, каково есть очищеніе души, совершается не вдругъ, а постепенно. Почему есть добродѣтели естественныя, кои украшаютъ тѣло, и чрезъ то ослабляютъ плѣнъ души; есть добродѣтели нравственныя, или гражданскія, кои сохраняютъ порядокъ и спокойствіе общее; и есть добродѣтели созерцательныя, кои отвлекаютъ человѣка отъ тѣла, обращаютъ его въ самаго себя и занимаютъ его разсматриваніемъ самаго себя; очистительныя добродѣтели, состоящія въ воздержаніи отъ тѣлесныхъ и чувственныхъ дѣй-

ствій, и освобождающія человѣка не только отъ склонности его къ матеріи, но и отъ оковъ самаго пѣла; чудодѣйственныя, (теургическія) добродѣтели, дающія мудрому способность къ связи и обращенію съ богами и приводящія его въ состояніе устрашать духовъ и повелѣвать демонами; наконецъ Божественныя добродѣтели, которыми душа обладаетъ тогда токмо, когда она, совлекши съ себя всякую оболочку и матерію, сдѣлается совершенно Ангеломъ, или еще болѣе, когда она соединится съ первымъ своимъ источникомъ и сдѣлается Богомъ.— Естьли человѣкъ во всю жизнь свою не только не предпринималъ подобнаго очищенія души своей, но еще чрезъ пороки далѣе удалился отъ перваго своего Источника и еще болѣе погрязъ въ матеріи: то онъ подверженъ опас-

ности быть по смерти заключеннымъ еще въ худшую темницу, нежели человѣческое тѣло, или переходитъ изъ одного тѣла въ другое до тѣхъ поръ, какъ совершенно освободится отъ матеріи. Естьли же человѣкъ и началъ сіе великое дѣло, но не довольно въ томъ успѣлъ во время жизни; то въ наказаніе за то при смерти не скоро достигаетъ жилища блаженныхъ, и долженъ совершить очищеніе свое въ среднемъ мѣстѣ, дабы достигнуть высочайшаго блаженства и потеряться въ Богѣ.

Вы видите, любезный другъ, что въ сей системѣ заключаются весьма многія истины. *Ямвлихъ* занялъ ихъ отъ древнихъ мудрецовъ и даже изъ ученія Христіянъ; но его ученіе скоро стали употреблять во зло; стали опровергать онымъ ученіе Христово, ослаблять вѣру къ

Божественности Его упостаси, и потрясать главнѣйшіе догматы вѣры. Есть еще и нынѣ таковые, которые обвиняютъ церковь, будто бы она ученіе объ Ангелахъ хранителяхъ и почитаніи ихъ, изгоненіи нечистыхъ духовъ, чистилищѣ, или мытарствахъ, заимствовала отъ Аммонія: но не основательность сего мнѣнія доказывается исторіею религіи и Апостоловъ; ибо истины, находящіяся въ системѣ Аммоніевой, заимствованы имъ отъ Христіянъ, а не Христіянами отъ него.

Все сіе, говорю я вамъ, любезный другъ, для того, чтобы остеречь васъ отъ распутій, и показать, что единъ есть Богъ, одна истина, одинъ Искупитель, одна религія. Но какъ, скажутъ, можетъ человѣкъ изъ такого множества религій узнать истинную? Сей самый вопросъ, любезный другъ, и незнаніе толь

важнаго предмета доказываютъ уже немощь человѣческую и необходимость въ вышнемъ веденіи. Человѣкъ долженъ прійти къ самому чувственному удостовѣренію о семъ предметѣ, и сіе возможно: тогда высочайшее невидимое Существо содѣлается понятнымъ уму его и подастъ ему наисильнѣйшія средства къ огражденію себя отъ обмановъ и ошибокъ. Какъ скоро человѣкъ начинаетъ искать сего свѣта и съ чистымъ сердцемъ вѣрно слѣдовать за симъ Существомъ: то онъ достигаетъ сего увѣренія, и получаетъ неложныя доказательства своей вѣрѣ.

Но на сей разъ довольно; подумайте хорошенько о предложенныхъ мною вамъ великихъ истинахъ; въ слѣдующую ночь побесѣдуемъ о семъ еще. Небо да благословитъ васъ силою къ шествованію путемъ правды!

НОЧЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

Взглянувъ на человѣческой родъ въ естественномъ его, лишенномъ вышнія помощи, состояніи, не льзя не увидѣть его паденія и разстройства: священное писаніе, разумъ исторія и опытъ свидѣтельствуютъ о семъ.

Откровеніе научаетъ насъ, что только чрезъ оное можемъ мы выти изъ сего бѣдственнаго состоянія. Евангельское же ученіе обходится съ нами, какъ съ больными; открываетъ намъ причины нашихъ болѣзней; показываетъ необходимость познанія сего бѣдственнаго нашего состоянія и даетъ намъ въ руки средство къ нашему изцѣленію.

Нравственно злое состояніе имѣетъ въ Св. писаніи разныя име-

на ; главнѣйшія изъ нихъ суть : грѣхъ, неправда, беззаконіе, *Евр.* VIII. 12, *Іоан.* III. 4. 6. 8. 9. VIII. 34. *Римл.* VI. 12. 14. 17. тьма, невѣдѣніе, *Еф.* V. 8. дѣла тьмы, *Римл.* XIII. 12, *Еф.* V 11. плоть, жизнь по плоти, дѣла плоти, *Римл.* VIII. 12. 13. *Гал.* V. 17. 19. сѣять въ плоть. VI. 8. мертвыя дѣла, *Евр.* VI. 1. дѣла діавола 1. *Іоан.* III. 8. дѣлать беззаконіе, *Матѳ.* VII. 23. XIII. 41. ветхій человѣкъ, въ противоположность новому. *Еф.* IV. 22. 24. *Кол.* III. 9. 10.

Сіе нравственно злое состояніе есть совокупленіе порочныхъ, противныхъ ученію и примѣру Христову свойствъ, которыя получаетъ человѣкъ или при рожденіи еще, или по собственной свободной рѣшимости. Первое есть естественное, или природное наше поврежденіе; второе пріобрѣтенное, или,

какъ Св. писаніе называетъ, наслѣдственный и произвольный грѣхъ. Средство пропитъ сего злаго состоянія человѣка состоитъ въ томъ: чтобы истреблять склонность ко злу въ самомъ ея зачатіи, и съ младенчества непрестанно возбуждать, подкрѣплять и приводить въ дѣйство склонность, стремленіе и способность къ добру. Человѣка съ юныхъ лѣтъ не словами только, но и примѣрами научать должно остерегаться всего злаго и стараться обо всемъ добромъ.

Такимъ образомъ склонность ко злу, не находя себѣ отвнѣ пищи, начнетъ ослабѣвать; а склонность къ добру, не препятствуемая противною склонностію, укоренится и возрастетъ; и такимъ образомъ человѣкъ чрезъ непрестанное упражненіе въ добрѣ съ Божескою помощію можетъ еще и здѣсь дост ь

высокой степени нравственнаго совершенства: но сіи правила обыкновенно міромъ отвергаются, и къ природному поврежденію прибавляется еще пріобрѣтаемое чрезъ.

1.) Худое воспитаніе, когда видитъ и перенимаетъ зло, или по крайней мѣрѣ не довольно остерегается отъ онаго и не довольно прилѣпляется къ добру. Естьли бы мы съ первыхъ дней нашихъ окружены были одними добрыми людьми, и ничего кромѣ добра не слыхали: то безъ сомнѣнія были бы несравненно лучше.

2.) Великіе недостатки какъ въ частномъ, такъ и въ общественномъ ученіи, въ юношескихъ уже лѣтахъ, много способствуютъ къ умноженію природнаго нашего повреждения; ибо въ обоихъ сихъ способахъ ученія многое по большой части бываетъ не объяснено, не со-

гласовано съ цѣлію, безъ практическаго исполненія, безъ возбужденія ревности къ тому. Ужаснуться должно, что самая метода ученія есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ невѣжества и порочности всѣхъ состояній.

3.) Недостатокъ въ собраніяхъ, кои бы имѣли цѣлію Богослуженіе и исполненіе Христіянскихъ добродѣтелей.

4.) Множество злыхъ людей и примѣровъ, которые особливо побуждаютъ къ подражанію; усиливаютъ склонность ко злу, дѣлаютъ порокъ или маловажнымъ, или даже почтеннымъ, и заранѣе знакомятъ насъ со многимъ зломъ. Тысячи сколько нибудь добрыхъ и честныхъ людей многому злу не научились бы, естьлибъ не видали и не слыхали онаго отъ другихъ.

5.) Гражданскія связи съ порочными.

6.) Худыя общества, которыми почитаю я не только тѣ, въ коихъ говорится и дѣлается худое; но и тѣ, въ коихъ не говорится и не дѣлается ничего добраго.

7.) Книги, не только тѣ, которыя оскорбляютъ религію, добродѣтель и добрые нравы; но и тѣ, кои не содержатъ въ себѣ ничего нравственнаго и не поощряютъ къ добру; ибо онѣ для разума и сердца равно вредны.

8.) Ложныя правила.

9.) Предразсудки въ важнѣйшихъ и святѣйшихъ догматахъ вѣры и дѣяніяхъ.

10.) Случайныя обстоятельства человѣка.

11.) Тѣлесное его состояніе.

Изъ сихъ источниковъ проистекаетъ нравственно злое состояніе человѣка, естьли не вдругъ, то мало по малу, и при томъ скорѣе,

нежели нравственно доброе состояніе и также скорѣе у одного, чѣмъ у другаго, по внутреннимъ и внѣшнимъ обстоятельствамъ. Въ началѣ человѣкъ дѣлается виновнымъ въ нѣкоторыхъ поступкахъ, противныхъ ученію религіи. Дѣяніе же (сужденіе, склонность, пожеланіе, ощущеніе, дѣйствіе) разумной и свободной твари вопреки законамъ разума и откровенія, особливо вопреки ученію и примѣру Христову, называется *грѣхомъ*.

Нѣкоторыя изъ такихъ дѣяній, въ нынѣшнемъ состояніи человѣческаго рода, свойственны всѣмъ людямъ, добрымъ и злымъ, исправившимся и не исправившимся. У первыхъ называются они *грѣхи слабости*, у вторыхъ *грѣхи злобы*.

Грѣхи слабости суть порочныя и съ ученіемъ и примѣромъ Христовымъ несогласныя дѣйствія исправ-

ляющагося человѣка, происходящія отъ естественной слабости, безъ собственнаго его желанія и согласія, и сопровождаемыя отвращеніемъ и исправленіемъ : а *грѣхи злобы* суть дѣйствія неисправляющагося человѣка, съ намѣреніемъ и по соизволенію его происходящія изъ готовности ко злу, и не сопровождаемыя отвращеніемъ и исправленіемъ. И такъ сіи два рода грѣховъ различны между собою и въ причинѣ и въ слѣдствіяхъ.

Грѣхи слабости болѣе или менѣе примѣтны и въ благочестивыхъ людяхъ, смотря по тому, болѣе или менѣе они исправились. Они также суть дѣйствительные и наказанія доспойные, нерѣдко опасные, и для времени и для вѣчности вредные грѣхи: почему наирачительнѣйше должно избѣгать оныхъ, и день отъ дня уменьшать число ихъ.

Изъ повторенія какого либо злаго дѣянія раждаются злыя свойства, или привычки и готовность ко злу. Сперва поселяются въ человѣкѣ худыя мысли, склонности, желанія и чувства, потомъ раждаются худыя слова и дѣла.

Порокъ есть готовность къ дѣйствію, противному ученію и примѣру Христову; почему грѣхи и пороки различаются другъ отъ друга. Каждая господствующая склонность къ какому либо грѣху есть порокъ, и дѣлаетъ человѣка порочнымъ; и человѣкъ, впрочемъ исправившійся, можетъ еще имѣть такой порокъ, или такіе пороки.

Изъ послѣдованія многимъ порокамъ происходитъ порочное, или грѣховное состояніе, которое заключаетъ въ себѣ нравственно злыя свойства, способности и качества, въ коихъ зло господствуетъ и одо-

лѣваетъ добро; въ семъ состояніи нѣтъ вовсе собственно нравственнаго добра, познанія, хотѣнія и силы къ оному.

Чрезъ такое поврежденіе всѣ силы духовныя и плѣсныя есть ли не вовсе разрушаются, по крайней мѣрѣ разстроиваются, а именно:

1.) *Умъ*, въ которомъ является неспособность къ познаванію важнѣйшихъ и нужнѣйшихъ вещей, невѣжество, предразсудки, наклонность къ опроверженію спасительнѣйшихъ истинъ, или сомнѣніе и заблужденія въ важнѣйшихъ истинахъ.

2.) *Разумъ*; ибо не онъ, а насильственныя страсти начинаютъ править человѣкомъ.

3.) *Воля*; ибо въ желаніяхъ ея не будетъ ни надлежащаго направленія, ни согласія, ни порядка, ни умѣренности.

4.) *Свобода*, которую хотя чело-

вѣкъ еще имѣетъ, но не ту, какую имѣлъ до грѣха, и которую Христіянинъ паки пріобрѣсть можетъ и долженъ — свобода въ выборѣ между добра и зла, гдѣ переживаетъ первое, а не послѣднее.

5.) *Чувствительность*; ибо невинныя чувспвованія развращаются, и злыя усиливаются и становятся пріятнѣе добрыхъ.

6.) *Понятіе*; ибо человѣкъ останавливается только на видимомъ, и судитъ о достоинствѣ, или недостоинствѣ вещей только по глазу, уху и осязанію; почему неразумная чувственность есть одинъ изъ главныхъ источниковъ безчисленныхъ грѣховъ.

7.) *Воображеніе*, которое начинаетъ господствовать надъ разумомъ и волею.

8.) *Память*, которая начинаетъ

гораздо легче принимать и удерживать въ себѣ злое, нежели доброе.

9.) Самыя *силы тѣлесныя*; ибо тогда тѣло не только ослабѣваетъ, но исполнено еще безпорядочныхъ склонностей, которыми душа не только препятствуется въ своихъ упражненіяхъ, но и различными способами побуждается ко злу и погружается въ тину безразсудной чувственности.

Съ каждымъ повтореніемъ злаго дѣйствія возрастаетъ готовность къ оному; и чѣмъ оное продолжаться будетъ долѣе, тѣмъ она будетъ болѣе; исправленіе же становиться будетъ темнѣе, и наконецъ собственно человѣку сдѣлается вовсе невозможнымъ. Въ такомъ состояніи, по самому направленію духа, человѣкъ неспособенъ уже къ счастливой и блаженной жизни.

Нравственная порча во всѣ вре-

мена была и нынѣ есть весьма велика и всеобща; и не Богъ тому виною, не Искупитель, не преподанныя Имъ силы и средства къ нашему исправленію, (которыми естьли бы міръ захотѣлъ воспользоваться; то до какого бы духовнаго совершенства могъ онъ достигнуть!) а собственная неизвинительная воля самаго человѣка. По ученію Іисусову около четвертой только части Христіянъ совершенно изцѣлятся чрезъ Него отъ сей порчи, и въ преимущественной степени исправятся; и при томъ одни болѣе, нежели другіе, какъ-то видно изъ того же ученія Христова, которое хотя говоритъ собственно о тогдашнемъ времени, но конечно относится и на всѣ времена.

Нѣкоторые совершенно погрязли въ порокахъ, и религію либо вовсе отвергаютъ, либо безбоязненно и

злонамѣренно преступаютъ ея предписанія. Тѣ называются *хулителями вѣры*; а сіи *безстрашнѣми грѣшниками*. Таковымъ религія не приноситъ уже никакой пользы. Невѣжество, легкомысліе, предразсудки, вѣтренность, долговременное упражненіе во злѣ суть главнѣйшія причины сего порочнаго безстрашія.

Другимъ религія приноситъ нѣкоторую пользу, но непрочную. Здѣсь разумѣются тѣ, которые не совсѣмъ рѣшились на добродѣтель и истину, но не совсѣмъ рѣшились и на порокъ и заблужденіе; а еще носятся между порокомъ и добродѣтелію; то добры, то злы; то по Христіянски, то противъ Христіянства мыслятъ и живутъ; то раскаеваются въ грѣхахъ, то опять за грѣхи принимаются; то заглушаютъ въ себѣ гласъ совѣсти, то опять послѣдуютъ оному, но на ко-

роткое лишь время и только изъ страха; сегодня пріобщась на примѣрѣ святыхъ таинъ, оставляютъ то и то, а завтра опять дѣлаютъ; или сегодня исполняютъ то и то, а завтра опять бросятъ. Ежели таковые долго останутся въ семъ положеніи, то можно и ихъ почитать почти пропадшими для Христіянской добродѣтели и истиннаго блаженства; у нихъ нѣтъ никакого постоянства въ характерѣ, никакой сообразности въ правилахъ. Число сихъ болѣе, нежели тѣхъ.

Еще другіе хотя не совсѣмъ злы, но не совсѣмъ добры, то есть: не столь богаты премудростію, Христіянскою непорочностію и добродѣтелью, спокойствіемъ и блаженствомъ, сколько бы по способностямъ ихъ и силамъ, и по преимуществамъ Христіянъ надъ многими народами и людьми, быть могли и

долженствовали. Они освободились уже отъ многихъ, но не отъ всѣхъ пороковъ; отъ наружныхъ и гражданскими законами наказываемыхъ пороковъ, а не отъ низкихъ и земныхъ чувствованій, не отъ безпорядочныхъ и злыхъ страстей. Они исполняютъ, можетъ быть, и многія добродѣтели; но не всѣ тѣ, къ исполненію которыхъ имѣютъ и силы и случай: либо исполняютъ ихъ не съ прямою Христіянскою чистотою. Почему они остаются всегда въ равномъ отдаленіи отъ цѣли совершенства; или приближаются къ оной медленными шагами. И сіи также порочны, и число ихъ наибольшее. Таковымъ религія хотя приноситъ еще пользу, но весьма малую. Разсѣянность, заботы, упражненія и похоти житейскія, предразсудки, вѣтренность и лѣность останавливаютъ ходъ ихъ и заду-

шаютъ въ душахъ ихъ силу религіи.

Еще есть родъ порочныхъ, коихъ Іисусъ называетъ *лицемѣрами*. Они прикрываютъ порочность свою видомъ добродѣтели, съ намѣреніемъ, либо безъ намѣренія.

Умышленные лицемѣры тѣ, которые, зная о себѣ, что они злы, стараются казаться добрыми. Они отличаются особливо тѣмъ, что много говорятъ о должностяхъ и религіи; но ничего не исполняютъ: все, что ни дѣлаютъ, дѣлаютъ только изъ честолюбія, для славы и съ нѣкоторымъ чванствомъ; показываютъ себя приверженными къ религіи и добродѣтели, и подъ видомъ оныхъ скрываютъ величайшія злодѣянія; въ мѣлочахъ и въ разсужденіи обрядовъ строги и рачительны, а въ важнѣйшихъ и нужнѣйшихъ вещахъ безсовѣстны. По наружности они

люди отмѣнные, святые, а внутренно преисполнены подлыхъ намѣреній и постыдныхъ чувствъ; обо всемъ судятъ строго и безъ пощады, а къ себѣ весьма снисходительны и благосклонны.

Сіи люди изъ всѣхъ злѣйшіе, и для человѣческаго рода, для религіи и добродѣтели опаснѣйшіе; а потому и достойнѣйшіе всякаго наказанія.

Неумышленные лицемѣры тѣ, которые почитаютъ себя благочестивыми, не бывъ подлинно таковыми; благочестіе ихъ состоитъ только въ устномъ почитаніи религіи и въ наблюденіи ея обрядовъ, а не дѣйствуетъ на ихъ сердце, или дѣйствуетъ непостоянно. При всемъ томъ они чрезвычайно довольны своимъ благочестіемъ.

Сіи не столь вредны, какъ первые. Но число ихъ гораздо больше,

и состояніе ихъ опаснѣе; потому что никого такъ не трудно исправить, какъ ихъ.

Нѣтъ большей нужды опасаться и остерегаться, чтобы другіе не обманули насъ своимъ лицемѣріемъ; а должны мы строго наблюдать за собою, чтобъ самимъ не сдѣлаться лицемѣрами, и потому нужно безпрестанно разсматривать себя по признакамъ истиннаго благочестія, изслѣдывая себя: довольно ли твердо наше благочестіе, чисто ли и правильно ли? Естьли въ насъ при томъ смиреніе, а особливо одушевляетъ ли насъ сердечная любовь къ человѣкамъ?

Доброта таковыхъ порочныхъ есть только *мнимая добродѣтель*; потому что она похожа лишь на добродѣтель и за нее почитается, а въ самомъ дѣлѣ нѣтъ въ ней ни твердости, ни честности, ни благости;

она исполняется ими либо изъ нечистыхъ и виновныхъ побужденій, либо изъ минутныхъ только намѣреній, либо и вовсе безъ намѣренія.

Хотя пороки безчисленны, и по случайнымъ причинамъ и злоупотребленію свободы человѣческой могутъ еще размножиться: но всѣ они имѣютъ корень свой въ неисправленномъ умѣ и сердцѣ, и хотя всѣ они суть прегрѣшенія противъ Бога и Христа, но одни ближе относятся къ Богу, другіе къ намъ самимъ, или къ ближнему.

Здѣсь вкратцѣ описалъ я вамъ, любезный другъ, все нравственное поврежденіе человѣческое, изъ котораго вы можете увидѣть степень его уничиженія.

Человѣку, желающему возникнуть къ премудрости и свѣту, не остается другаго средства, какъ работать

въ великомъ дѣлѣ своего возрожденія, для коего дѣйствительнѣйшія средства найдетъ онъ въ откровеніи; ибо оно открываетъ ему дѣйствительнѣйшія силы, которыя въ бѣдственномъ его состояніи ему непремѣнно нужны; отчасти, дабы предохранить себя отъ злыхъ вліяній, его окружающихъ, и не погрязнуть глубже въ тину грѣховную; отчасти, дабы съ помощію ихъ притти въ состояніе исполнять волю Всевышняго.

Когда человѣкъ, возраждаясь духомъ, начинаетъ новую жизнь, и внутреннее души его перемѣняется: тогда онъ приближается къ помазанію святости, зритъ духовными очами, и ощущаетъ присутствіе Божіе. Тогда отверзаются ему книги премудрости, о которыхъ написано: *И бысть егда совершишася четыредесять дней, глаго-*

ла Вышній, рекій: первая, яже писалъ еси, въ явѣ поставй, и да ктутъ достойніи и недостойніи: послѣдняя же седмьдесятъ сохрани, да предаси ихъ мудрымъ отъ людей Твоихъ. Въ тѣхъ бо есть корень разума, и премудрости источникъ, и вѣдѣнія рѣка. 3. Ездр. XIV. 46, 48.

Чрезъ премудрость, которая ему сообщится, узнаетъ онъ связь умнаго съ тѣлеснымъ; откроется ему знаніе всей натуры, и онъ увидитъ вещи, коихъ мудрость человѣческая постигнуть не можетъ.

Я наставилъ тебя, любезный другъ, въ главныхъ началахъ ученія премудрости; теперь, какъ чадо добродѣтели и дружбы, прикложи со вниманіемъ ко мнѣ ухо твое, и душа твоя да отверзется къ принятію мужескихъ велѣній Истины. Я покажу тебѣ путь, ведущій къ счастливой жизни; ты научишь-

ся угождать Творцу всяческихъ; и съ бодростію и успѣхомъ употреблять всѣ способы, Провидѣніемъ доброму человѣку ввѣренные, къ счастію его и другихъ.

Сердце твое, любезный другъ, да будетъ первою жертвою Богу. Благоговѣй ежедневно съ глубочайшимъ смиреніемъ предъ величествомъ Существа сего, все сотворившаго и все сохраняющаго, которое наполняетъ Собою все сердце наше, и котораго однакожъ разумъ нашъ ни постигнуть, ни опредѣлить не можетъ. Скорби о бѣдственномъ безуміи смыкающихъ глаза свои предъ свѣтомъ премудрости, дабы онъ никогда не проникъ въ ихъ душу; Сожалѣй о тѣхъ, кои не вѣдаютъ цѣны добродѣтели, откровенія и религіи. Сердце твое да умягчится и да будетъ признательно къ отеческимъ благодѣяніямъ Бога твоего!

да познаешь уничиженіе духа человѣческаго чрезъ грѣхи, и предашься вожденію Вѣчнаго. Вѣрь, любезный другъ, что ты только тогда содѣлаешься счастливымъ, когда приближишься къ первому источнику свѣта — Богу. Возвышайся часто душею твоею надъ существами матеріальными, тебя окружающими, и обращай взоръ къ небесамъ; они твое наслѣдіе, достояніе, твое отечество.

Принеси Богу любви въ жертву волю твою и желанія твои; сдѣлай себя достойнымъ животворныхъ Его вліяній; исполняй, какъ человѣкъ, законы, Имъ на тебя возложенные. Угождать Богу твоему — се твое блаженство; быть съ Нимъ соединену — се наше назначеніе, правило всѣхъ нашихъ дѣяній.

Но какъ бы смѣли мы, любезный другъ, возвести очи наши къ Су-

ществу всѣхъ существъ — твари слабыя, рабы чувственности, ежеминутно преступающіе святыя Его заповѣди, естьли бы благость Его и Отеческое попеченіе не даровали намъ Искупителя? Преданный правосудію Божію, гдѣ бы ты нашелъ убѣжище, естьлибъ не было для тебя отверстыхъ объятій Того, Кто пожертвовалъ самаго себя за всѣхъ человѣковъ? Повергнись во прахѣ предъ Словомъ воплощеннымъ, и благословляй Провидѣніе, даровавшее тебѣ счастіе родиться между Христіянами. Евангеліе да будетъ основаніемъ всѣхъ поступковъ твоихъ; жизнь твоя да будетъ дѣятельна и кротка, безъ лицемѣрія и лжесвятости. Христіянство не заключается въ одномъ разсматриваніи великихъ истинъ; оно приводитъ ихъ въ исполненіе. — Симъ-то образомъ ты будешь счастливъ;

современники твои благословятъ тебя, и ты явишься нѣкогда безъ трепета предъ престоломъ Вѣчнаго.

Образцемъ жизни твоей да будетъ образъ Искупителя нашего; жизнь Его есть примѣръ любви и святости и основаніе святой религіи. Жалѣй о заблужденіи, безъ ненависти къ заблуждающему; предоставь Богу судъ о немъ: ты же старайся любить и терпѣть. Вспомни, что, яко человѣкъ, ты изъ всѣхъ тварей избранъ быть Царемъ творенія, и не забывай никогда высокаго твоего достоинства. Все, здѣсь окружающее тебя и движущееся вокругъ тебя, смертно и подвержено тлѣнію; единая безсмертная душа твоя, чадо Божества, переживаетъ тлѣніе, и не изчезнетъ. Повергнись во прахъ, и поклонись съ благоговѣніемъ Вѣчному; каждая

молитва есть приближеніе, есть дѣйствіе, производящее воздѣйствіе. Старайся отчасу болѣе отрѣшаться отъ оковъ чувственности, и приближаться къ умному. Люби, по образу Искупителя, всѣхъ человѣковъ, и поступай по заповѣдямъ Его; будь другъ, гражданинъ, подданный; чти законы и Государей, и помни, что они образъ Божества на земли. Тебѣ не предоставлено судить ихъ, или требовать отъ нихъ отчета въ дѣлахъ ихъ; долгъ твой повиноваться. Естьли ты когда нарушишь сію священную должность: то ты долженъ будешь трепетать при имени отечества, при имени Государя; и каждый честный человѣкъ отвергнетъ тебя отъ сердца своего, яко врага общественнаго порядка; ибо Христосъ училъ соединять любовь къ отечеству съ любовію къ человѣчеству.

Будь храбрѣйшимъ воиномъ, правосуднѣйшимъ судіею, кротчайшимъ господиномъ, вѣрнѣйшимъ слугою, нѣжнѣйшимъ отцемъ, постояннѣйшимъ мужемъ, послушнѣйшимъ сыномъ, покорнѣйшимъ подданнымъ, и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни имѣй правиломъ дѣяній твоихъ ученіе Христа Спасителя.

Обрабатываніе духа твоего да будетъ ежедневнымъ твоимъ упражненіемъ; воспаряй всегда къ вышнему совершенству, цѣлію твоею; и ты достигнешь того высокаго достоинства, которое было блаженствомъ перваго человѣка — достоинства, къ коему призываетъ насъ откровеніе и религія. Ты сдѣлаешься любимцемъ Неба и Божества; благословенія Его проліются на главу твою; ты удостоишься имени мудраго, будешь свободенъ, счастливъ и блаженъ.

Теперь не остается мнѣ ничего болѣе сказать тебѣ, любезный другъ; начни практически работу твою надъ исправленіемъ, возвышеніемъ души твоей; и Богъ, который есть премудрость и благость, поведетъ тебя далѣе. Для меня довольно того, естьли я указалъ тебѣ путь къ Истинѣ; естьли далъ тебѣ ключь къ величайшимъ таинствамъ! Дверь же, которая для тебя еще заперта, долженъ ты отворить самъ. Не унывай при руководствѣ религіи; пребывая вѣрнымъ правиламъ ученія Христова, ты достигнешь мѣты твоей надежды. Простота, довѣренность и покорность суть свойства, коихъ премудрость требуетъ; поступай всегда по правиламъ Христіянства, и не испытывай слишкомъ любопытно вещей, которыхъ сначала понять ты не можешь. Великій Фенелонъ да бу-

детъ образцемъ тебѣ, который торжественно подвергъ мнѣнія свои суду вышнему — славное свидѣтельство благороднаго его сердца, которое чистосердечно и со смиреніемъ, а не съ гордостію, искало премудрости. Не забывай никогда того, что я сказалъ еще въ началѣ: что человѣкъ безъ вѣры не можетъ достигнуть и вѣденія. Теперь прощай! Богъ да благословитъ тебя въ путяхъ твоихъ! —

КОНЕЦЪ.

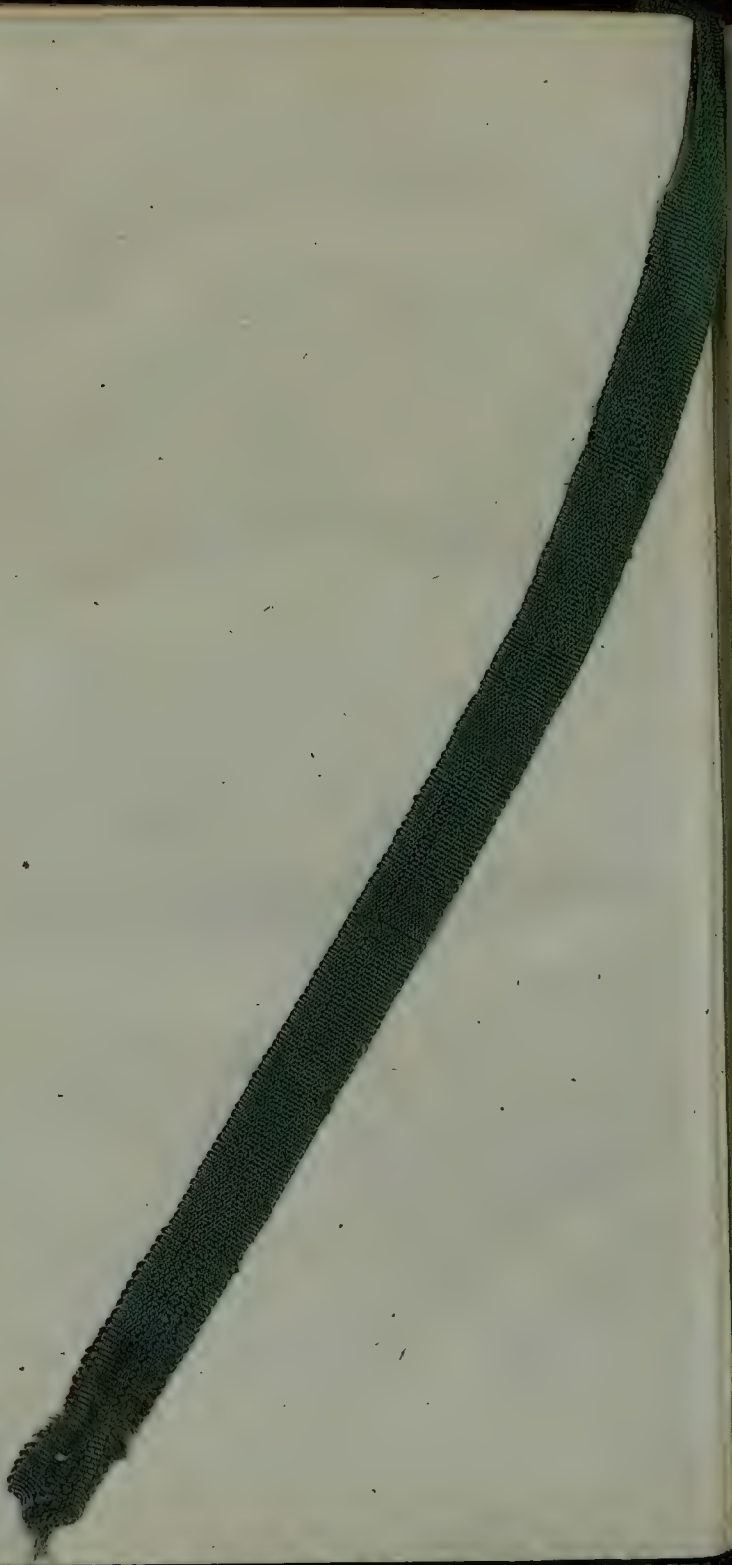
Печатаны въ Москвѣ
у Селивановскаго.

Главныя Типографическія ошибки.

стран.	*стр.*	*напечатано:*	*читай:*
7.	10-11.	долны	должны
84.	23.	наблюденіе котораго.	наблюденіе котораго,
107.	22.	стоятъ въ союзѣ	состоятъ въ союзѣ
140.	16.	ежели любитъ и узнаетъ	ежели любитъ и знаетъ
164.	23.	человѣкъ	человѣкъ
168.	16.	которое изъ двухъ силъ	которая изъ двухъ силъ
186.	19.	есть рабъ неправды	не есть рабъ неправды
188.	10.	коимъ сшрахъ приноситъ жертвы, а фанатизмъ и невѣжество человѣковъ хочетъ	коимъ страхъ куритъ оимiамъ, а фанатизмъ и невѣжество приноситъ въ жертву человѣковъ, хочетъ
201.	15.	возрастаянія	возрастанія
205.	3.	присутствія. Едва Моисей	присутствія; едва Моисей
—	23.	перемѣнъ	перемѣнъ
222.	2-3.	учининится	учинится

стран.	*стр.*	*напечатано:*	*читай:*
224.	8.	Учиинило	учинило
236.	15.	Богопознанія ; Такъ вѣрно	Богопознанія. Такъ вѣрно
258.	21.	иэъ безсилія	изъ безсилія
268.	4-5.	сладкимя	сладкими
—	12.	минуты, которыя душа	минуты, въ которыя душа
282.	8.	ложъ	ложь
298.	16.	міръ и чувствительность	міръ и чувственность
302.	22.	видимъ только сіому ;	видимъ только тому ;
—	22-23.	являетя	является
313.	16.	расположеніе	разпложеніе
326.	18.	*Аммочій*	*Аммоній*
327.	4.	будто бы-	будто бы
332.	5.	чрезъ.	чрезъ
339.	5.	переживаетъ	пересиливаетъ
343.	20-21	способностямъ	способностямъ
354.	20-21	переживаетъ	переживетъ
347.	14.	естли	есть ли

10[illegible]



17/VII 407

редкость!

В.И.Клочковъ С.П.Б. Литейный 55.